



Владимир Лещенко

Идущие сквозь миры

«Автор»

Лещенко В.

Идущие сквозь миры / В. Лещенко — «Автор»,

Свыше тысячи лет назад возник союз между цивилизациями разных пространственно-временных континуумов. Купцы и пираты Хеолики объединились с магами Эораттана, овладевшими способом перемещения между вселенными. И с той поры разноплеменные отряды занимаются торговлей, а иногда и разбоем, в чужих параллельных мирах, свозя добычу к своим предприимчивым хозяевам. Но не каждый из тех, кто находится на этой сомнительной службе, доволен судьбой. Однажды наш соотечественник Василий Кирпиченко, а с ним скандинавский ярл, гавайский вождь, крепостная крестьянка и еще несколько человек случайно добыли Ключ Перекрестков. Теперь у них есть шанс вернуться домой или, в крайнем случае, найти удобный для жизни мир...

© Лещенко В.

© Автор

Содержание

Часть первая. БЕРЕГ И МОРЕ	6
Василий	6
Интерлюдия 1	16
Василий	19
Интерлюдия 1	28
Василий	31
Интерлюдия 2	32
Василий	36
Мидара	42
Василий	47
Дмитрий	61
Ингольф Сигурдсон	62
Василий	63
Интерлюдия 3	66
Василий	68
Интерлюдия 3	69
Василий	71
Интерлюдия 4	72
Интерлюдия 4	73
Мидара	75
Часть вторая. НАЧАЛО ПУТИ	80
Василий	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Владимир Лещенко

Идущие сквозь миры

...Если ваша судьба быть повешенным, вы не утонете. Но нужно быть чертовски уверенным, что вам суждена виселица, чтобы отправиться в плавание на дырявом корабле, когда в океане жестокий шторм.

Стивен Хокин

Часть первая. БЕРЕГ И МОРЕ

Василий

– Капитан, вот они!

Я отвел глаза от экрана радара и посмотрел туда, куда указывал криво сросшийся палец Мустафы. Метрах в пятистах позади нас, в туманном мареве проступили, один за другим, силуэты трех низкобортных длинных кораблей под прямоугольным парусом.

Рука машинально потянулась к биноклю, хотя я и без него уже знал, что это за корабли.

– Давай зови наварха... Эй, и этого... тоже, само собой, – бросил я уже в спину боцману, метнувшемуся вниз по трапу.

Пожав плечами, я нашарил в кармане передатчик, на ощупь нажал третью кнопку. Мустафа отличался двумя не вполне положительными качествами – во-первых, он не мог выполнять два поручения одновременно, во-вторых, не любил и боялся магов, даже не считая нужным этого скрывать. Он, конечно, не нарушит приказа, но – на всякий случай...

Следовало все-таки поинтересоваться: кто именно пожаловал по нашу душу?

Сквозь белый сумрак в бинокль хорошо были видны низкие просмоленные борта, ряд круглых с металлической оковкой щитов, штевни в виде оскаленных драконьих морд... На парусах – продольные красные полосы. По этому признаку я безошибочно определил национальность преследователей. Датчане... Десятки весел размеренно двигались, взбивая морскую гладь, – гребцы работали дружно, споро... Еще бы – у викингов за веслами сидят не заморенные рабы, а здоровые мужики, любой из которых шутя поднимет одной рукой наковальню и может сутки напролет грести против шторма. Три драккара – по одному на каждый наш когг. Вполне достаточно, если учесть, что на каждом – не меньше полусотни воинов. Лучших воинов в этом мире на данный момент.

До чего скверно все вышло! Еще вчера я не стал бы тревожить почтенных начальников, а просто передал соответствующую команду на два других корабля, после чего спустился в трюм «Левиафана», открыл потайной люк и запустил тщательно упрятанный за двойным дном двигатель.

Потом вновь поднялся бы на мостик и не без удовольствия понаблюдал, как драккары отчаянно пытаются догнать нас.

Но увы – так бы было еще вчера. А сегодня ночью, в мертвый штиль, когда мы шли под машиной, «Симаргл», самый маленький из трех наших кораблей, в темноте столкнулся с бревном. Причем это самое бревно угораздило попасть прямоиком во всасывающий сифон водомета, высадив решетку. Прежде чем на мостике сообразили, в чем дело, лопатки турбины были напрочь снесены.

Незначительная неприятность, не более того: ведь до портала нам оставалось каких-то часа три-четыре неспешного парусного хода. Не иначе дьявол сунул нам навстречу эти три норманнские ладьи.

Интересно, как они ухитрились так ловко выйти на нас в этом тумане? Можно подумать, что на одном из драккаров сидит какой-нибудь особо чувствительный шаман... На радаре было видно, что шли они нам на пересечку курса довольно-таки целеустремленно.

И что теперь прикажешь делать?

Можно было бы попробовать пугнуть викингов греческим огнем, только вот не испугаются они – им уже случалось брать на абордаж византийские огненосные дромоны. Да и не было греческого огня у нас на борту. Перед выходом с базы помощник эконома не моргнув

глазом заявил, что греческий огонь закончился и вообще мы и без греческого огня не помрем. Интересно, на сторону он его продает, что ли?...

На мостик взбежал начальник нашей флотилии, молодой человек лет тридцати с небольшим, Дмитрий Николаевич Голицын-Кахуна. За ним с каменным выражением на бледно-смуглом лице поднимался Тирусан Хао Ооргенг собственной персоной. На его шее на золотой цепочке мигал красным огоньком и тихонько попискивал пейджер; рука его лежала на расстегнутой кобуре.

Что меня всегда поражало в подобных ему – так это их пристрастие к оружию. Они словно чувствуют себя без него нагими.

Впрочем, это, если вдуматься, понятно – они и в самом деле должны чувствовать себя голыми и беззащитными в мире, где лишены почти всех своих способностей.

На лице Тирусана проскальзывала тень легкого недовольства, словно мы оторвали его из-за пустяков от важнейшего дела. Впрочем, в определенном смысле так и было – в Ладогe он купил совсем юную рабыню, близкому общению с которой и посвящал почти все время нашего обратного плавания.

Секунду-другую он вглядывался в окружающую дымку, затем скрестил руки на груди, как будто погрузился в отвлеченные размышления о смысле бытия.

Мы ждали его решения. Маг мог попытаться затуманить мозги викингов какой-нибудь простенькой иллюзией или сделать что-нибудь с их предводителем. Правда, на таком расстоянии их было бы не просто достать, но...

– Ну что же, – неприятно проскрипел колдун, глядя на приближающиеся корабли. – Вы не хуже меня знаете, что нужно делать в подобных случаях, капитан. Эораттану нужны рабы. – Он вдруг разразился каркающим, каким-то нелюдским хохотом, словно под человеческим обликом скрывалось некое жуткое существо.

На мгновение у меня даже мелькнула мысль: что, если внешний облик мага – только видимость, а за ней прячется какой-нибудь чешуйчатый ящер с холодной кровью?

Словно уловив, о чем я подумал, колдун впился в меня взглядом немигающих желтых глаз, и мне почудилось, что давно знакомые черты младшего мага третьей ступени Тирусана Ооргенга расплываются, а под ними проступают совсем иные.

– Действуйте, почтенный, действуйте, – бросил он, явно теряя интерес к происходящему, и зашагал прочь.

Дмитрий вытащил из кармана мобильник, нажал несколько кнопок.

– Внимание, – произнес Дмитрий. – Флотилия три-семнадцать, как слышите меня? Приказываю: готовиться к отражению атаки. Боеприпасы: только парализующие. Ничего смертельного. Повторяю: только сонный газ.

Капитаны должны были разобрать сказанное. Болгарину Анастасу Бояджичу с «Дельфина» сам бог велел, а Грегори Джиллмен все-таки пять лет прослужил в канадской морской пехоте, а там пусть и немного, но обучали языку потенциального противника.

Затем он кивнул мне.

– Ингольф и Пустошный – за мной! – скомандовал я.

Стоявший за моей спиной наш рулевой Ингольф Сигурдсон недобро ощерился, показав кулак приближающимся драккарам – с данами у викинга были свои счета, собственно говоря, из-за них он и оказался среди нас.

Мы спустились в трюм, где у пятого шпангоута я присел на корточки.

Нажал на сучок, еле заметный на потемневших досках. В палубе с легким скрипом отворился люк, и сразу проем осветился тусклым светом маленькой лампы.

Я прыгнул вниз, в люк, прорезанный в фальшивом днище, при этом чувствительно ударившись коленом о кожух водомета.

Двумя поворотами ключа я открыл окованный железом рундук, хранивший наш арсенал, оттуда один за другим извлек три гранатомета и карабин. Два передал не глядя стоящим у меня за спиной, карабин перекинул через плечо. Взгляд остановился на боеприпасах, лежавших во втором отделении рундука.

Те, черные, с красной полосой гранаты – с напалмом, серо-зеленые – фугасные, длинные, со стреловидным оперением – бронебойные, способные прожечь броню крейсера, а вот эти, с пустым гнездом активатора, – химические бинарные. Слава богу, сегодня мне нужно не это.

Я извлек запаянные в прозрачный пластик оранжевые тупоносые цилиндрики парализующих газовых гранат, покрытые замысловатыми иероглифами, разорвал упаковку...

Один за другим они вошли в подствольные магазины. По пять штук, хотя хватило бы и одной... ну, двух, если промахнемся. В эту минуту на двух других когках тоже извлекали из тайников гранатометы и ружья и готовились к бою – если предстоящее можно было так назвать.

Мы поднялись на палубу.

Пока мы были внизу, пираты успели пройти половину расстояния, разделявшего нас. Еще несколько минут, и они окажутся на нашей палубе. Карабин я передал Мустафе – на всякий случай.

Ингольф любовно прижимал оружие к груди, на лице его было явственно написано искреннее сожаление, что и на этот раз не придется помахать топором.

Я взгромоздил на плечо легкую трубу из дюраля в камуфляжной окраске, приложив к глазу окуляр замысловатого, с лазерной подсветкой, прицела.

На «Дельфине» и «Левиафане» еще полдюжины пар глаз наблюдали за викингами в оптические прицелы, на тот случай, если мы промахнемся. Но мы не промахнемся.

В прицеле совсем близко – руку протяни – были видны довольно ухмыляющиеся бородастые хари, окруженные лохмами, развеваемыми ветром.

Все как на подбор – здоровяки в разноцветных плащах, отороченных волчьими и медвежьими мехами, скрепленными большими золотыми фибулами, в низко надвинутых остроконечных шлемах, а кое-кто – в соболях и бобровых шапках. Могучие запястья украшали массивные золотые и серебряные обручи.

Колоритная, надо отдать должное, картинка.

Вместе с мечами в руках появились луки – мы вот-вот окажемся в досягаемости полета их стрел. Их предводитель, уже седой, косматый, как матерый медведь, с золотой гривной на шее, напряженно сощурившись, глядел на нас из-под руки.

Мерцающее пятно каллиматора надвинулось на его лицо, и он вдруг нахмурился. Быть может, что-то почуял инстинктом старого бойца. Он что-то крикнул, не оборачиваясь, и рядом стали несколько лучников, уже натягивая тетивы своего оружия. Пора.

– Приготовиться! – Голос мой слегка дрогнул. Поверьте, я отнюдь не испытывал восторга от того, что мне предстояло, хотя отлично знал, что передо мной люди, одно из любимых развлечений которых – ловить на копья подброшенных детей. Как бы то ни было, здесь их мир и их время. Мои собственные предки были не лучше... – Приготовиться!

Краем глаза я различил, как Мустафа метнулся в сторону, – как-то он едва не лишился зрения, попав под выхлоп гранатомета.

Преодолев судорогу, которая вдруг свела мне палец, я нажал спуск.

Оставляя за собой дымные хвосты, три гранаты понеслись к драккарам.

Три еле заметных облачка возникли на несколько секунд над кораблями...

Может быть, в далеком будущем взлетят несущие всеобщую смерть межконтинентальные ракеты, запущенные потомком того, кто должен был погибнуть от руки одного из падающих сейчас на дно драккаров. Или не будет сделано великое открытие, которое изменит мир... Или не произойдет ничего, потому что совсем скоро, завтра или послезавтра, этим трем драккарам суждено было бы пойти на дно вместе со всем содержимым.

Минут через пять мы уже подошли вплотную к драккару, чьи весла бессильно болтались в мелкой волне. С костяным стуком соприкоснулись наши борта.

На гребных скамьях, на носовой и кормовой палубе вповалку лежали десятки тел, блестя металлом кольчуг. Они все казались мертвыми. Недвижно лежали те, кто еще несколько минут назад предвкушал легкую и обильную добычу – товары и рабов – и, быть может, прикидывал, кого из взятых в плен принесет в жертву своим богам. Совсем скоро им предстоит биться в отчаянии головой о стены тюрьмы, проклиная судьбу и этих богов, скрестивших их путь с нашим.

Зрелище (одно из многих, обычных для нас), за которое какой-нибудь профессор-историк не пожалел бы нескольких лет жизни.

Стоявший у леера матрос подцепил драккар багром и, натужно кряхтя, подтащил к самому борту. Вот он и еще двое спрыгнули на судно, и через несколько секунд вокруг гребной банки был обмотан канат.

Едко несло химией, и аромат разложившегося паралика смешивался с острой вонью немых тел. Драккар пах куда крепче, чем наши кораблики, хотя колдун, случилось, жаловался на неприятный запах.

Рядом со мной появился младший из матросов – Гриша Алмазов – с целой связкой кандалов.

Пара ручных браслетов, соединенных длинными цепями с ножными и такой же цепочкой, пропускаемой между ног, – с ошейником. Это хитроумное изобретение невесть какого мира не оставляет закованному в них никакой надежды на освобождение. Стоит человеку в таких кандалах не то чтобы попытаться спастись бегством, а даже просто сделать резкое движение, как ошейник сдавит ему горло, грозя смертью от удушья.

Расхватав эти замечательные приспособления (кое-кто имел возможность испытать их действие на себе), матросы принялись паковать в них бесчувственных викингов так же спокойно и деловито, как будто перед ними были бесчувственные мешки или тюки. При этом, не стесняясь, раздевали пленников, сдирая с плеч плащи, освобождая руки от браслетов, стаскивая грубые тяжелые сапоги, засовывая за пояс и за голенища изъятые кинжалы.

Потом, повинуясь короткой команде Мустафы, они уложили пиратов в ряд, после чего, выстроившись попарно, принялись перетаскивать пленников на наш корабль, бесцеремонно швыряя их в трюмный люк, правда, на заранее подостланную солому. Получилось в согласии с поговоркой о мерах предосторожности на случай неожиданного падения.

Около меня очутился спрыгнувший с борта «Левиафана» Ингольф – от удара драккар даже покачнулся. Скандинав довольно ухмылялся, глядя на результаты своих трудов.

Он присел на корточки у тела ярла (или кто он там), срезал со шнура на его шее тяжелую золотую пластину и протянул мне:

- Оставь себе.
- Бери, капитан, первая доля – вожаку.
- Тогда уж отдай наварху, – усмехнулся я.

Буркнув под нос что-то вроде «было бы предложено», скандинав вытащил из ножен меч. Повертел так и сяк:

- Уж меч-то должен взять.
- Ладно, забери, потом отдашь.

Меч, по правде сказать, мне был ни к чему – я не умел с ним обращаться. Еще абордажной саблей или кортиком как-то владею...

Тем временем обшаривавшие драккар матросы под руководством младшего боцмана вынесли из кормовой надстройки трех женщин в разорванных лохмотьях.

- Там еще одна, – крикнул мне Адриан. – Только она прикована и голая.

Подобрав валявшуюся секиру, он вновь нырнул в надстройку. Послышался лязг металла о металл, хруст обшивки.

Он вновь появился, и уже не один.

На руках Адриан держал дородную длинноволосую блондинку. Волосы чистого платинового оттенка мели палубный настил, ноги своей длиной превосходили всякое воображение, а высокие полные груди поднимались торчком, как два холма безупречной формы.

Было видно, что удерживать на руках это чудо природы Адриану удастся не без труда.

Послышались удивленные и одобрительные возгласы, соленые шуточки и соответствующие советы – как поступить младшему боцману. Сделав вид, что не слышит, Адриан бережно понес свою добычу на «Левиафан».

Его проводили завистливыми взглядами, но окрик Мустафы заставил матросов вернуться к работе.

Перекидав наконец бесчувственных пленников в трюм, мои подчиненные принялись потрошить трофейное судно.

Выкатывали по сходням бочонки с солониной и пивом, перетаскивали на «Левиафан» мешки с мукой и сушеной рыбой. Пятеро матросов чертыхались, согнувшись под тяжестью паруса. Ничего не должно пропасть. Вот один из суесящихся на носу украдкой нагнулся и что-то поднял. Я сделал вид, что не заметил.

Не прошло и часа, как все три корабля были очищены от всего, что представляло хоть какую-то ценность.

Двое пробежали навстречу друг другу от носа и кормы драккара, внимательно глядя, не забыли ли чего, потом сноровисто забрались обратно на палубу «Левиафана»

Секира в руках Ингольфа взлетела вверх. Молодецки хэкнув, он ударил в борт драккара, и тут же – еще раз. После второго удара из-под лезвия хлынула вода.

Подтянувшись на одной руке (не выпуская из другой руки топор), он легко вскочил обратно на палубу.

Через пять минут, развернув паруса к ветру, мы двинулись прочь от места, где, оставив после себя несколько мелких водоворотов, в глубине скрылись три ладьи викингов.

Всего лишь краткая остановка в пути, досадная, хотя в чем-то и небезвыгодная случайность.

– Что, интересно, будем делать, если ветер стихнет?

– Как что? Возьмем «Левиафан» на буксир. Заведем трос на оба наших когга, и вперед. Узлов девять вытянем. – Высказавшись, Дмитрий Голицын вновь принялся смотреть вдаль.

Если не знать – невозможно предположить, что этот рослый, широкоплечий молодой мужчина, с кожей светлого бронзового оттенка, длинными усами кольцом, полными губами, светло-кариими глазами и орлиным носом по праву принадлежит к знаменитому княжескому роду.

Князь Дмитрий Георгиевич Голицын-Кахуна (для друзей – просто Дмитрий, для прочих – достопочтенный наварх) происходил из мира, в котором за полтора века до моего рождения победили декабристы.

В его реальности Россия до сих пор осталась конституционной монархией, и ее территория простирается от Босфора до Калифорнии и Гаваев. Даже Антарктида является владением Русского императорского дома.

Сам Голицын был в своем 1984 году богатым и знатным хозяином восьми с лишним тысяч десятин на Гавайских островах, которые стали протекторатом Российской империи, насколько я помню с его слов, в тридцатые годы позапрошлого века, и в Калифорнии, а также весьма почитаемым потомком индейских вождей и полинезийских королей.

Ну и кроме того, как и положено русскому дворянину и богачу, – любителем яхт, красивых женщин и лошадей. Еще он любил авиационный спорт, и именно эта любовь привела его на палубу хэолийского корабля.

Однажды, пролетая на своем гидроплане над одним из необитаемых островков Каролинского архипелага, он заметил сверху довольно странные сооружения, возле которых в коралловой лагуне стояло несколько парусных судов. Заинтересовавшись, кто бы это мог быть, он приземлился на узкий коралловый пляж и беспечно направился прямо навстречу высыпавшей из бараков публике...

В оправдание его поступка следует сказать, что тогда ему было только двадцать три, а мир, где он родился, был куда спокойнее, нежели даже тот, из которого происхожу я. И уж подавно не мог он предполагать, что наткнулся на временную торговую стоянку выходцев из параллельного мира...

После того как Дмитрий покинул мостик, я вновь устремил взор на затянутые туманом волны Северного моря.

На юте нас осталось трое – я, Мустафа, бессменно стоявший за штурвалом, и его младший коллега Адриан Пустошник.

Наш «Левиафан» условно можно назвать коггом, хотя от этих вертких, пузатых суденышек старинных немецких купцов он довольно сильно отличается.

Прежде всего, он заметно быстрее ходит под парусами, благодаря нескольким почти незаметным, но полезным усовершенствованиям такелажа. В нем четыреста тонн водоизмещения, у него высокая и широкая корма, так же высоко приподнятый над палубой бак и две мачты. Несколько необычно выглядит толстый резной поручень ограждения капитанского мостика. Нажатиями на несколько завитушек этой резьбы он легко открывается, и глазам предстают экран радара и курсографа, электронный барометр с хитрой приставочкой, позволяющей заранее уклониться от шторма, калькулятор для штурманских расчетов и гироскоп.

Под нашими ногами на корме размещаются каюты капитана, двух помощников и старшего боцмана. И еще два кубрика четыре на три с половиной метра, в каждом из которых размещалось двенадцать двухъярусных коек, а посередине еще ухитрились воткнуть стол и скамьи. Поэтому в хорошую погоду команда предпочитала есть на палубе.

У нас имеются и более комфортабельные корабли, где каюты с удобствами, а у капитана есть личная уборная с ванной, и мне доводилось ходить на них не раз. Но не сунешься же в конец десятого века от Рождества Христова на баркентине или, чего доброго, на пароходе?

Именно из-за того, что странствуем мы по разным мирам, для нас, точнее для наших хозяев, основная единица – не корабль, а команда. Сегодня мы идем куда-нибудь в дикий мир обменивать стекляшки и зеркала на меха и жемчуг – туда можно отправляться на первом попавшемся свободном судне; если и останутся какие-то легенды, то через два-три поколения фантазия рассказчиков изменит их до неузнаваемости. Завтра, то есть через месяц, плывем в Финикию или Ассирию – тут годится какой-нибудь нав или дхоу, почти не изменившиеся за две тысячи лет. Послезавтра нас посылают в мир, уже кое-чего достигший в смысле материального прогресса, и туда мы плывем на паровой шхуне. Вообще-то, в идеале это выглядит не так: обычно на достаточно длительный срок нас закрепляют на маршрутах, где можно обойтись одним и тем же судном.

Но в жизни бывает всякое.

Экипаж «Левиафана», как и двух других коггов, состоит из капитана (в данном случае меня), помощника (он же механик), второго помощника (суперкарго, на котором лежит обязанность осуществлять все торговые операции и ведать приемом груза), штурмана, двух боцманов (старшего и младшего), рулевого и еще двух с лишним десятков матросов. На «Левиафане», впрочем, первого помощника нет, ибо там квартирует наварх – начальник нашей маленькой флотилии.

Есть еще и маг. Но маг – это не член экипажа, скорее мы все, если угодно, – необходимое, но второстепенное приложение к нему.

– Что там, интересно, подельывает наш колдун? – подумал я и обнаружил, что произнес это вслух.

Мустафа встрепенулся:

– Известно чего делает этот... – Лицо боцмана отражало два борющихся в его душе чувства: желание сказать о почтеннейшем Тирусане Ао Ооргенге то, что он думает, и страх перед тем, что вышеупомянутый каким-то образом узнает, что говорил о его высокой персоне ничтожный смертный.

– А чегой-то ты так злишься, Мустафа? – лениво, как бы между прочим, бросил разглядывавший волны Пустошник. – У вас, мусульман, девку можно замуж в девять лет отдавать, а той хазаряночке уже лет двенадцать будет...

– Так то замуж отдавать, а не блудить с ней, не мучить так, что потом полночи плачет! – процедил Мустафа, с откровенной неприязнью пожирая взглядом католическое распятие на шее Адриана. – Или, может, пророк Исса вам такое тоже разрешил?!

Между представителями двух религий вот-вот мог разгореться нешуточный спор, возможно даже с перспективой рукоприкладства. Допустить этого я, разумеется, не мог и, в полном соответствии с пунктом 456-А Устава, пресек «неподобающий спор о вере». Сделал я это очень просто: отправил Пустошника вниз присмотреть за пленниками, хотя в этом и не было нужды – они начнут пробуждаться только через час-другой.

На прощание он бросил в мою сторону взгляд, в котором читалось затаенное неодобрение, – Адриан полагал, что я больше симпатизирую первому боцману.

Что делать, но это действительно так. Он кажется мне более надежным человеком.

Если там, откуда родом Мустафа Селимович, на Руси, да и во всей Европе, утвердился ислам, то в мире Пустошного – католицизм. Оба они в свое время участвовали в религиозных войнах: первый с буддистами, второй с поклонявшимися Аллаху, – и оба, несмотря на все то, что узнали за годы пребывания на службе у Хэолики, сохранили свою веру, что бывает далеко не всегда.

Помнится, еще в самом начале нашего знакомства я спросил у Мустафы: как случилось, что князь Владимир принял мусульманство? Пожав плечами, Мустафа ответил, что ни про какого князя Ульдемира он не знает, а истинную веру его предкам принес непобедимый халиф Омар Пловдивский. Из чего я заключил, что пути моей и его вселенных разошлись уже очень давно.

Мустафа заметно вздрогнул, слегка изменившись в лице, и, даже не оборачиваясь, я понял – на палубе появился маг.

– Место, – коротко сообщил он.

Хотя, по моим прикидкам, нам оставалось идти еще как минимум полчаса, но хозяину, как говорится, виднее.

Не дожидаясь моей команды, боцман просигналил на два других судна...

Пофыркивая двигателями, корабли подошли вплотную друг к другу, так что нос «Симаргла» почти уперся в корму «Кракена». Вот Мустафа перебросил на «Симаргла» швартовый конец, который тут же был обмотан вокруг украшавшей его нос оскаленной волчьей головы. Затем к нам на корму с лязгом полетели цепи, и боцман вместе с Ингольфом набросили их на вбитые в палубу крючья. Во время перемещения корабли должны быть намертво соединены меж собой, в противном случае они неизбежно окажутся в разных мирах.

Можно было начинать.

– Завалить мачты, – отдал я команду.

Тут же добрый десяток матросов бросились проверять тормоза на блоках, а Ингольф, поигрывая пудовой кувалдой, направился к грот-мачте, примериваясь, как половчее ударить в опоясывающий ее основание стальной бандаж.

Если судьба когда-нибудь занесет вас на корабль, где низ мачты охвачен широким железным кольцом, нарочито грубо откованным и заржавелым, мой совет – поскорее с такого корабля убирайтесь. Наверняка это один из наших – то есть, конечно, хэолийских – кораблей, и вы сильно рискуете никогда не вернуться домой, случись вам отправиться на нем даже в небольшое плавание. Со многими моими коллегами именно так и случилось.

Со скрежетом и скрипом натягивающихся снастей, мачты медленно переломились и опрокинулись назад – чтобы чародею не пришлось, упаси бог, перетрудиться, открывая слишком большой портал.

Ооргенг взглянул на часы. В отличие от абсолютного большинства своих собратьев, он предпочитал не электронные, а старомодные механические. Да не простые – на его руке был золотой «ролекс» с бриллиантовой инкрустацией.

– Пора, – распорядился чародей.

Он поднял обе руки вверх, так что широкие манжеты сползли, обнажив охватывающие предплечья браслеты из светло-серого материала – на вид не то из кости, не то из пластика. Но это не кость и не пластик.

– Всем приготовиться к переходу, – отдал я ставшую уже привычной команду, – посторонним с палубы!

Позади меня послышался топот множества тяжелых башмаков – по правилам в момент пересечения границы миров наверху оставались только маг и капитан с помощником.

Ооргенг вытянул левую руку вперед, словно прицеливаясь из невидимого пистолета. Прямо перед нами из моря выросло мерцающее облако бледного света, похожее на сплющенное с боков яйцо. Просто и обыденно.

Ни грома небесного и грозно звучащих заклинаний, ни зловещего шелеста, ни воющего ветра и разноцветных вспышек молний. Магия в чистом виде...

– Малый вперед! – рявкнул я в телефон.

Отвечая мне, под днищем завывли водометные турбины.

В следующее мгновение наступила неправдоподобная тишина, и мы оказались в коконе из жемчужно сияющего тумана. Одновременно по всему телу Ооргенга прошла, корежа напрягшиеся мышцы, судорожная волна. Затем его резко перегнуло пополам, и содержимое его желудка полилось на палубу. Судорога вновь и вновь терзала его тело, а с губ рвался вполне человеческий стон. Я такое видел уже не единожды и всякий раз ощущал в глубине души нечто похожее на мстительное удовлетворение.

Наш мир преподносит иногда заносчивым эораттанцам довольно-таки неприятные сюрпризы, жестоко мстя за использование чуждых ему сил.

Его вновь вывернуло наизнанку, на этот раз желчью. Мне стало боязно – что, если он потеряет сознание и нас выбросит неизвестно куда?

Но Тирусан Ооргенг уже распрямился, вытирая рот. Одновременно перламутровый полумрак сменился вечерним закатным небом и в уши вновь ворвался плеск волн.

– Тяжелый переход, – глухо поделился со мною впечатлениями чародей.

Потом без лишних слов направился к входу в кормовую надстройку.

Я оглядел горизонт – нет ли вблизи других возвращающихся на базу судов: струна, по которой мы прибыли сюда, была одной из самых удобных и часто используемых трасс.

Но нет, в данный момент мы были здесь одни.

Пока два матроса торопливо убрали за Тирусаном, высыпавшие на палубу члены команды под руководством Адриана уже заводили концы на брашпиль – вернуть в прежнее положение мачты.

Через полминуты под скрежет шестерен и глухое завывание двигателя мачты стали на место, и Ингольф вновь поднял обруч, закрепив его двумя шкворнями.

Еще через восемь часов из-за горизонта начал подниматься холмистый берег. В моем мире тут находился Бостон.

Уже через час наша флотилия вошла в бухту. Россыпь складов на берегу, суесящиеся люди, корабли у причалов.

Над высоким частоколом из почерневших бревен, опоясывавших вершину холма, торчала, как указующий в небо перст, заклинательная башня магов.

Позади всего этого по склону пологого холма, поросшего кривым сосняком, взбились разнообразного вида строения. Мы были дома.

У бревенчатого причала качалось несколько дюжин самых разнообразных судов, от баркентин до арабских дхоу и финикийских «круглых» кораблей. Тут же были пришвартованы два небольших пароходика.

На первый взгляд база выглядела обычным приморским поселком. Жилые строения, сараи и мастерские, в беспорядке разбросанные по песчаному берегу.

На стапелях эллинга стояло три корабля, оттуда доносился стук топоров и визг пил.

Как мне признавался в доверительной беседе командор нашей базы, почтенный Хухотухчи, подбор подходящих кораблей – едва ли не самое трудное в его ремесле после прокладки маршрутов. Ведь корабль должен выглядеть по крайней мере не слишком чужеродно как минимум для десятка миров, да еще при этом вмещать по возможности побольше груза.

Вначале хэоликийцы пытались строить их сами, но быстро прекратили. Верфи, на которых приходилось строить огромное множество кораблей десятков и сотен типов, съедали изрядную долю прибыли, при этом требуя множества рабочих рук. К тому же незаметная доставка судов по тысячам континуумов превращалась в почти неразрешимую задачу.

Суда начали заказывать в ближайших окрестностях баз, на месте их только доводили до ума, устанавливая кое-какие полезные и необходимые приспособления.

Сначала искусные плотники – действительно искусные (их поиск и ловля были для нас изрядной проблемой) – аккуратно наращивали второе дно, оставляя совсем небольшое свободное пространство, где и монтировались двигатели и тайные кладовые (именно в таком порядке и никак иначе – традиция!).

Затем двойное дно тщательно заливали толстым слоем дегтя и смолы, после чего сверху настилали еще доски. За много столетий этот прием ни разу не подводил. Разумеется, какой-нибудь особо привередливый таможенник может приказать поднять настил, но что он там увидит? Никому в здравом уме не придет в голову отдать приказ рубить днище корабля. Во всяком случае, таких случаев анналы базы не сохранили. Там, в междудонном пространстве, прячется водометный двигатель почти всегда одной и той же марки – «Ансальдо» 1979 года выпуска, с небольшим запасом горючего (спирта или керосина) и газовым генератором, работающим на дровах. Никто не удивится, обнаружив среди груза несколько десятков кубов хороших сосновых или пальмовых досок. Там же в рундуке сложено оружие, которое разрешается применять только в самом крайнем случае.

Там же – запас продуктов в японском диффузном холодильнике, изготовленном в 2011 году. Последние являются весьма нелишним дополнением к извечной солонине, сухарям, похлебке из сушеных овощей и консервам.

Здесь же хранятся лекарства – буквально от всех возможных болезней. Вылечить содержимым этого ящичка можно – я не преувеличиваю – почти все. Вернее, скажем так: почти все и почти у каждого. Однако следовало быть осторожным. Всякий врач знает: чем сильнее средство, тем сильнее и побочные эффекты. У этих снадобий эффекты таковы, что иногда на то, чем становится человек, не могут без содрогания смотреть даже самые бывалые из нас. Тем

не менее лекарства эти приходится использовать довольно часто – ведь в основном мы торгуем в мирах, находящихся где-то на уровне средневековья, и это в лучшем случае. Разнообразные эпидемии там привычные гости, а получить рану можно куда проще, чем у меня дома – схлопотать по морде.

А магия тоже не всегда может помочь – ведь она отнюдь не всесильна в нашем мире. В наших мирах...

Интерлюдия 1

С чего все началось...

Наверное, начать следовало бы так, в любимом хэолийцами высокопарном стиле:

«...Некогда, неизмеримые миллионы миллионов лет назад, неведомо почему возникла Вселенная. Одна, Самая Первая, из которой и произошло, как из семечка, великое Древо Миров и Времен, на котором каждая ветвь – бесконечное мироздание...»

Впрочем, это не единственно возможный взгляд на устройство Вселенной. Вот, например, как выглядит он с точки зрения (во всяком случае, насколько это известно нам) эораттанских магов.

Вся Вселенная, вместе с Землей и Меркурием, Луной и Альтаиром, Солнцем и туманностью Андромеды, миллионами галактик, черных дыр и квазаров, является одной из страниц колоссальной книги, написанной Великими Творцами.

Все эти вселенные-страницы были созданы одновременно, по одному и тому же образцу, измышленному Божественным промыслом.

Но хотя все миры и были изготовлены совершенно одинаковыми, уже в первые мгновения в них стали возникать различия: где-то частица отклонилась от предначертанной орбиты, где-то пылинка столкнулась с другой пылинкой.

В результате в одной вселенной Земля получила несколько другую орбиту, где-то место океанов заняли материки, а место болот – пустыни, место жарких тропиков – вечная мерзлота, как следствие – возникли и развились другие виды животных и растений... И так далее.

Но кроме случайных изменений есть еще и порожденные Великой и Непостижимой Игрой Творцов, которые время от времени развлекаются, внося изменения в течение судьбы.

Можно услышать еще одно объяснение. Вселенная в принципе бесконечна во времени и пространстве и состоит из совокупности вселенных, непрерывно рождающихся и гибнущих каждое мгновение. Однако все они созданы по единому образцу, как клетки человеческого организма или коралловые полипы, слагающие риф. Из чего следует...

Нет, пожалуй, на этом все об устройстве мира – все равно ведь истины не знает никто.

Тем более что от своих знакомых мне приходилось выслушивать и другие космогонические теории, зачастую весьма фантастические.

Что же касается хэолийцев, то, по их глубокому убеждению, человек – ничтожная пылинка перед лицом повелевающих миром сил. Поэтому смертным достаточно почитать последних и не раздражать их, пытаясь проникнуть в тайны их замысла. Тогда они позволят верным почитателям спокойно приумножать свое земное достояние, в чем, собственно, и состоит цель всякого разумного человека. А доискиваться всяких там высших тайн мироздания просто глупо и бессмысленно.

Но, так или иначе, существует неизмеримо большое число вселенных, отделенных друг от друга неощутимыми и непроницаемыми для простых смертных барьерами.

Все эти миры схожи друг с другом, везде есть Земля, и заселена она – если заселена – людьми.

Где-то существуют, быть может, цивилизации динозавров, лемуров, дельфинов или даже каких-нибудь головоногих моллюсков, но если и так, то все эти миры отстоят слишком далеко от наших, человеческих. Во всяком случае, ни разу в официальных хэолийских хрониках (правда, лишь тех, что позволялось читать нам, их простым слугам) и в легендах торговцев мне не попадались упоминания о встречах с ними.

Все эти вселенные, как уже говорилось, отделены друг от друга невидимыми и непреодолимыми стенами... Нет, пожалуй, это не совсем то. Каждый континуум располагается по отношению к другим везде и нигде и в то же время симметрично им. При этом симметрия

может быть полной, обратной и находящейся в противофазе. Именно так объясняют все это маги Сообщества Эораттан, и остается только им поверить, ибо других объяснений вообще нет, а маги обладают у себя дома чувствами, нам недоступными.

Что такое Эораттан и откуда там маги? Об этом как раз сейчас будет сказано...

Но сначала о хэоликийцах.

В одном из бесчисленного множества миров, заметно отличающегося от тех, где родился я и большинство моих товарищей, на острове, величиной примерно с Крит или Кипр, лежавшем в теплом океане и называвшемся Хэоликой, когда-то давно возникла цивилизация торговцев, мореходов и пиратов, в чем-то похожая на Финикию или Венецию.

И случилось так, что именно им, самым первым из обычных людей, пришлось столкнуться с пришельцами из иного мира – по-настоящему иного.

Выше говорилось, что все континуумы схожи друг с другом в главном.

За одним исключением – существует целый пласт вселенных, где человек обрел способность воздействовать на косную материю одной только своей волей.

Трудно сказать – то ли в этих мирах присутствует нечто такое, чего нет в обычных, то ли, наоборот, у них нет чего-то, блокирующего подобные способности у нас.

Об этом могли бы сказать сами их обитатели, но, думаю, они не те люди, которых следует спрашивать об этом.

По терминологии островитян, эти миры именуются Мирамилевой Руки, в то время как мы все – обитатели Миров Правой Руки.

В одном из «левых» миров существует двойник Земли, именуемый на одном из его языков, ставшим потом всепланетным, – Эораттан. Тамашняя цивилизация насчитывает, по словам самих жителей, более сорока тысяч лет. Все это время они совершенствовали чародейские способности и умения, и неудивительно, что пришло время и они каким-то способом узнали о наличии параллельных вселенных и, естественно, захотели добраться до них.

Двигало ими как любопытство, одинаковое для всех людей во всех мирах, так и столь же универсальный завоевательный инстинкт. Маги открыли и освоили способ проникновения из одного континуума в другой, но до поры до времени ограничивались только посещением вселенных, подобных своей.

Маги прокладывали все новые и новые тоннели между мирами, пока однажды очередной проход не вывел их напрямик на Хэолику. Трудно сказать, кто больше был поражен: эораттанцы, обнаружившие вдруг, что в единый момент лишились своего могущества, или почтенные торговцы и моряки, на глазах которых прямо из воздуха начали появляться люди.

С помощью доступных им остатков магии эораттанцы вначале захватили изрядную часть острова, но затем война пошла по-другому. Не потерявшие, несмотря на бедствия, своей купеческой трезвости хэоликийцы собрались с силами и доказали магам, что колдовство, тем более ослабленное, может далеко не все.

Некоторое время война шла с переменным успехом, пока наконец, понесши немалые потери, маги не убралась обратно на Эораттан. Однако на этом дело не кончилось. Среди оправившихся от поражения магов нашлись те, кто быстро сообразил, какие выгоды может сулить открытие этого странного мира. И в один прекрасный день жители стольного града Хэолики вновь увидели, как из пустоты появились люди в знакомых черных одеждах. На этот раз в их руках было не оружие, а богатые дары...

Так возник этот странный союз – между колдунами и островными купцами.

Недоверие и прежнюю враждебность быстро преодолеть не удалось. Скажу больше: до сих пор эораттанские маги и хэоликийцы друг друга втихую недолюбливают.

Как бы то ни было, пережив первый шок от осознания множественности вселенных, островитяне быстро сообразили, как использовать сей факт для наполнения мошны, и, заручив-

шись помощью эораттанцев, сначала робко, а потом все активнее занялись торговлей с другими мирами.

Но к тому времени хэолийская культура существовала более тысячи лет и они были уже не теми отважными мореходами, которые готовы были ради прибыли безоглядно рисковать головой.

Команды кораблей уже давно наполовину, если не больше, состояли из иноземцев. Разве что капитаны и навигаторы, да и то это были в основном младшие сыновья богатых семейств и неудачники, не сумевшие завести собственного дела.

Допускать же к великой тайне и неисчислимым сокровищам своих соседей, весьма недоближавших островитян за их богатство и гордыню, правители Хэолики решительно не желали.

И тогда было найдено гениальное в своей простоте решение: богатство в других мирах для них должны добывать сами жители этих миров.

И вот уже много столетий купленные, захваченные, похищенные, завербованные обманом и просто случайно подобранные жители всех тех мест, куда дотягивались загребушие руки островных торговцев, пополняют ряды добытчиков богатства.

Хэолика оказалась единственным Миром Правой Руки, куда эораттанцы сумели пробить тоннель со своей родной планеты. Единственным трамплином, откуда открывался путь во вселенные, подобные нашей.

И только маги способны открывать ворота между вселенными. Только им под силу отыскать слабые места в ткани пространства и времени и пройти сквозь них.

Однако, как гласят легенды, так было не всегда...

Василий (продолжение)

Отдав необходимые распоряжения, распустив экипажи, сдав пленников нашему заведующему работоторговлей Хильперiku Вульфраду, а корабли – под присмотр береговой команды и грузчиков (это не заняло слишком много времени), мы с Дмитрием наконец-то сошли на пристань.

По плоскому берегу мы направились к резиденции командора базы.

В прибое плескались полдюжины голых ребятишек под присмотром молоденькой девушки. Несколько женщин постарше сидели на берегу, подставив спины все еще теплому солнцу ранней осени.

Женщин на базе было не так уж мало – почти четверть населения.

Это не только жены и дочери обитателей, которым было дозволено обзавестись семьей, и не только те, в чью обязанность входит развлекать пока не получивших такого разрешения.

Представительницы слабого пола входят и в число торговцев, достигая немалых должностей. Во многих цивилизациях женщины пользуются не меньшими правами, чем мужчины, и наличие их в экипаже торгового корабля (даже в качестве капитана) или среди купеческого обоза – явление обычное. Далеко не везде считают, что женщина на судне приносит несчастье.

Во-вторых, бывают ситуации, когда без них просто не справиться. Наконец, фактории, как и всякое большое дело, требуют немалого обслуживающего и административного персонала, и опять-таки женщины тут незаменимы.

У входа в резиденцию я по привычке бросил взгляд на два ряда флаштовков, выстроившихся вдоль тисовой аллеи, ведущей к крыльцу.

Справа висели вымпелы с изображениями животных, имена которых носили стоявшие в данный момент у причалов суда, слева – личные вымпелы капитанов.

Вымпела Иветты, к своему огорчению, я не увидел. Мой вымпел и вымпел Дмитрия поднять пока тоже не успели. Зато был в наличии штандарт Ятэра. Неплохо, надо будет навестить старика.

Миновав резную двустворчатую дверь, мы поднялись по винтовой лестнице в приемную капитана базы, где сидели несколько человек, с которыми я перекинулся парой слов.

Тут же отирался один из помощников главного эконома – Нат Тернер, наш старый и не очень добрый знакомый, с которым у нас, как, впрочем, и почти у всех капитанов, шла глухая и непрерывная война. Мы сделали вид, что его тут нет.

В приемной, за конторкой с электронной пишущей машинкой, ПК и селектором – командор нашей базы оформил свои служебные апартаменты в соответствии с известными ему достижениями новейшей техники, – восседала его старшая личная секретарша, немолодая и некрасивая особа.

Впрочем, она могла позволить себе быть немолодой и некрасивой, так же как могла позволить себе иметь неработающего мужа на пятнадцать лет моложе себя.

Мэри Джексон была единственной среди нас, кто хорошо изучил язык Хэолики, да не просто канааль – низкую речь, но и обе высоких – керану и миал. Она могла не только свободно общаться с островитянами при отключенном лингвестре, но и составлять официальные отчеты, так что, несмотря на вроде бы невысокую должность, ее статус был никак не ниже капитанского.

Мы достаточно вежливо поприветствовали даму, после чего она подняла трубку, и через полминуты нас пригласили войти.

Тхотончи равнодушно выслушал доклад Дмитрия, задал ему и мне пару ничего не значащих вопросов и, поблагодарив за находчивость в эпизоде с пиратами, отпустил.

Наш капитан мудро не влезал в текущие дела, да это и не было, собственно, его главной задачей. В его обязанности входило то, что в моем мире называлось обтекаемым термином «общее руководство», а также периодическая отправка на Хэолику необходимых острову товаров.

Еще он был единственный, кто имел некоторую власть над магами – смею заверить, достаточно эфемерную.

До следующего рейса, то есть не меньше двух недель, мы могли располагать собой как угодно. Если, конечно, не обнаружится какой-нибудь срочной работы, вроде составления сводки-лоции, обучения новичков или того хуже – перевода с моего родного языка какой-нибудь книги или фильма.

Если подобной срочной работы не обнаружится, нас не побеспокоят, даже если некому будет вести корабли с данью в Дормай. В этом случае командор педантично дождется окончания срока отдыха.

Надо сказать, хэоликийцы вообще страшные формалисты. Это может показаться странным, учитывая, что они всегда были предприимчивой нацией купцов и мореходов, но тем не менее это так. Деятельность их определяют незыблемые, уходящие корнями в тысячелетия традиции, понятия, правила поведения, обычаи и кодексы, изменить раз и навсегда установленные принципы которых их заставит разве что угроза конца света. Придерживались они их в полном соответствии с принципом «Сперва выполни заповедь, а потом уж думай – зачем».

Помню, как-то я задал Тхотончи вопрос, почему они предпочитают формировать команды кораблей из подобранных в разных мирах людей, когда, казалось бы, к их услугам такой неисчерпаемый резервуар, как Город. Сперва он не понял, о чем, собственно, я спрашиваю. Потом, весьма раздраженный, пробурчал себе под нос что-то об освященных тысячелетиями обычаях и о мудрости народа, освоившего благородное искусство торговли еще в те времена, когда предки других размахивали каменными топорами, и не пристало представителю вышеупомянутых народов подвергать мудрость Хэолики сомнению.

Выйдя из кабинета шефа, мы попрощались с Мери Джексон, на что она не отреагировала, продолжая полировать ногти.

Просто удивительно, как прочно эта англичанка середины девятнадцатого века усвоила привычки и манеры современных секретарш из немногих виденных ею фильмов.

Выйдя, мы расстались: Дмитрий пошел сразу к себе домой, а я направился в столовую.

В кухонном чаду сновал между огромными котлами в окружении двух юных поварих и поваренка шеф-кок базы Борис Максимович Беспредельный.

Максимиш был из одного со мною мира, – во всяком случае, никаких существенных различий нам обнаружить не удалось. Правда, попал он сюда из сорокового года и живет тут уже почти тридцать лет.

Мы обменялись приветствиями, и он указал мне на уставленный разнообразными блюдами длинный стол, специально предназначенный для того, чтобы пришедшие с моря могли в любое время подкрепиться.

– Что у нас там? Опять оленина?

– Она, родимая. А если чего другого хочешь, так поговори с Сато, пусть охоту организует на бизонов. Или на этих, косматых, которые с клыками...

– Ты бы и поговорил, твой будущий зять как-никак...

– Да что я? Мое дело маленькое – готовлю то, что есть. Ты капитан, тебя он скорее послушает. А кто я для него? Тоже мне, важная птица – главный повар! У себя дома он таких с кашей ел. А зять – так что с того? И вообще, кто я для вас такой? Ты вот, капитан... – Он уже был готов пуститься в длинные рассуждения, что его мало уважают, хотя и жрут исправно приготовленную им еду, – это была одна из любимых его тем.

– Иветта где – не в курсе? – поспешил я направить беседу в другую сторону.

- Отплыла три дня назад, в Египет.
- А в какой именно?
- К фараонам. Повезли медь и олово.
- А что покупать будут?

– Должно быть, золото да девок – что еще есть в том Египте хорошего? До тамошних девок наши хозяева большие охотники! Да уж вернуться на днях должны бы...

Он дал легкий подзатыльник одной из девчонок – та, заслушавшись нас, прекратила помешивать похлебку в огромном котле.

Всем поваряткам, надо сказать, он приходился отцом. Несмотря на неказистую внешность, Максимыч пользовался немалым успехом у женщин. От его многочисленных связей у него было четверо детей самого разнообразного облика и цвета кожи. Уже не раз наш главный повар ходатайствовал об отставке и разрешении поселиться в Городе вместе со всем семейством, но начальство в лице Тхотончи все не желало отпускать великолепного кулинара.

Для непосвященных поясню: Город – это место, куда отправляются те, кто, с точки зрения хозяев, заслужил право на покой. Я бывал там несколько раз – и когда доставлял товары, и, если можно так выразиться, на экскурсиях. Их устраивают с тем, чтобы пресечь время от времени начинающие циркулировать слухи, что вышедших в тираж слуг хэоликийцы просто-напросто уничтожают или продают на Эораттан. Могу засвидетельствовать, что это и в самом деле пустые рассказы, – я встречал там тех, кто на моей памяти уходил в отставку, и чувствовали они себя прекрасно. Когда очередной Город слишком разрастается и в нем живет уже десятое или пятнадцатое поколение потомков первопоселенцев, хозяева бросают его, то есть просто перестают завозить туда новые партии «пенсионеров», и этот мир отмечается на картах как запретный для посещений. Жителям его предоставляется возможность жить и существовать, как они сочтут нужным и как смогут.

– Ты-то сам откуда вернулся? – спросил меня главный повар, глядя, как я расправляюсь с мясным пирогом.

- Из родных краев, Максимыч, можно сказать, – в Великий Новгород плавали.
- Что-то больно быстро вернулись? – с нарочитым сомнением поскреб губу кок.
- Так ведь шли большим зигзагом – по струне прямо к базе нас и доставило.

Он кивнул:

– А какой груз?

– Да какой может быть оттуда груз? – пожал я плечами. – Как обычно из тех мест – мед, воск, меха, икра осетровая – пятьдесят бочек, высший сорт. Рабов еще полторы сотни, так и то не купленные, а в плен захваченные. Хотели посмотреть, что у нас в трюмах.

– Викинги?

– Угу, – кивнул я, – кому ж еще там быть?

Обсуждение этой темы особого удовольствия мне не доставляло, хотя пора бы уже привыкнуть.

– Ты бочку медку не подкинешь? Я бы медовухи сварил. Блины опять же с медом – объедение!

– Сделаем, – заверил я. – У нас как раз один бочонок расселся, верхний обруч лопнул. Много вытекло, конечно, но литров пятьдесят осталось.

Заморив червячка, я покинул камбуз, решив по пути домой слегка прогуляться, наслаждаясь твердой землей под ногами.

Я забрел в контору эконома осведомиться насчет Иветты.

Как выяснилось, перед Египтом они ходили в мир вроде моего, но там сейчас конец девятнадцатого века.

Оттуда было привезено сто тонн стального лома с крупновских заводов, десять тысяч топоров с клеймом «Барановъ и К», тысяча сабель, две тысячи мечей, оформленных как «длинные мачете для рубки тропической растительности» – именно под таким названием их заказали в Петербурге. Последняя формулировка была изобретена самим экономом, и ее остроумием он весьма гордился.

Доставили также почти семьдесят тонн высококачественного и экологически чистого шоколада, который уже отправился в мои родные девяностые в обмен на всякую бытовую технику.

Что до прочего, то оно, конечно, уйдет куда-нибудь, где хорошая сталь ценится на вес золота и где никто никогда не сможет прочесть загадочные знаки на клейме.

По дороге я миновал несколько крытых жестью длинных ангаров, соединенных между собой бревенчатыми галерейками, – мастерские, цеха, кладовые, забитые всякой всячиной. Это была вотчина Сато Симоды, третьего вице-командора, а проще – завхоза базы, уроженца Японских островов, отличающегося от знакомых мне по прошлой жизни японцев так же, как кок моего экипажа Хильперик Вульфрад из Франкского королевства отличался от современных мне немцев. Сквозь открытую дверь радиомастерской мне были видны стеллажи, забитые всяческой аппаратурой, среди которой попадались самые диковинные экземпляры, и две молоденькие девушки в обществе дряхлого осциллографа, колдовавшие с паяльниками в руках над выпотрошенным радаром.

Тут же, за двустворчатой дверью с серебряной табличкой, изображавшей абак, располагался наш вычислительный центр с десятком разнокалиберных ЭВМ. В свое время мне довелось провести тут немало времени, делая для колдунов расчеты, непонятно к чему относящиеся и, возможно, даже закодированные. Было довольно странно видеть новенькую отечественную ЕС рядом с древним, непонятно как еще работающим «Армстрадом» или «айбиэмкой».

Надо сказать, что к разнообразной машинерии колдуны относятся со снисходительным презрением. Видимо, все человеческие достижения в этой области представляются им стараниями жалких калек смастерить себе костыли поудобнее. Впрочем, к тем, кто машин не изобретает, отношение у них не лучше, а пожалуй, что и хуже. Должно быть, они кажутся им калекками, которые даже не могут додуматься до качественных костылей.

Но есть одно исключение – они с большим пиететом относятся ко всяким электронным штучкам. Никогда не забуду, как один старый маг (а если маг выглядит таким, то это действительно древний старец), на воротнике которого болтался знак одного из высших посвящений, долго глядел, как я работаю на простенькой «Искре», а потом с несколько боязливым удивлением пробормотал: «Если бы вы только могли понять, какую великую вещь изобрели!»

Заглянул в гараж, где на данный момент находилась почти сотня машин всевозможных марок, почти все – грузовые.

Иногда, если струна проходит рядом с большим городом, мы просто делаем промежуточную остановку в ближайшем безлюдном мире, с комфортом доезжаем до портала по суше и уже через него попадаем куда нам надо.

Существуют базы, почти целиком занятые сухопутной торговлей, но в целом Хэолика мало занимается ею. Все-таки наши хозяева всю жизнь были морским народом. Но и мне приходилось не раз водить торговые караваны из верблюдов и машин.

Потом я поднялся на невысокий песчаный холм, поросший сосенками, искривленными ветром. Отсюда открывался знатный вид – прибрежные скалы, песчаные дюны, поросшие кривыми сосенками, темные леса на взгорьях вдаль. За холмами располагались наши огороды. Внизу лежал залив, окаймленный порослью островерхих седых елей, спускавшихся по склонам к самой воде, домики, разбросанные по серой полосе берега, кайма темных лесов на другом берегу бухты...

Весь наш поселок был виден как на ладони. Домики семейных обитателей и начальства. Перед домом Мидары – клумба, украшенная складывающимися в прихотливые узоры розовыми фиалками и голубыми маками: это Тая постаралась. У крыльца жилища Дмитрия, словно часовые, стоят два вырезанных из черного дерева идола, вывезенных им из какого-то плаванья. Утверждает, что они – почти точная копия его богов с родных Гаваев.

Дальше к северу – бараки для простых матросов: больше года я прожил в одном из них. Врытые в землю пакгаузы под железными крышами. Резиденция командора базы с высокой изящной башенкой и апартаментами для почетных гостей с острова. Увеселительные заведения – четыре кабака и еще одно, без которого не обходится ни один порт. Стоявшие на отшибе молитвенные дома – двенадцать, по числу имеющихся конфессий, и еще один, который по очереди предоставлялся представителям всяких мелких религий. Плац, на котором в торжественные дни – когда с Хэолики являлась очередная высокая комиссия – устраивали смотры.

Огражденная частоколом с колючей проволокой тюрьма – не для нас, упаси боже, для живого товара (как раз сегодня там появились новые постояльцы).

Возле продсклада полтора десятка человек копали глубокую яму. Рядом высился холм уже вырытого песчаного грунта, у подножия которого лежали в штабеле бревна, приготовленные для будущего сруба. Яма предназначалась для ледника, закладываемого вместо старого, затопленного весенними дождями.

Кладбище – не такое уж и большое, если учесть трехсотлетний срок существования нашей базы. Большинство из тех, кто расстаётся с жизнью, гибнет очень далеко отсюда, а чаще – пропадает бесследно.

Вздыхнув, я спустился по осыпающейся тропке и двинулся домой.

Вот и мой дом. Обычный бревенчатый сруб на фундаменте из желтого плитняка, половина крыши крыта тесом, половина – листами пластика.

Пламя привычно входит в скважину на двери, с натугой поворачивается – и вот я уже в темных сенях.

Через несколько минут я с наслаждением забрался в жестяную эмалированную ванну, благословляя недавно проведенный водопровод.

Нежась в горячей воде, я отмокал от многодневной корабельной грязи.

Потом, накинув бархатный турецкий халат, улегся на диван.

Две комнаты, стены которых были обшиты лакированными досками кедра, и еще одна такая же наверху были моим жилищем. С потолка свисала двухрожковая электрическая люстра. На столе стояла керосиновая лампа – напряжение подавалось далеко не всегда.

Полки, на которых стояло несколько книг, которые я запомнил вернуть в библиотеку перед отплытием, старый «Хитачи» с горкой кассет возле него, проигрыватель...

На стене, на шкуре гризли висело оружие, вывезенное мною из путешествий или подаренное друзьями. Именно туда я намеревался пристроить меч датского ярла.

На всем лежал слой пыли.

Итак, я был дома. Глухая тоска шевельнулась в моем сердце при этой мысли. Да, именно этому месту суждено быть моим домом, и весьма вероятно – на всю оставшуюся жизнь, если, конечно, мой корабль или караван при очередном переходе не провалится без возврата в межпространственную бездну, не станет добычей шторма или песчаной бури или в какой-нибудь схватке меня не настигнет смерть. Далеко не каждый из числа подневольных слуг Хэолики доживает до того времени, когда ему разрешают выйти в отставку.

Пройдет год, два, пять, а в моей жизни ничего не изменится. Походы в знакомые или незнакомые, но, в сущности, не особо отличающиеся друг от друга места.

Гороховый суп на солонине, иногда для разнообразия – консервы и содержимое холодильника. Галеты и сухари. Океан вокруг, однообразные вахты, делящие жизнь моряка на одинаковые отрезки времени – прежде на палубе и в трюме, а теперь на мостике и баке.

Может быть, меня переведут на другую базу, где будет то же самое.

Может быть, я когда-нибудь стану вице-командором – впечатлений будет меньше, а скуки больше.

Что мне делать, чтобы развеять грусть-тоску? Впору завалиться в поселковый бордель. Нет, неохота. За минувшие годы я так и не приобрел вкуса к подобным развлечениям, хотя и отдал им должное. Пойти к Эндрю Ллойд, старому приятелю, – сыграть в шахматы? Или отправиться в кабак и за пяток серебряных монет взять бочонок настоящего хиосского розового вина, недавно привезенного из Македонской империи? Хватит на неделю пьянки. А может, написать прошение командору базы с тем, чтобы мне разрешили жениться на Иветте Солсбери? Конечно, я еще не выслужил положенного для этого срока, но все-таки почему не попробовать? Ради такого случая можно и в католицизм перейти, пусть меня Пустошный окрестит... Венчать, правда, некому.

Я улегся на широкую кровать – достаточно широкую для того, чтобы поместились двое и даже трое (при условии, что двое – стройненькие дамочки), – и принялся размышлять.

Размышления – тоже способ развлечься, если новых книг и фильмов нет, а взятый из библиотеки роман девятнадцатого века на итальянском, который я с грехом пополам освоил, повествует о каких-то заговорщиках, роковой любви и зловещих семейных тайнах и смертельно скучен.

Мир, где я сейчас нахожусь, абсолютно пуст.

На полмиллиарда квадратных километров ни единого человека. Только мы, база. Четыре тысячи пятьсот двадцать две особи вида хомо сапиенс обоих полов. Большинство – моряки, попавшие сюда самыми различными путями. Остальные – случайный люд, вроде меня самого, – от бывших рабов до «зайцев», решивших бесплатно прокатиться на хэолийском корабле.

Постоянные поселения хэолийцы устраивают только в тех мирах, где не возник и куда не проник человек. Таких не столь уж мало. Давно подмечено – если ты проходишь через несколько континуумов сразу, то тебе обязательно встретится такой.

Тут рай для охотника. Можно взять вездеход и отправиться за триста километров в пре-рии, поохотиться на бизонов или мамонтов. Если есть желание – можно и на пуму или ягуара, но тут, правда, неизвестно, кто на кого поохотится. Можно отъехать еще на семьсот километров к северу и половить там идущих на нерест огромных осетров и лососей или пострелять гризли, в изобилии живущих там, где в моем мире стоят небоскребы Нью-Йорка.

А в Скалистых горах, говорят, еще остались пещерные медведи. Жаль, что я никогда не любил охоту, было бы хоть какое-то развлечение...

Да, для любителя охоты этот мир – предел мечтаний. Кедровые и магнолиевые леса покрывают все Восточное Средиземноморье. На месте Сахары раскинулась изобильная цветущая саванна. Без малого вся Европа, от Гибралтара и Сицилии до Скандинавии, сплошь покрыта девственными лесами и пущами. Можно было бы, если найдется еще десяток желающих, взять месячный отпуск и сплавать туда. Правда, что там делать? Разве опять же охотиться на туров и зубров?

А где-то далеко, на востоке и юге, лежат Цейлон и Голконда с их нетронутыми залежами рубинов, сапфиров и алмазов, еще дальше к югу – алмазные поля Южной Африки, в четырех тысячах километров от нас прямо на юг – колоссальные изумрудные месторождения Колумбии.

И так же, в четырех без малого тысячах километрах, только к западу, находились калифорнийские золотые россыпи. Как-то я спросил Бориса Беспредельного: почему бы нашим

хозяевам, вместо того чтобы возить через межпространственные ворота соленую рыбу и олово, просто не выкопать в одном из таких миров все драгоценные металлы и камни и не купить на них все, что им надо?

– Э, хлопец, – снисходительно похлопал он меня по плечу, усмехаясь в усы. – Ты пойми – этот народ уже тысячу лет с лишним барахло туда-сюда возил, когда все это началось... Это уже у них в плоть, в кровь вошло, они просто спокойно спать не могут, если где-то товар лежит. Торговля для них – это все, это их бог. Чем-то другим заняться – это для них все равно как для цыгана коней не красть, а землю пахать!

Борису Максимычу можно верить. Он единственный из моих знакомых, который может похвастаться, что жил на острове. Шесть лет он провел там, обучая купеческих отпрысков обращению с современным оружием.

Правда, тогда я еще не был капитаном и не знал того, о чем хэоликийцы в присутствии простых матросов не распространяются лишний раз: миры, где добываются золото и драгоценные камни, а также руды разных редких металлов, вроде ниобия и бериллия, у островитян тоже есть, хотя и немного.

Кстати, о птичках (то бишь о золоте).

Привстав, я приподнял медвежью шкуру и нажал на выступ бревна.

Искусно, так что снаружи ничего нельзя было заметить, выпиленная часть бревна вышла из пазов, открыв маленькую нишу, в которой стояла шкатулка черного дерева. Этот тайник я обнаружил совершенно случайно, через месяц после того, как въехал в свое новое жилище.

Вытащив приятно оттягивающую руку шкатулку, я открыл ее щелчком пальцев – простенький магический замок срабатывал только на мое биополе. Вложил туда золотую гривну чуть не в кило весом, еще сутки назад украшавшую бычью шею норманна.

Содержимое шкатулки пересчитывать не стал, ибо знал наизусть, – все было заработано нелегким трудом и с риском для жизни.

Пятьсот четырнадцать золотых монет всех времен, стран и миров, пригоршня драгоценных камней, несколько довольно ценных украшений – кольцо с искусно обработанным изумрудом чистой воды, серьги с рубинами и сапфирами, платиновый перстень с бриллиантом в пять карат.

Триста долларов, доставшихся мне по случаю. Свернутый в трубочку папирус – вексель на имя какого-то карфагенского ростовщика, выписанный через сто пятьдесят лет после того, как Ганнибал сжег Рим (вот уж не знаю – попаду ли когда-нибудь в те места?). Связка ключей.

И тщательно завернутые в тонкий пергамент российские рубли – десять тысяч пятьсот девяносто три рубля ровно. Мои отпускные, которые были в моем кошельке, когда земля разверзлась у меня под ногами и я вдруг оказался в матово-жемчужной пустоте...

С того дня минуло уже шесть с лишком лет.

Я увидел великие древние цивилизации, о которых в мое время даже понятия не имели, побывал в мирах, где не возникли христианство, ислам и буддизм, несколько дней прожил не где-нибудь, а в столице Атлантиды.

На моих глазах покупатели приезжали на рабские рынки в паровых автомобилях, а римские гладиаторы сражались с последними хищными динозаврами, привезенными из верховьев Нила, о чем история не сохранила сведений.

Я пережил все, что обычно выпадает на долю хэоликийского торговца. И мучительную, выжигающую душу дотла тоску первых дней, когда стало ясно, что я отрезан от своего дома навечно. И жестокие приступы внезапно наваливающегося холодного отчаяния последующих недель и месяцев, когда прыжок за борт в штормовое море или пуля из табельного карабина (любого из двадцати с чем-то моделей, находившихся у торговцев на вооружении) не казались слишком страшным выходом из мышеловки, куда меня поймала судьба.

И горячее любопытство при первом знакомстве с новыми мирами, так же быстро сменившееся спокойным интересом: мол, что я, параллельных миров не видел, что ли?

За эти почти семь лет я узнал очень многое и многому научился. Я был матросом, супер-карго и капитаном. Я помню наизусть все полторы сотни видов такелажа, могу управлять парусниками шести типов и прокладывать курс по звездам даже там, где небо ничуть не похоже на то, под которым я родился.

Я могу починить почти любую автомашину, за пять минут разберусь в незнакомом огнестрельном оружии, умею неплохо подделывать документы, виртуозно торговаться, уламывая даже самых твердолобых купцов, делать несложные хирургические операции и обращаться с радиолокатором.

Я переспал со множеством женщин самых разнообразных миров, народов, цветов и оттенков кожи, среди которых была, между прочим, и самая настоящая королевская дочка (одно время она заведовала нашим увеселительным заведением). Перепробовал множество самых разных горячительных напитков – от вина из водорослей до водки из нефти.

А еще я научился убивать людей, а потом не вспоминать их лиц.

Именно это, наверное, было самым трудным.

За те годы, пока я служил властелинам Хэолики, я более или менее подробно познакомился почти с сотней планет Земля и примерно о трехстах составил представление по рассказам товарищей, записям или случайным кратким посещениям.

Из них где-то десятка четыре по положению в потоке времени соответствуют моей родной второй половине двадцатого века. В двух третях высшим техническим достижением являются допотопные паровые машины и кремневые мушкеты. Кое-где до сих пор пребывают в блаженном неведении о том факте, что Земля вращается вокруг Солнца. Не без гордости могу сообщить, что те континуумы, где развитие исторического процесса ненамного отличается от того, который я до двадцати шести с половиной лет считал единственно возможным, являются наиболее развитыми в области науки и техники. К примеру, даже в довольно продвинутом мире нашего наварха первый космический корабль был запущен только в середине восьмидесятых – увы, не Россией; первое испытание атомной бомбы произошло в шестьдесят восьмом, напротив, в России; так и хочется сказать «увы», но не получается: именно в это время, как и в моем мире, мы крупно поссорились с Китаем. (А компьютеров там до тех пор и не придумали толком – на всю планету несколько ламповых чудовищ со смешным быстроедействием.)

Правда, встречаются миры, достигшие весьма значительных успехов, где тем не менее развитие знаний пошло не тем путем, каким у нас. Таков, например, мир моей подруги Иветты Солсбери, где прогресс начали не механики, а алхимики. Впрочем, это не так уж важно. Пожалуй, важнее другое. Смею заверить – мир, хотя бы приблизительно напоминающий земной рай, мне не известен. Боюсь, такого просто не существует.

И даже свой собственный я, в отличие от многих моих более простодушных товарищей, к сожалению, к таким причислить не могу.

Слишком хорошо я знаю его недостатки.

Впрочем, все познается в сравнении, говорю я себе.

Ты повидал достаточно, чтобы понять, что мир, где ты имел счастье родиться и прожить до двадцати шести лет, – один из лучших, что бы там ни было. Ты зарабатывал свой хлеб, шелестя бумажками в конторе, в то время как твой друг Селимович, чтобы не умереть с голоду, в тринадцать лет должен был спуститься в шахту, получая жалкие гроши.

Твои знания позволили тебе всего за шесть лет дойти до капитана, и ты вполне можешь стать вице-командором базы. А Мустафа, хотя проплавал куда больше тебя, выше боцмана никогда не поднимется, потому что для него не то что навигационная таблица, а и таблица умножения – китайская грамота!

А вспомни рассказы Пустошника про его мир, где людей жгли на кострах до начала двадцатого века; Пустошника, семь лет проведенного в окопах во время войны с халифатом Хорезма.

На свою зарплату ты мог купить сотню килограммов мяса. Спроси, сколько мяса мог купить он и часто ли его видел! Спроси, спроси, ты, привыкший у себя дома есть на завтрак бутерброды с маслом-сыром и почти каждый день лопающий котлеты и куриный суп – да еще ругавший маленькую зарплату.

Вспомни хотя бы Мидару Акар, которая после очередного переворота в своей богоспасаемой Йооране угодила в солдатский бордель. Да, наконец, Гришу Алмазова, между прочим почти твоего земляка, у которого вся семья погибла в Грозном под родными русскими бомбами!

Ладно, хватит о грустном.

В конце концов, впереди как минимум четырнадцать дней (а то и целый месяц), когда я смогу спать хоть до полудня, скоро прибудет очередная экспедиция из конца двадцатого века, правда, не совсем моего, – стало быть, будут новые фильмы и книги, а главное: не сегодня-завтра должна вернуться Иветта.

Интерлюдия 1 (продолжение)

В скольких мирах появляются и исчезают корабли под разными флагами, но принадлежащие Великой Хэолике? Тысячи ли их или десятки тысяч? Или их много больше – ведь есть и такие, куда экспедиции посылают раз в десять или двадцать лет? В скольких портах скольких миров сходят на берег эти люди? Обычные матросы, офицеры и купцы, такие же, как все прочие. Так же пьют вино, пиво или иной хмельной напиток, иногда курят дурмящую траву, тискают девок и громко поют песни. Ну, быть может, их корабли чем-то отличаются от хорошо известных, да они сами меньше других склонны к болтовне. Ну и что с того? Быть может, эти люди просто не хотят, чтобы узнали, откуда они. В конце концов, далеко не все мореходы и торговцы в ладах с законом. Да и вообще: мало ли странных людей плавают по морям? Быть может, я сам видел их когда-то на улицах Одессы, Новороссийска или Мурманска, не обращал на них внимания, не знал, что передо мною те, кем мне скоро суждено стать. Ведь не исключено, что хэолийские корабли бороздят и океанские просторы моей родной Земли.

В основном торгуем мы в местах диких, в мирах и временах, чаще всего не выдумавших еще даже пороха.

Возим товар на грузовиках и кораблях, а также на верблюдах, лошадях, ишаках, а кое-где – и на более экзотических видах зверья.

Возим хлеб туда, где он ценится дорого, и покупаем серебро там, где оно стоит дешевле меди.

Возим пряности туда, где за них дают равный вес в золоте, и вывозим оттуда же рабов – по паре золотых монет за голову. Плаваем к дикарям, меняя янтарь, жемчуг или драгоценные меха на стеклянные бусы и ножи из скверного железа. Тащимся за десяток миров, чтобы продать товар, который можно сбыть в соседнем порту, – чтобы не привлекать слишком пристального внимания к кораблям, капитаны которых, прижми их, не смогут внятно назвать свой порт приписки.

В современные мне эпохи экспедиции ходят очень редко. В позднейшие – почти никогда. Не шибко там расторгнешься: то расчеты исключительно по безналу и кредитным карточкам, то необходимо предъявлять документы с дикими степенями защиты и микрочипами, то имеется всемирная инфосеть с базой данных на все фирмы и корабли.

Да и люди там умные и наблюдательные и вполне могут засечь чужаков.

Кроме того, по случайным обмолвкам колдунов я знал, что во многих континуумах движение в периоды примерно с конца двадцать первого века полностью перекрыто какой-то непонятной силой. Тем не менее торговля с технически развитыми мирами Хэолики необходима – тамошние жители слишком уж привыкли ко всякого рода благам цивилизации. Кроме того, только оттуда они могут получать современное оружие, которое нужно им для защиты от соседей (хотя все уже забыли, когда последний раз на них нападали). Или хотя бы тот же «эликсир жизни».

Так что плавать туда приходится, несмотря даже на трудность сохранения инкогнито в мирах компьютеров и спутников.

В торговле, как и во всем остальном, хэолийцы, надо сказать, неукоснительно придерживаются своих принципов, первый из которых – строжайшее сохранение тайны.

С ним, в основном, связаны и все остальные.

Они, например, никогда не торгуют современным оружием: нет лучшего способа привлечь к себе внимание, чем привезти куда-то незнакомое оружие.

Они не продают наркотики: в тех местах, где к ним относятся либерально, особого барыша это не приносит, а там, где подобная коммерция жестоко карается, прибыль, по их мнению, не оправдывает риска разоблачения. Они крайне редко продают лекарства из развитых миров – опять же, торгующий чудодейственными средствами очень быстро окажется на виду. Впрочем, абсолютного запрета на подобный товар не существует. Многие фармацевтические фирмы моего двадцатого века были бы страшно удивлены, узнав, кем являются странные клиенты, заказывающие лекарства без упаковок, в бидонах и мешках.

Одним словом, сохранение инкогнито – это первый закон, которому следует Хэолика, ставя его превыше всякой выгоды. И надо сказать, в этом они преуспели – за всю тысячу с лишним лет, насколько мне известно, их не разоблачили ни разу.

И это при том, что кроме нас, обычных торговцев, существуют еще разведчики и постоянные агенты.

Не так уж редко случается, что порталы неожиданно закрываются или становятся слишком сложными для проникновения, иногда по каким-то неизвестным причинам некоторые миры вообще становятся недоступными – на год или сто лет. В каких-то континуумах вспыхивают войны, случаются перевороты, эпидемии и неурожаи – да мало ли еще что... Кроме того, наши торговые экспедиции не могут слишком часто посещать одни и те же миры в большом числе – тогда странные суда опять-таки неизбежно обратят на себя внимание.

Поэтому постоянно нужно искать все новые места, где можно продать и купить.

Базируются разведчики в Дормае. Каста эта весьма малочисленная и замкнутая, отбор в ее члены ведется очень строго, причем самими хэоликийцами и на принципах, нам неизвестных. Я сталкивался с ними редко, и то в основном с отставными – уже в Городе. Разведчикам да еще постоянным агентам – единственным из всех слуг Хэолики – предоставлена привилегия: за особые заслуги быть зачисленными в список полноправных граждан и поселиться на благословенном острове.

Постоянные или, как еще иногда говорят, стационарные агенты тоже не слишком многочисленны. Они теснее связаны с разведчиками, нежели с нами – простыми торговцами.

Правда, вербовка их уже находится в нашей компетенции.

Эти люди живут подолгу в подведомственных мирах. В их число берут только семейных. При этом семьи их обычно живут на базах, и они время от времени наезжают их навещать. Таким образом Хэолика крепче привязывает их к себе. Во всех отношениях.

Если говорить откровенно, то стационарные агенты – люди, с которыми я бы ни за что не поменялся. Жить все время в одном и том же мире, как правило диком и неудобном, где, случается, мытье считается дурным тоном и где даже самый захолустный город чуть ли не каждый год штурмуют и осаждают... Ну уж нет!

Изрядную часть груза всегда составляют рабы. Торговля ими хотя и весьма прибыльна, но требует особых мер предосторожности, и каждую экспедицию за живым товаром планируют с особой тщательностью. И это не удивительно: представьте, кто-нибудь обнаружит, что его раб – родом из страны или даже с материка, которого нет в его мире.

Хорошо, если это что-то вроде Античности или Раннего средневековья, когда люди имели смутное представление, что творится на противоположном конце их собственной страны. Ну а если это более цивилизованная эпоха?

Конечно, скорее всего, он прикажет выпороть лгуна, ну а если задумается? Кроме того, раб может сбежать, получить свободу да, в конце концов, стать любимым слугой какого-нибудь правителя... Вдруг его странные рассказы побудят того заинтересоваться продавшими его.

Далеко не всякому капитану и не всякой команде доверят возить живой товар из мира в мир и торговать им.

К счастью, мой экипаж редко удостоивался этой сомнительной чести.

Впрочем, на перепродажу идет хорошо если десятая часть рабов, еще столько же потребляет сам остров Хэолика. Остальное поглощает Эораттан. Как глухо обмолвился Тхотончи, рабы – едва ли не основная часть платы, взимаемой колдунами за свои услуги.

Куда девается такая прорва людей – совершенно непонятно.

Слухи ходят самые зловещие, вплоть до того, что человечина – одно из любимых, если вообще не единственное блюдо колдунов.

Но лично я все-таки склоняюсь к тому, о чем говорил мой приятель – капитан пропавшей полгода назад «Касатки» Петр Приходько. По его мнению, на Эораттане просто некому работать, потому что все ушли в магию.

Василий (продолжение)

Что называется – помяни черта!

В окно я увидел медленно вышагивающую по серому песку долговязую фигуру в черном плаще магов, поверх которого была, однако, наброшена радужно переливающаяся накидка.

Кроме того, от всех прочих эораттанцев его отличала ажурная диадема, венчающая высокий лоб. Имя его было скрыто от нас, непосвященных, а титуловать его полагалось – Магистр. Именно так – Магистр, с большой буквы, человек (будем надеяться), стоящий во главе семи десятков прикомандированных к нашей базе колдунов. На моей памяти он считанное число раз выбирался из магической берлоги на холме, и я надеюсь, его заставила это сделать не жалоба Тирусана Ооргенга на нерасторопность одного из капитанов, осмелившегося из за пустяка – каких-то встречающих пиратов – прервать его драгоценный отдых.

Даже с расстояния в пару десятков метров я, как мне показалось, хорошо разглядел его темно-желтые глаза – холодные и неподвижные, в самом деле до жути напоминающие глаза какой-нибудь хищной рептилии.

Нет, и в самом деле лучше поменьше размышлять о них. Кстати, старожилы в самом начале мне именно так и советовали: чем меньше будешь думать о колдунах, тем лучше. Причем, вопреки общепринятому мнению, не думать о них было довольно легко – временами даже забываешь об их существовании.

Может статься, тут опять же не обошлось без их участия.

Интерлюдия 2

Их зовут магами, или попросту колдунами. Как они называют себя сами и что в действительности представляет из себя то, чем они занимаются, – неизвестно и, наверное, никогда не станет известным. Стоит только в беседе с кем-то из них коснуться этой или подобной темы, как они тут же резко обрывают разговор и принимают смотреть сквозь тебя. Весьма неприятное чувство, смею уверить, – ощутить на себе такой взгляд.

Что мы вообще знаем о магах? Что те могут жить очень долго, хотя, как и мы, подвержены старости и смерти. Но сколько это – долго? Двести, триста или тысячу лет? Среди них есть и мужчины и женщины; хотя женщины крайне редко появляются среди странствующих между мирами, и никто из всех, кого я знаю, не мог похвастаться тем, что имел с ними какие-то отношения, кроме чисто деловых.

Еще то, что средней силы маг легко может скрутить двух-трех человек, не пошевелив пальцем (это если он не воспользуется заранее накопленной энергией), вылечить не слишком тяжелую болезнь, предсказать за несколько часов или дней – это зависит от обстоятельств – землетрясения, цунами и тайфуны, и еще много других полезных вещей. По крайней мере так, или примерно так, с поправкой на лингвист, звучали эти объяснения в устах Эргаса Фагуна Тао – единственного мага, с кем у меня установилось некое подобие приятельских отношений. Был он, в отличие от большинства своих собратьев, достаточно молод и, как следствие, любопытен, так что во время плавания мы немало времени проводили в беседах.

Впрочем, даже он сказал мне очень и очень мало.

Совершенно неизвестно и то, как они живут в своем неведомом далеком мире, о котором мы не знаем ничего, кроме его названия.

При этом об Эораттане ничего не знаем не только мы – простые подданные Хэолики, но даже – как мне достоверно известно от самих островитян – и они сами. Никто не бывал в их обиталище, нависавшем над поселком, и не имеет представления, как оно выглядит изнутри. Был, правда, вздорный слух, что дома – это только декорация, а живут маги в вырытых под ними земляных норах, уходящих на громадную глубину.

На место знания, как водится, приходят досужие слухи и рассказы.

Говорят, что колдуны не рождаются от женщин и вообще не рождаются, а происходят из числа особым образом умерщвленных, а затем воскрешенных людей, причем только один из ста убитых обретает жизнь и магические способности (и, мол, именно с этой целью Эораттан скупает рабов везде, где только может). Говорили, что, достигнув совершеннолетия, колдуны разбиваются на пары и вступают друг с другом в магические поединки, которые должны закончиться смертью одного из них, и так продолжается, пока не остается только один колдун из десяти и его наставник, с которым, в свою очередь, тот через какое-то время вступает в смертельную схватку и при удаче занимает его место. Что купленные рабы приносятся в жертву демонам, а из их расчлененных тел готовят эликсиры, в которых-то и содержится весь секрет магии. Легенды, одна страшней другой, ходят между подданными хэоликийских правителей, и могу поклясться, что по крайней мере за некоторыми из ужасных историй стоят сами колдуны. В действительности нам остаются неведомыми даже самые простые вещи.

Вот хотя бы: что означают их степени посвящения? Ранг в неведомой нам властной иерархии? Членство в каком-нибудь ордене? Магические способности и мастерство? Древность рода? Или еще что-нибудь, нам неизвестное, а может, и непонятное?

Единственное, что можно сказать с достаточной уверенностью, так только то, что они в основе своей все-таки люди. Лучшее доказательство тому – рожденные от них дети.

Впрочем, если вдуматься – неизвестно, откуда эти дети берутся. Искусственное осеменение было придумано отнюдь не в двадцатом веке, а внушить женщине можно все что угодно. Так что, быть может, внутри пустой человеческой оболочки скрывается...

И что за идиотские мысли лезут в мою голову? Нервы, должно быть, разыгрались. Надо поменьше смотреть фильмы ужасов.

Фильмы ужасов...

Помню, на моих глазах, когда разъяренная толпа в Танрае принялась громить лавки иноземцев и поджигать их корабли, наш колдун, даже не выходя из каюты, напустил на заполнивших причал ревущих оборванцев дракона. Хотя я и знал, что это только видимость, но и мне стало очень не по себе, когда из воды поднялся зеленовато-бурый скользкий треугольник плавника, а затем на причал выбралось, расправляя крылья, жуткое чудовище с шестью когтистыми лапами и длинными щупальцами, свисавшими с морды.

К великому счастью, никакая магия (во всяком случае, в нашей вселенной) не способна превратить человека в покорного раба, служащего господам не за страх, а за совесть. Вернее, способна, но для этого придется выжечь человеку начисто мозги, превратив его в тупое бессловесное животное, пригодное только к самому примитивному физическому труду, да и то если приставить к нему надсмотрщика.

Применяемая к торговцам обработка не сможет помешать тебе рассказать о странствующих по мирам торговцах, если ты этого уж очень сильно захочешь (как сильно – это зависит от тебя самого), и не поможет смолчать под пыткой. Однако она дает полную гарантию, что ты не выболтаешь секрет случайно, в минуту слабости или же под влиянием паров спирта, ударивших в голову.

Возможности магов ограничивает еще одно обстоятельство. Все магические приспособления и талисманы, какими бы они могущественными ни были изначально, в наших континуумах становятся просто бесполезными кусками камня, дерева и металла. Есть, правда, исключения. Например, те самые лингвестры, которые позволяют нам без перевода понимать любой язык и говорить на нем. Они питаются, в отличие от большинства им подобных штучек, биологической энергией человека, их носящего. Их действие мне объяснил года три назад один умный человек, оказавшийся тут случайно, так же как и я. Дело в том, что человек мыслит, собственно, не словами как таковыми, а мыслеобразами, своего рода понятийными иероглифами, которые уже в лобных долях мозга оформляются в фонемы. Видимо, эти мыслеобразы одинаковы у всех людей, и их-то и улавливает магическое приспособление. Прибор воздействует на подсознание, транслируя в него мыслеобразы, извлекаемые из мозга собеседника, придавая им нужное словесное и звуковое оформление. При этом кажется, что собеседник говорит с тобой на твоём родном языке. Именно поэтому при помощи лингвестра невозможно разобрать написанный текст, точно так же, как и переданное по радио сообщение воспринимается как непонятное бормотание.

Зато слова, произносимые собеседником, да и тобой самим, кажутся звучащими на твоём родном языке, в то время как для него ты говоришь именно на его языке.

Вообще-то, принцип действия лингвестра не так прост. Так, например, когда я говорю с людьми, скажем, в других мирах, я говорю с ними на каком-то одном языке – русском ли, хэоликийском ли, даже если их несколько и у каждого – свой родной язык. В то же время каждый из живущих на базе слышит свою родную речь. Как эта штучка различает, когда в каком режиме работать, совершенно не представляю.

Это, в общем, все, что знает любой из нас об Эораттане и эораттанцах. Совсем немного, в сущности.

О Хэолике, напротив, я знал достаточно много, в основном из рассказов благоволившего ко мне Тхотончи. Он, как и многие старики, был склонен жаловаться на молодежь, благодаря чему я составил в некоторой степени представление об образе жизни на этом благословенном

острове. К настоящему времени, правда, собственно Хэолика представляет собой лишь столицу обширных и процветающих земель, включающих в себя несколько архипелагов и огромный – в две Гренландии величиной – остров, почти материк, лежащий в трех тысячах километрах к западу от древнего острова. Он был открыт вскоре после знакомства островитян с зораттанцами.

Но все равно хэоликийцы любят называть себя, в память о прошлом, островитянами.

Если подбирать аналогии из знакомой мне истории, жизнь там больше всего напоминает ту, которой жили высшие слои Римской империи времен ее расцвета.

Даже представители незнатных и небогатых – по островным меркам – родов имеют великолепные дворцы со всеми удобствами, которые может дать им цивилизация, десятками слуг и гаремами из красивейших наложниц из всех миров. К их услугам самые разнообразные зрелища и развлечения.

У некоторых есть свои собственные корабли с персонально закрепленными за ними магами, чтобы они могли свободно путешествовать между мирами. Хотя этот вид развлечения и был сравнительно мало распространен, но мне дважды в жизни приходилось сопровождать таких туристов.

Что уж говорить о высшем слое правящих магнатов, по сравнению с которыми любой нефтяной шейх или банкир показался бы жалким бедняком.

Специально для них предназначалось даже некоторое число безлюдных планет, с которыми их мир соединяли сквозные порталы (между прочим, весьма дорогое удовольствие), где у них были поместья и охотничьи угодья.

Живут они долго – лет до ста пятидесяти – двухсот как минимум: тут постарались их деловые партнеры. При этом относительное здоровье и бодрость они сохраняют буквально до последних лет жизни.

Неудивительно, что у хозяев всех этих сокровищ категорически не возникало желания отправиться куда-то за тридевять земель (в буквальном смысле слова), сменив роскошные виллы на качающуюся палубу корабля.

Бесконечные странствия на маленьких судах, в тесных каютах почти без удобств, с риском отправиться на дно – ну нет, это не для благородных хэоликийцев.

Даже роскошные по земным меркам апартаменты командора базы, как не раз сетовал сам Тхотончи, были недостаточно комфортабельны – и это при том, что он был, по сравнению с другими его соплеменниками, просто верх неприхотливости.

Только очень немногочисленные островитяне – авантюристы и искатели приключений по натуре – и составляли хэоликийский персонал торговых факторий. Изредка появлялись, правда, молодые волонтеры, которым начали приедаться привычные развлечения. Но, сходяв раз-другой в плавание, они спешили вернуться к себе домой, чтобы, наверное, до конца жизни похвалиться перед друзьями и родными своей храбростью и стойкостью.

Однако командор базы всенепременно назначался из островитян, и, как мне известно, подобрать человека на эту должность было не очень просто.

Пожалуй, они вполне могли бы поручить иноземцам и руководство, но тут была еще одна проблема – маги.

Передоверить чужакам отношения с этой могущественной силой, на союзе с которой и держались вся мощь и богатство острова и которой, как я понял по случайным обмолвкам командора Тхотончи, хэоликийцы продолжали опасаться, – ну уж нет!

Как живет остальная планета, Хэолику совершенно не интересует. Они сами по себе, а всякие дикари сами по себе. Подозреваю, кстати, что им помогают остаться дикарями.

Простых смертных на острова не пускают. Единственное место, куда могут приставать наши корабли и проживать те, кто зачем-то нужен хозяевам, это порт на южной оконечности столичного острова под названием Дормай.

Именно сюда везут корабли товары и рабов для Хэолики и, кстати, именно сюда выходит тоннель, соединяющий его с Эораттаном.

Отсюда расходятся по всем базам, точное число которых держится в секрете, магические талисманы, способные открывать порталы, и, естественно, сами их хозяева.

Плавания в Дормай я любил, пожалуй, больше всех прочих.

Ведь, без преувеличения, это самый замечательный порт из тех, которые я повидал. Перекресток не сотен даже – тысяч морей из тысяч миров. А чего только не везут на этот благословенный остров! Каких только товаров я не видел в этом порту!

Шкатулки с голубым жемчугом и ацтекскими украшениями, казавшимися мне на редкость уродливыми, но пользовавшимися бешеным успехом среди хэоликийских модниц. Стекланные витражи, изразцы, фарфоровую и золотую посуду. Драгоценные тонкие ткани, свежие фрукты и вина, живых дюгоней и морских коров – их мясо весьма ценилось местными гурманами. Саблезубых тигров и шерстистых носорогов для зверинцев богачей и устраиваемых ими охот и турниров, больших крылатых ящеров, приученных под седло, – мне случалось бывать в местах, где такие водятся.

Массу всяческой бытовой техники, автомобили, спортивные самолеты и вертолеты. (Остается гадать, куда островитяне девают мусор, остающийся от всего этого, – разве что в море.)

В тавернах и барах Дормая можно встретить людей со всех торговых баз, принадлежащих Хэолике. Тут готовят кушанья на любой вкус и предлагают самые разнообразные развлечения.

Тут встречаются люди из тысяч и тысяч миров, представители самых разных времен и цивилизаций, самых разных цветов кожи и рас.

Тут происходят встречи старых знакомых, которые видятся только здесь, на этом странном перекрестке миров. Короткие романы, зарождающиеся и гаснущие за несколько дней, изначально приправленные горечью неизбежного скорого расставания...

Одним словом, Дормай показался бы мне городом, вполне подходящим для жизни, если бы еще я сумел забыть свой родной.

Василий (продолжение)

Стук в дверь вернул меня от размышлений к действительности.

– Не заперто, – буркнул я.

При появлении гостя, вернее, гостьи я встал.

Меня решила посетить не кто иная, как Мидара Акар.

На вице-командоре был ее любимый костюм: штаны из тонкой мягкой оленьей замши, высокие сапоги без каблуков, сверху пестрая шелковая грудная повязка – что-то среднее между длинным шарфом и шалью, в несколько рядов, как индийское сари, обернутое вокруг тела, – скрепленная двумя золотыми застежками, изящно и, как ни странно, довольно целомудренно обнажающая плечи и живот.

Толстая коса была подвязана золочеными цепочками к украшенному самоцветами поясу.

С левого плеча элегантно свисала короткая куртка из кожи какого-то экзотического пресмыкающегося – чуть ли не королевской кобры.

Я невольно залюбовался ею, – несмотря на все пережитое, она в полной мере сохранила молодость и немалую привлекательность, а ее изящные движения сделали бы честь самой искусной танцовщице. Она вполне могла бы сыграть воительницу в каком-нибудь сериале фэнтези, снимаемых в любой из четырех известных культур, где их вообще снимали. Впрочем, неудивительно – ведь она и была ею.

Интересно, зачем ко мне пожаловала четвертый вице-командор базы?

(Их всего четыре. Первый ведает кораблями, второй – торговыми операциями, третий – снабжением, и четвертый, в данном случае моя гостья, – личным составом.)

Ответ на мой вопрос я получил почти сразу.

– Послезавтра отправляемся на охоту, – сообщила мне Мидара после обмена приветствиями.

– То есть как?! – возмутился я. – Только вчера из рейса пришел, и на тебе!

– Мое дело приказать, твое дело подчиниться, – парировала она. – Мясо на исходе, а кроме вас больше некому. Две трети команд в разгоне, а снимать людей с переоборудования кораблей я не стану, да и Тхотончи не позволит. Или прикажешь девчонок из веселого дома послать бизонов гонять?

– Так что, больше и некого, кроме них? – ядовито осведомился я.

– Почему же нет, есть. Только вот плаванья у них были потяжелее твоего. У Савмака из пяти два корабля сожгли, едва людей снять успел, а Ятэр-Ятэр месяц во льдах простоял.

– Ятэр? – Я был удивлен до глубины души. – Как это он ухитрился?

– Зайди к нему и спроси. Да заодно и посочувствуй: вернулся больной и уже не встает почти. Правую руку так обморозил, что, похоже, придется по локоть отнять.

– И ты молчала? – Я даже вскочил. Ятэр там лежит больной, в одиночестве, а я тут предаюсь глубокомысленному переливанию из пустого в порожнее!

– Так что собирайся, а чтоб тебя утешить, скажу, что на этот раз я тоже поеду...

«М-да, вот тебе и срочная работа! Накликал на свою голову, оленина тебе не нравилась!» – с раздражением подумал я, когда дверь за четвертым вице-командором захлопнулась.

Мелькнула мысль пожаловаться командору базы, но я быстро отбросил ее.

Почтенный Тхотончи совершенно не вникает в текущие дела, давным-давно свалив все на помощников. Он, разумеется, будет всецело на стороне Мидары да еще и возмутится: как это такой исправный служака, как я, устроил склоку из-за пустяка?

Но главное, надо сейчас же навестить Ятэра.

Накинув плащ, я быстро вышел из дома и зашагал по берегу, переступая через бурые плети тины и сухие раковины.

– Мое почтение, капитан!

Меня окликнул бредущий навстречу по каким-то своим делам мой старый знакомый и почти земляк Александр Антонов.

Он начинал свою службу матросом у меня, а ныне состоял в абордажной команде на «Грифоне» – приписанном к нашей базе корабле-охотнике, проще говоря – на капере.

(Справедливости ради уточню, что у хэоликийцев имелись свои представления о порядочности и свой кодекс чести, осуждавший обычное пиратство, поэтому в задачу наших охотников входила исключительно ловля (так сказать, «на живца») пиратов а также работорговцев.)

Александр Антонов или, как он называет сам себя, Сашок – личность довольно примечательная, и, несмотря на то что происходит почти из одного мира со мной, он кажется мне одним из самых непонятных и малопривлекательных людей. И это при том, что я за все эти годы видал-перевидал самых разных субъектов, вплоть до кроманьонцев.

Представьте себе громадную тушу – два с лишним метра росту, с бычьими мускулами, кистями рук с лопату величиной, бритой головой и лицом сонного дебила. Оденьте ее в потертый малиновый пиджак поверх драной тельняшки, с неизменной золотой цепью на шее, не намного уступающей по толщине якорной, и дополните массивными безвкусными перстнями на пальцах толщиной с сосиску.

Два слова, которые от него можно чаще всего услышать, это «пожрать» и «телка».

Даже у себя на родине я с такими вот типами не сталкивался (от бандитов я вообще старался держаться подальше).

Попал Антонов к нам по несчастному стечению обстоятельств. Историю его я знаю хорошо – он очень любит ее рассказывать, жалуясь на судьбу. Тем более часть ее произошла на моих глазах.

«Бригада», к которой он принадлежал (а в его мире бандюки набрали силу даже побольше, чем в моем), собирала дань чуть ли не с половины Новороссийска.

Внезапно в поле их зрения попала какая-то странная компания торговцев оружием.

Компания эта действительно показалась бы странной кому угодно – два китайца или вьетнамца, девушка, говорящая по-русски с архаическими оборотами, благообразный джентльмен, напоминающий почтенного ученого, при котором она состояла секретаршей, и великан почти двухметрового роста, с густой белокурой шевелюрой. Установить даже приблизительно, откуда они явились, не удалось – паспорта какой-то островной карибской республики никого не могли обмануть. Вели они себя крайне странно, не знали многих самых элементарных вещей и, наконец, интересовались не чем-нибудь, а легкими противокорабельными ракетами.

Особенно же поразило наблюдавших за ними то, что возглавлявший их человек как ни в чем не бывало спросил у агента, нельзя ли купить безоткатные орудия. Они были сняты с вооружения уже лет тридцать, о чем он, как выяснилось, даже понятия не имел (все равно как кто-нибудь озабочился закупкой катапульта или арбалетов).

Бандиты же, не вдаваясь в такие тонкости и не удивляясь, просто решили, не мудрствуя лукаво, что перед ними какие-то «лохи» с деньгами, которых можно с выгодой и без опаски потрясти.

И как-то утром без малого десятков уголовничков с бесшумными пистолетами ворвались в снимаемую гостями квартиру.

Первыми выстрелами они сразили одного из китайцев, которого бандиты почему-то приняли за телохранителя. Профессорского вида джентльмен (он же Луи Боваль, вест-индийский пират семнадцатого века) попытался выхватить пистолет, но после первых же выстрелов немедленно бросил оружие и поднял руки.

Зато рослый блондин – он же Ингольф Сигурдсон, – заревев, как десяток медведей разом, бросился на бандитов и, дважды раненный, успел, прежде чем был сбит с ног, голыми руками искалечить троих, а одного – в прошлом капитана морской пехоты – отправил на тот свет, свернув ему шею, как цыпленку.

Разъяренные преступники тут же, на глазах у захваченных в плен, изнасиловали девушку. К своему счастью, Антонова в их числе не было, потому что после удара кулаком в висок он валялся без сознания.

Кстати, когда я впервые услышал обо всей этой истории, то больше всего удивился тому, что он вообще остался жив: как-то, будучи в подпитии, чтобы позабавить нас, Ингольф одним движением сбил с ног лошадь.

После этого Луи, девушка и тяжело раненный скандинав были увезены в неизвестном направлении в качестве заложников. Второго китайца, с переломом трех ребер, отпустили, «забив стрелку» его хозяевам за городом, на заброшенном проселке.

За их жизни и в качестве компенсации за потери был установлен выкуп в полмиллиона долларов.

К удивлению бандитов, в назначенный час на «стрелку» подъехала вовсе не шикарная иномарка, а самый обыкновенный, к тому же старый КамАЗ, из крытого кузова которого прыгнули, один за другим, три человека, среди которых был и негр, увешанные мотками веревок. После них из кабины выбрался немолодой седобородый человек в длинном балахоне черного цвета, запястья которого украшали серые браслеты. Дальше началось нечто ужасное и непонятное. С глубочайшим презрением оглядев собравшихся бандитов, направивших на него стволы, старик сообщил им, что они – грязные безмозглые животные, которые должны быть примерно наказаны за то, что вмешались в дела порядочных людей. Потом браслеты на его руках брызнули красным и синим огнями и... больше ничего Александр не помнит.

Когда он очнулся, то укрепился в мысли, что рехнулся.

Вся его «бригада», пятьдесят с лишним человек, включая и оставшихся в городе, связанная по рукам и ногам, вповалку лежала в каком-то большом шатре. Исключением стал возглавлявший их авторитет, который болтался вниз головой на перекладине, прибитой к наскоро врытому в землю столбу. Вокруг стояла толпа людей, предводительствуемых дикого вида женщиной – в кожаных штанах, заправленных в длинные ботфорты, чья грудь была еле прикрыта небрежно обернутым пару раз вокруг тела шелковым шарфиком, и с распущенными длинными рыжими волосами ниже пояса.

Убранство незнакомки дополнял висевший на голом плече короткий автомат неизвестной Александру марки.

Только это необыкновенное зрелище помешало ему обратить внимание на разнообразные инструменты, которые держали в руках некоторые из собравшихся.

«Пацаны, что за разборка?» – ошарашенно пробормотал он и тут же получил по зубам каблуком от стоявшего рядом с ним моряка (конкретнее – от меня).

Они вновь услышали на чистом русском, что они грязные животные, слепленные из испражнений гнусных богов тьмы, и прочие, столь же лестные эпитеты, и что за все свои мерзейшие дела должны понести наказание.

Угрозы авторитета, что за них возьмется вся новороссийская братва, были встречены дружным хохотом.

Затем всех участвовавших в изнасиловании оттащили в сторону и незамедлительно принялись наказывать. Чтобы не утомлять читателя, скажу, что их оскопили, выкололи глаза, после чего живьем бросили в яму, которую тут же засыпали.

Крики боли встречались одобрительными возгласами и смехом, а руководила вышеописанным мероприятием женщина с автоматом, под конец не погнушавшаяся взяться за инструмент.

Дама эта, как, наверное, уже догадался читатель, была не кем иным, как вице-командором нашей базы Мидарой Акар. Если учесть, что у себя на родине она была одно время сотрудником тайной полиции, то я врагу бы не пожелал оказаться на месте тех бандитов.

Изнасилованная ими Таисия Иванова была ее близкой (очень близкой) подругой, так что гнев рыжеволосой чертовки был вполне объясним.

И до сих пор Сашок откровенно мандражирует при виде четвертого вице-командора (по его доверительному признанию – после особо больших пьянок ему снится Мидара с окровавленными щипцами в руках).

Все это время мысли Сашка метались между версией о том, что он сошел с ума и ему все это чудится в бреду и что их похитили какие-нибудь инопланетяне.

После окончания экзекуции остальным объявили, что они будут проданы в рабство на рудники, но сперва им урежут язык, чтобы не болтали лишнего. Потом, не развязывая, отволокли в помещение без окон, где, приковав наручниками к кольцам на стенах, оставили дожидаться своей участи. По дороге Антонов испытал еще одно потрясение: лагерь, где они оказались, состоявший из нескольких разборных ангаров и больших палаток, расположился на берегу знакомой ему с детства Цемесской бухты, но никаких признаков того, что когда-либо здесь стоял его родной Новороссийск, не было видно...

Как бы там ни было, судьба оказалась достаточно милостива к Антонову, хотя он, наверное, и не заслужил этого.

За четыре месяца до того у нас бесследно исчезла целая флотилия, и именно в те дни истекли последние сроки, отведенные для ее возвращения. Такое бывает – чаще, чем хотелось бы.

И когда потребовалось срочно формировать торговые миссии и экипажи новых судов, выбор пал на него. Из всей банды он был единственным, кто избежал обещанной участи.

Удивительно, но все случившееся с ним, в том числе и чудесное спасение, не заставило его сразу изменить приобретенным в прежней жизни привычкам и наклонностям, о чем свидетельствовали несколько случаев, происшедших на моей памяти.

Первый случай – когда месяца через три после своего зачисления на службу к нам Антонов, как он потом клятвенно заверял – спьяну, «перепутал» барак для женского персонала с борделем. Только вмешательство случайно оказавшегося поблизости колдуна, которого шум и крики оторвали от созерцания звезд, спасло незадачливого гуляку от участи быть растерзанным почти сотней разъяренных фурий и десятком их кавалеров.

Второй – когда он вздумал приставать к одной из дочерей Максимыча, четырнадцатилетней мулатке Алене. За это он в тот же вечер был жестоко избит лично Сато Симодой, обладателем одного из высших данов каратэ. Как выяснилось, по достижении пятнадцати лет Алена предназначалась в жены Симоде, о чем уже давно существовала договоренность между ним и нашим главным кухарем.

Третий случай произошел, уже когда его назначили матросом на мой корабль, в первом рейсе.

В одном из портов, поиздержавшись (думаю, излишне объяснять, куда ушли не столь малые деньги, выдаваемые нам на карманные расходы), он решил добыть их привычным способом: поигрывая мускулами, зажал в углу у надстройки Гришу Алмазова – самого молодого из команды – и с наглой ухмылкой попросил «взаймы».

На всякий случай нашаривая револьвер во внутреннем кармане, я направился к нему, прикидывая, как подходить и как объяснить, что те, кто нарушают принятые у нас обычаи и правила, рискуют нажить очень крупные неприятности. Однако Ингольф меня опередил.

Подойдя к Антонову сзади, он ухватил его за пояс, без видимых усилий одной рукой поднял оторопевшего амбала, ударом кулака в поддых пресек попытку сопротивления, после чего перевернул вниз головой и, ухватив за ноги, опустил в воду с борта. Подержав так с полминуты,

он вытащил Сашка обратно на палубу, сообщив, что в следующий раз продержит его ровно столько, сколько потребуется, чтобы он перестал дышать, после чего отпустит насовсем...

Вспоминая все это, я быстрым шагом приближался к жилищу капитана Ятэра.

На крыльце его дома я столкнулся с выходящим от Ятэра врачом базы Клодом Брезе.

– Как он? – спросил я.

– Плохо. Боюсь, что совсем плохо.

– Что, неужели из-за какого-то обморожения?... – начал было я.

Клод горестно махнул рукой:

– Знаешь, Базиль, как иногда бывает: старая машина вертится, скрипит себе потихоньку, вроде и ничего, а потом – что-то случилось, и все – рассыпалась на части, и не собрать.

– А эликсир?

– Невозможно. Его уже дважды им лечили, так что... – Клод вздохнул.

– И что, ничего нельзя сделать?

– Базиль, ты же знаешь, кто я такой. Может быть, врач из твоего времени и с вашими медицинскими приборами что-нибудь смог бы. А я ведь и во флот поступил из-за того, что считался неудачником.

Подхватив саквояж, лекарь удалился.

Я посмотрел ему вслед. И в самом деле, глупо было возлагать на него какие-то особые надежды. Военный врач с французского, времен Наполеона III, корвета, опрометчиво погнавшегося за странного силуэта парусником, – что он мог? В основном мы лечились у магов.

Я постучал.

– Ну кто там еще по мою душу? – откликнулся слабый голос.

Ятэр-Ятэр лежал на койке, положив поверх одеяла руку, обмотанную до плеча бинтами. Его седая клиновидная борода на лице, обтянутом пергаментно-желтой кожей, была задрана к потолку.

Я понял, что имел в виду Клод, говоря о враз остановившемся механизме, – передо мною была лишь тень прежнего Ятэра. Я ощутил холодок у сердца, ясно осознав, что Ятэр умирает и чуда теперь не произойдет.

– О, и ты пришел – вот спасибо, порадовал старика напоследок! – повернулся он в мою сторону.

Медленно я опустился на табурет рядом с койкой, не зная, что сказать.

– Вот, дружище Васка, – он попытался изобразить что-то похожее на улыбку, – кажется, конец мой подходит. Уже гнить заживо начинаю. Руку, вон, хотят резать – как будто я к предкам с обеими руками не попаду...

– А маги тебя не смотрели?

– Да что колдуны? Пробовали уже однажды, лет сто назад, – не вышло: говорят... это... иммунный я к ихним штучкам.

Значит, надежды не оставалось.

– Ну, что ты грустишь, дружище... – Его слабая рука похлопала меня по запястью. – Мы все будем там... раньше или позже. Чего уж теперь... Это хорошо, что ты пришел. Хотелось напоследок увидеть вас, ребята, – моих капитанов... Сколько вас осталось у меня – на одной руке пальцев хватит, – а ведь сколько было!... Ладно, чтоб не забыть. Когда я умру, все, что у меня есть, будет поделено между вами, моими друзьями...

Слова о том, что он еще проживет долго, застряли у меня в горле.

– Но одну вещь я хочу подарить именно тебе.

Слабым движением здоровой руки он указал на выглядывавший из-под соседней койки рундук:

– Там, в сером свертке...

Открыв крышку, я увидел лежавший поверх груды барахла продолговатый предмет, тщательно завернутый в грубое сукно и перевязанный кожаными ремешками.

Я развернул его и невольно приподнял брови. Внутри лежал автомат Калашникова. Вороненая сталь вытерлась до блеска, деревянный приклад был покрыт замысловатой резьбой и заново отлакирован. Нам не полагалось иметь подобного оружия, хотя на это давно уже смотрели сквозь пальцы.

– Эта штука как будто сделана в твоих родных краях, и я подумал, что тебе будет приятно получить такой подарок...

Я посмотрел ему в глаза, и вновь слова благодарности, показавшиеся мне в этот миг такими фальшивыми и неуместными, остались невысказанными.

– А теперь иди, – махнул он рукой. Было видно, как ему трудно говорить. – Хочу побыть один. А еще скоро придет медсестра и будет колоть в мой старый зад всякую дрянь, которую назначил наш шаман в белом халате. Умереть спокойно не дадут...

Он почти искренне рассмеялся, натужно закашлявшись.

– И вот еще, – догнал меня уже у двери голос старика. – Прислушивайся к тому, что говорит Мидара.

Тогда я почти не придавал значения последней фразе.

Опустив голову, я шел по берегу, держа в руках подарок, думая о человеке, с которым только что говорил и которого видел, скорее всего, в последний раз.

Старейший из наших капитанов, к которому относился с уважением не только Тхотончи, но даже – что могло показаться невероятным – маги. Человек, принимавший у меня капитанские экзамены.

Самый храбрый и благородный из всех встреченных мною здесь людей. И вот теперь он уходит от нас.

Из его скудных рассказов я знал, что он родился в первобытном племени, не знавшем даже металла.

В четырнадцать лет он был похищен бродячими охотниками и продан в рабство людям, у которых были медные мечи и топоры и города за глинобитными стенами. А те перепродали его каким-то чужеземным купцам, которые оказались теми, кем впоследствии стал и он.

Как-то в минуту откровенности, после двух кувшинов браги, он поведал мне, что долгое время лелеял мечту вернуться к себе домой.

Ради этого он собирал везде, где только мог, сведения о путях, связывающих миры, даже пробовал составить атлас.

Он тщательно запоминал, а после и записывал все, что могло пригодиться его роду, начиная от способов земледелия и лечения болезней и заканчивая выплавкой железа из болотной руды и изготовлением пороха.

Долгие годы он жил надеждой на возвращение.

Потом окольными путями ему удалось узнать, что торговцы, купившие его, были случайной экспедицией, и с тех пор туда больше никто не ходил, и даже не был толком известен маршрут...

После того как он признался, несколько дней он думал о том, чтобы уйти из жизни добровольно.

Он не отправлялся в отставку, хотя давно имел на это право. С невеселой улыбкой он говорил, что у него есть только его работа и без нее он потеряет смысл жизни.

Как-то я спросил Ятэра, почему он не женился. Он довольно долго молчал, а после ответил, что не хотел, чтобы его дети росли в чужом мире, без защиты предков и родовых духов-покровителей.

Быть может, подумал я, чувствуя, как забыто уже щиплет глаза, своих детей он видел в нас...

Мидара

Здесь все знают меня под именем Акар. Но когда-то меня звали по-другому. Мое подлинное, родовое имя – Кэйтан. Тоана госпожа Мидара Кэйтан – именно так титуловали меня, когда в день совершеннолетия я была впервые представлена Правителю.

Акар – это не имя, а слово из древнего языка, и обозначает оно свободную женщину. Что это такое, я расскажу потом...

У меня на родине не принято вести дневник или писать воспоминания, но я попробую.

Итак, я родилась в стране, которую ее жители называли «Йоорана», она находится там, где на всех известных мне планетах расположены море и небольшие острова. Год моего рождения – 2057 от Пришествия Предков. Именно столько лет назад мои отдаленные пращуры впервые высадились на берега огромного безлюдного материка, протянувшегося от Великих Северных Льдов до Великих Южных Льдов и называемого во многих других мирах Америкой.

С тех пор мир стал совершенно другим, и народы моего языка давно исчезли на старой родине, побежденные более сильными соседями.

Когда я покинула свой мир, наша цивилизация была весьма высокоразвитой – у нас уже почти четыреста лет назад изобрели паровые машины, электричество применяли уже двести с лишним лет, за полвека до моего рождения изобрели радио. Начали даже строить реактивные самолеты.

Впрочем, речь сейчас не об этом.

Семья моя принадлежала к знатному и богатому роду, хотя к его второстепенной и обедневшей ветви. Детство я помню плохо, так же как не очень хорошо помню моих родителей. В шесть лет, после того как отец и мама погибли, когда пассажирский лайнер, на котором они плыли, в шторм налетел на рифы, я была отдана на воспитание в семью тетки.

С одиннадцати лет я вела жизнь, обычную для наследниц знатных родов Йоораны.

Училась галантному обхождению и танцам, охотилась, увлекалась яхтой...

Вольные нравы столичной молодежи не могли меня не затронуть, но среди своих подруг, иные из которых могли похвастаться десятками любовников, я считалась едва ли не самой скромной. Разнообразные спортивные игры интересовали меня куда сильнее, нежели игры постельные.

А кроме того, уже в отрочестве я почувствовала, что женщины привлекают меня больше, чем мужчины, а вскоре и познала женскую любовь.

Жизнь моя текла по накатанной колее, пока не умер мой дядя, очень меня любивший, и главой семьи стала тетка, решившая, что мне пора расплатиться с ней за хлеб и кров.

Она задумала породниться с другим, не менее знатным, но куда более богатым семейством, и выбор, кого принести в жертву династическим интересам, естественно, пал на меня. Может быть, я и отнеслась бы к этому решению по-другому, если бы не жених.

Сорокалетний, опухший от пьянства толстяк, прославившийся безудержным развратом – а чтобы прославиться этим в нашем кругу, надо было очень постараться, – и еще больше – своей грубостью и жестокостью. Он давно вдовел, и про смерть его жены тоже ходили самые разные слухи.

У меня было два пути. Первый – смириться и вступить во внушающий мне отвращение брак. Второй – объявить себя свободной женщиной. По нашим законам и обычаям это значит никогда не выходить замуж, не претендовать на то, чтобы рожденные тобой дети носили имя отца, и навсегда утратить право на наследство. Я выбрала второе (не раз потом я жестоко жалела, что не сломила тогда свою гордость и не преодолела отвращение!).

Отныне я была обречена полагаться исключительно на одну себя. Я лишилась даже имени, не имея надежды вновь обрести его и получив вместо него лишь кличку, которая осталась за мной даже здесь.

И здесь меня постигло горькое разочарование. Все родные и даже вчерашние подруги и друзья, на помощь которых я рассчитывала, словно забыли о том, что я есть на свете. Зато начали приходить послания от богатых простолюдинов, которым было лестно занять любовницу из знатного рода.

Я постепенно погружалась в тихое отчаяние. Я просто не знала, что мне делать дальше.

Постепенно исчезали из шкатулки немногие фамильные драгоценности моей матери – единственное, что мне позволили унести из дома, где я прожила больше десяти лет. Через год у меня не осталось ничего, что можно было бы продать, кроме себя самой.

Но в один из дней я случайно встретила на улице бывшую служанку тетки, которая неплохо относилась ко мне. Услышав о моих неудачах, она сочувственно поахала, а потом сказала, что сможет мне помочь, если, конечно, я соглашусь пойти на службу в полицию, где ее муж занимал какую-то должность.

Я согласилась – просто от безысходности.

Место младшей надзирательницы в женской тюрьме – вот и все, что судьба могла предложить мне, еще год назад свободно посещавшей дворец Верховного Властителя.

Спустя какое-то время меня навестила (хотя это и не одобрялось нашими обычаями) моя дальняя родственница по материнской линии и пообещала добиться перевода в охрану гарема кого-нибудь из Властителей или даже в личную гвардию наследной принцессы. Но тут как раз запыхала война на северных рубежах, о которой говорили последние двадцать лет. И начальство, узнавшее о своей столь высокородной подчиненной, перевело меня не куда-нибудь, а в Тайную Стражу Трона.

Война шла неудачно для нас, армия отступала, на стороне врагов выступали все новые союзники... Власти свирепели, искали причину поражений в происках иноземных шпионов и изменников. Работы у нас только прибавлялось.

На моих глазах людей подвешивали вниз головой, били кнутахми из стальной проволоки, жгли раскаленным железом, ослепляли и кастрировали, накачивали наркотиками, чтобы развязать языки. Сперва я с трудом выдерживала, но очень быстро привыкла. А потом и сама начала делать то же самое. Я точно не помню, когда я впервые ударила человека – кажется, это был молодой лейтенант, обвиненный в шпионаже...

Мне случалось не раз выезжать на операции – ко мне относились безо всяких скидок на мой пол, хотя во всей Страже женщин было лишь трое.

Стреляли в меня, стреляла и я. Служба чередовалась с изнурительными тренировками по рукопашному бою, после которых болело все тело и хотелось только одного – спать.

Когда я оглядываюсь назад, то все эти неполные полтора года сливаются в моей памяти в какую-то сплошную жуткую муть.

Кровь, грязь, тяжелые, изматывающие допросы, когда уже перестаешь отличать правду от лжи, тщательно подавляемые и неотвязные сомнения в правильности того, что я делаю...

И за всем этим – осознание того, что ничем хорошим все это не кончится.

Временами я с мучительной болью ощущала, как во мне окончательно умирает прежняя Мидара – веселая, беспечная девушка, любившая искусство составления букетов и игру на флейте.

В эти минуты мне становилось очень плохо, и ни вино, ни наркотическая жвачка, ни запретные дурмящие курения, которые по моему приказу доставали в тайных притонах мои агенты, не помогали.

После того как был убит Верховный Властитель и все окончательно покатилося под откос, я, случалось, сутками не выходила из тюремных подвалов и у меня иногда не было времени даже смыть кровь...

Потом Совет Властителей вручил всю власть фельдмаршалу Броугу. Через три месяца половина Совета отправилась на эшафот как изменники и вражеские шпионы. А потом пришел черед и тех, кто стоял ниже. Наша служба тоже была объявлена зараженной предателями и была уничтожена почти поголовно.

Я разделила обычную судьбу всех потерпевших поражение, которых у нас во все времена без всякой пощады истребляли. Моих товарищей ждала казнь или каторга (что одно и то же). Я ждала смерти и была к ней готова, но приговор был иным.

Меня отправили в солдатский публичный дом, в один из захолустных гарнизонов на восточной границе.

Думаю, не нужно подробно останавливаться на том, что я пережила в следующие месяцы. Достаточно сказать, что я сполна испытала всю глубину унижений, которые только могут ждать женщину, оказавшуюся в полной власти животных, именующих себя мужчинами.

Приходилось видеть, как убивают просто так, вымещая на беззащитной женщине злобу на мир, и рыть иногда по две, по три могилы за день: своих мертвых презренные проститутки должны были хоронить сами.

Мне случалось не на жизнь, а на смерть драться с воровками и убийцами – и там, на самом дне, тоже была своя борьба за власть, свои рабы и господа.

Потом до меня дошло известие, что вся моя семья истреблена из-за участия кого-то из родственников в заговоре против Броуга. Я не плакала – к тому времени слез у меня уже давно не осталось.

Девушки из уничтоженных знатных семейств, которые попали сюда вместе со мной, умирали одна за другой или накладывали на себя руки. Не прошло и полугода, как из полудюжины осталась только я одна. Но пришел день, и наконец сломалась и я.

Это было на шестой месяц после того, как я оказалась здесь. В тот вечер из рейда против незамиранных горцев вернулся кавалерийский полк и нас всех – сотню замордованных до скотского состояния баб – безжалостно подняли с постели и погнали ублажать соскучившихся по женскому телу вояк. К утру я еле-еле могла двигаться. И тогда я наконец решилась сделать то, о чем думала уже давно.

Улучив момент, я выскользнула из каморки, где только что обслуживала очередного скота, даже не снявшего мундир, и, тихо проскочив мимо задремавшей надсмотрщицы, пробралась в нашу казарму.

Я привязала к карнизу подоконника шелковый пояс – последнюю вещь, напоминавшую о прежней жизни, сделала скользящую петлю, подставила колченогий табурет... Я не боялась – это легкая смерть, легче только от опиумной настойки. Было просто очень горько – ведь мне шел только двадцать первый год. Но не было страха и не было сомнения. Я знала, что иного исхода быть не может, – редко кто из подневольных проституток протягивал больше трех лет.

Прочтя короткую молитву – я давно уже не молилась и с трудом вспомнила слова, – я изо всех сил оттолкнула табурет, чтобы в следующее мгновение провалиться во тьму небытия...

Я очнулась, лежа на холодном некрашеном полу нашего обиталища. Кто-то возвращал меня к жизни, энергично делая мне искусственное дыхание.

Когда я открыла глаза, то первое, что я увидела, – это лицо склонившейся надо мной моей подруги по несчастью, Кеоны. Эту пятнадцатилетнюю горянку пригнали в наш богами забытый городок полтора месяца назад вместе с другой военной добычей. Как я узнала на следующий день, она увидела меня пробирающейся в наше жилище и по выражению лица догадалась, что я собираюсь делать.

– Почему ты спасла меня? Наши с тобой народы – враги! – Это было единственное, что я смогла сказать ей.

Она кротко улыбнулась в ответ.

– Если ты можешь кого-то спасти и не спасаешь – это великий грех.

– Я хочу сдохнуть, какое тебе дело! – со слезами пробормотала я, закрывая лицо руками.

– Мы все умрем, – спокойно ответила мне горянка. – Зачем тебе торопить смерть, ведь пока ты жива – ты можешь надеяться...

Тут вошла надсмотрщица, увидела меня на полу, пояс на крюке и все поняла. Она раззирилась потоком брани, но за палку не схватилась.

За несколько дней до того сразу шестеро недавно присланных девушек покончили с собой, по очереди заколовшись украденным на кухне ножом. За это ее нещадно выпороли кнутом, и теперь она тряслась над каждой из подопечных. Я получила три дня отдыха.

За эти дни я, подумав, согласилась с тем, что говорила Кеона. Смерть – не та гостья, чтобы торопить ее приход.

А на четвертый день на гарнизон обрушились, скрытно подобравшись горными тропами, войска княжества Хест, правитель которого решил, что самое время откусить от Йоораны кусок пожирнее.

Я проснулась уже после того, как снаряд траншейной мортиры разворотил угол нашей казармы-тюрьмы. Вокруг меня клубилась пыль, чад сгоревшего меленита обжигал горло, разрывал грудь жутким кашлем.

Вокруг меня визжали и стонали мои товарки.

Еще не понимая, в чем дело, я вскочила и, как была нагая, бросилась прочь. Инстинктивно – да, меня тогда вел инстинкт и только он – кинулась туда, где сквозь дым и клубящуюся кирпичную пыль проглядывал тусклый рассвет.

Я тогда не думала ни о чем. Просто бежала среди точно таких же бестолково метавшихся людей: солдат, гражданской obsługi, визжащих женщин – жен и дочерей начальников.

Прямо на меня выскочил вопящий хестиец в рыжем тюрбане, выставивший длинную винтовку со штыком – я едва успела уклониться; в меня несколько раз стреляли – а может, то были шальные пули... Потом я выбралась через пролом в стене, в котором торчал подбитый броневи́к, исходящий черным дымом.

Опомнилась я только примерно в лиге от своей тюрьмы, споткнувшись о труп нашего солдата. Сапоги с него уже успели снять, хотя автомат валялся рядом. Позади грохотал бой, но кто там брал верх – мне было неважно.

Я натянула на себя снятые с мертвеца штаны, при помощи ножа скроила из его плаща что-то вроде накидки, остатками плаща обмотала ноги, забрала оружие и побрела в сторону моря. Я не могу сейчас связно вспомнить все происшедшее потом. Мое сознание было слишком затуманено радостью оттого, что я вновь свободна, и я не могла осознать окружающее. Помню только ночной путь среди осыпей и пропастей.

К утру следующего дня, уже на пределе сил, я вышла к береговым скалам и тут увидела внизу, в полосе прибоя, севший на мель корабль. Ни о чем не думая, я сумела спуститься с обрыва (до сих пор не пойму, как я не сорвалась) и кое-как побрела к нему. В ту минуту мне было все равно, кому он принадлежит и как меня встретят. Я знала, что на крайний случай у меня всегда остается выход, и это придавало мне уверенности и спокойствия.

Помню только боль в ногах, изрезанных до крови об острые камни, когда я вошла в волны, просмоленный борт корабля совсем рядом, удивленные возгласы и направленные на меня стволы... Помню, как уговаривали меня разжать руки, намертво вцепившиеся в автомат, а я не могла. Помню теплое вино, льющееся в рот... Потом мне сказали, что я проспала ровно трое суток и проснулась, уже когда корабль покинул мой мир...

Я довольно быстро продвинулась на службе у этих междумировых торговцев. Тут, правда, не столько моя личная заслуга, сколько то, что наша база в прошедшие годы понесла особенно большие потери. Я вполне могла бы оказаться в числе тех, кто пропал без вести или погиб. А я вот стала вице-командором. Неплохо, если учесть, что подняться выше никому из нас невозможно.

Никто из моего мира или даже из похожего на него за эти годы мне не встречался. Точно так же их никто не посещал из моих знакомых. Никому не известны народы, в нем проживающие, никто никогда не слышал о событиях, происходивших в нем. Как довольно невразумительно пытался объяснить мне Дмитрий, пути моего мира и всех остальных разделились в незапамятной древности. Мне иногда становится грустно, когда я об этом думаю. Выходит, мой родной мир одинок, и нет даже той эфемерной надежды, что в других пространствах судьба его жителей сложилась счастливее...

Но так или иначе, я совсем не думала о том, чтобы что-то всерьез изменить в своей судьбе. До того дня, когда пришла навестить тяжело больного капитана Ятэра.

Василий

Думаю, настала пора поведать наконец о том, как я стал тем, кем стал.

До двадцати пяти лет, трех месяцев и десяти дней от роду моя жизнь ничем не отличалась от жизни десятков миллионов моих сограждан. Школа, учеба в институте, не очень хлебное, но неплохое и перспективное место на заводе, работавшем на космос, занятия музыкой, мелкие удачи и неудачи в личной жизни, бытовые хлопоты... О параллельных вселенных я если и читал, то в научно-популярных журналах и фантастических романах и, разумеется в них не верил, вернее – даже не задумывался над этим вопросом.

Ни о чем таком, естественно, я не думал и в тот момент, когда, направляясь домой после работы, спустился в заросший рябиной овражек на полпути между остановкой автобуса и своим родным микрорайоном.

А думал я в тот момент об отпуске, который начинался с завтрашнего дня. И немного о том, как прошел концерт нашего самодеятельного джаз-бэнда два дня назад. На нем присутствовала та, которая занимала все большее место в моей жизни...

Внезапно я оказался в центре пульсирующего серого овала с неровными краями, испускающего кремовое сияние. В следующий же неуловимый миг вокруг меня сомкнулась бледно-перламутровая пустота. Одновременно я ощутил необычайную легкость во всем теле.

Но все это продлилось лишь несколько секунд – я не успел не только испугаться, но даже сформулировать вопрос: что, собственно, происходит со мной?

Потом я полетел с довольно-таки большой высоты на ниоткуда вдруг возникшую внизу палубу корабля.

Какое-то мгновение я не видел ничего вокруг себя от пронзившей ногу боли.

Затем в уши мне ударил шум волн. Ошалело оглянувшись, я обнаружил, что нахожусь и в самом деле на палубе не очень большого деревянного корабля.

Над капитанским мостиком нависало ярко-оранжевое полотнище паруса.

А с мостика, обнесенного резными поручнями, на меня смотрела молодая женщина в широких брюках сиреневого цвета поверх желтых кожаных мокасин. Остальную одежду ей заменяло широкое полотнище, обмотанное несколько раз вокруг тела, оставляя обнаженными плечи и втянутый живот.

Рядом с ней стоял человек, годившийся ей в отцы. Это был смуглолицый горбоносый мужчина с курчавой седой шевелюрой и такой же бородой.

На нем была шерстяная туника до колен, подпоясанная кожаным ремнем, на котором болтались кривой кинжал и револьвер в открытой кобуре. Одевание дополняли короткие штаны в обтяжку и башмаки на босу ногу.

Поднимаясь, я увидел стоявшего на юте третьего субъекта.

Высокий и худой, завернутый в длинный черный плащ, с очень темной, даже какой-то словно бы обожженной кожей лица и глубоко запавшими маленькими глазками, он отнюдь не произвел на меня благоприятного впечатления.

Все трое смотрели на меня с удивлением, но без недоумения, словно в моем внезапном появлении на палубе их корабля не было ничего странного и невероятного.

– Вот так так, – на чистом русском заявил бородатый, снизу вверх разглядывая меня. – За все время – первый раз! Слышать – слышал, а вот чтобы своими глазами...

Несмотря на боль в подвернутой ноге, я не потерял способность здраво рассуждать. Не хвастаясь, скажу, что почти не чувствовал страха. Пожалуй, гораздо больше я испугался бы, повстречай в подъезде пару-тройку подвыпивших типов, недвусмысленно выражающих агрессивные намерения. Все случившееся выглядело таким нереальным и невероятным, что начисто отшибло всякий страх.

Я полностью сохранил ясность мысли, поэтому посетившее на несколько секунд мою голову предположение, что я просто рехнулся, было мною почти сразу же отброшено.

Еще через несколько секунд, перебрав все возможные варианты, я уже примерно представлял, что со мной могло случиться. Все-таки я был человеком с высшим образованием и выписывал журнал «Знание – сила».

– А вы, наверное, путешественники во времени? – спросил я, глядя прямо на девушку и бородача.

Они удивленно переглянулись.

– Сообразительный, однако, попался парень! – заявил пожилой. – Кто же ты такой и откуда взялся?

– Кирпиченко Василий Георгиевич, – ответил я и почему-то добавил: – Советский Союз.

Женщина и старик опять переглянулись, и тот вновь буркнул себе что-то под нос, так что я расслышал только: «Майсурадзе».

Забегая вперед, сообщу: то, что произошло со мной, на нашем профессиональном жаргоне называется «сквозной пробой». При нем проход открывается на всю длину или часть ее и все, что оказывается в местах выходов, втягивается в канал. Но, разумеется, я тогда этого не знал.

Тем временем молча разглядывавший меня «черный человек» – плащ его распахнулся, и можно было увидеть черный балахон до колен, черные туфли и штаны в обтяжку – так же молча пожал плечами и покинул палубу.

Послышался топот подкованных подошв, и на палубу из надстроек и люков выскочили около десятка разнообразно и непонятно одетых матросов.

Они уставились на меня, примерно как если бы я был обезьяной, вдруг неведомо как оказавшейся на приеме в королевском дворце.

– Уберите его, – рявкнул, приняв наконец решение, капитан. Фраза прозвучала довольно зловеще, но, как оказалось, ничего дурного он в виду не имел.

Двое дюжих полуголых парней, чьи тела украшали замысловатые татуировки и довольно жуткого вида шрамы, схватили меня под руки и сноровисто поволокли вниз по трапу.

Я и рта раскрыть не успел, как меня впихнули в маленькую полутемную каюту и захлопнули за мной дверь. Только когда звонко лязгнул замок, я решился задать им вопрос, но, осекшись, с пару минут тупо смотрел на добротнo сколоченную дверь.

Потом оглядел каюту: полутемное помещение нескольких шагов в длину и ширину, с иллюминатором, куда ребенок с трудом просунул бы голову, узкой койкой и столом, прибитым к переборке.

Оказавшиеся в аналогичных ситуациях литературные и киношные персонажи обычно долго щиплют себя или даже бьют по лицу. Но я делать этого не стал – как бы там ни было, на сон случившееся было явно непохоже, да и боль в пострадавшей при падении ноге была самой натуральной.

Но что мне теперь делать? Вопить во всю глотку, колотить кулаками в дверь, угрожать милицией...

Нет, ничего подобного мне делать тоже почему-то не хотелось. Кроме явственного понимания того, что со мной случилось нечто такое, когда надеяться на помощь участкового бесполезно, меня останавливало еще и то, что хозяева этого корабля вполне могли просто-напросто заткнуть мне рот, и не только кляпом.

Да, единственное, что было очевидно, так это то, что я влип в очень крупную (и даже очень крупную!) неприятность. Во всяком случае, в мою голову не пришла мысль потребовать немедленно вернуть меня домой, взывая к гуманизму общества светлого грядущего...

Спустя несколько часов дверь распахнулась и появился моряк с подносом.

Я порывался было что-то сказать, но он только зыркнул на меня, поставил еду на стол и так же быстро исчез за дверью, где маячил его шкафообразный коллега.

Вновь я некоторое время созерцал захлопнувшуюся дверь.

– Ну ладно, посмотрим, чем тут кормят пленников, – пробормотал я, пожав плечами.

Паек пленников тут составляли несколько толстых ломтей вяленой свинины с дюжиной сухарей, оловянная фляга мутного пива и объемистая кружка, на дне которой плескался бурый напиток, отдающий сивухой.

Это, наверное, и есть те самые ром и сухари, которые, если верить романам, составляли любимую еду моряков парусного флота.

Есть не хотелось, но, опять же, вспомнилось вычитанное где-то, что в подобной ситуации надо поесть при первом удобном случае, поскольку неизвестно, когда представится второй.

Морские сухари, о которых я столько читал, оказались твердыми, как камень. Свинина – довольно вкусная, но жесткая. Ром шибанул в горло, выдавив слезу, и я поспешил запить его пивом.

Еще пару часов я просидел взаперти – хозяева судна больше ничем не напоминали о своем существовании. За стеклом иллюминатора опустилась темнота, и я наконец решил, что утро вечера мудренее.

Сняв ботинки, я улегся на койку и задремал. Сквозь сон я как будто слышал скрип двери, но сил проснуться уже не было.

Проснулся я по весьма прозаической причине – дал знать о себе наполненный мочевой пузырь. Да и другие физиологические надобности тоже беспокоили.

Мои часы остановились, пока я спал, и сказать точно, сколько прошло времени, я не мог. Судя по моему чувству времени, уже должна была наступить ночь, но за иллюминатором едва начал розоветь закат.

Я оглядел стены каюты, словно надеялся увидеть вход в туалет, потом постучал в дверь. Стучал и звал своих тюремщиков я минут десять с перерывами.

С какой-то мстительной злобой я подумал, что в крайнем случае наделаю прямо на пол (хотя и понимал, что добром для меня это не кончится). Но тут догадался заглянуть под койку и обнаружил там массивный чугунный сосуд с тяжелой крышкой.

Еще через некоторое время я вновь лег спать.

Когда я открыл глаза, в каюте был серый сумрак. За иллюминатором матово клубился туман.

Нас ощутимо покачивало, и было непонятно, стоим мы или идем.

Лязгнув засов – я вскочил, ощутив запоздалый страх.

В дверях появился один из вчерашних парней.

– Пойдем, случайник, – бросил он.

Морщась от вернувшейся боли в подвернутой ноге, я поковылял следом за парнем.

Мы поднялись на палубу. Осмотревшись по сторонам, я убедился, что мы прибыли в порт. Видимо, это была база моих хозяев (или похитителей). Тогда я не имел, разумеется, представления, что именно так – база – и называют это место обитатели.

Вдоль бревенчатых причалов выстроилось несколько десятков судов. В основном это были парусники, причем большая часть показалась мне незнакомой, хотя рассветный сумрак не позволял разглядеть их как следует. Впрочем, тут же стояло и несколько небольших пароходов, из трубы одного лениво поднимался дымок. Пара рыболовецких траулеров терлась ржавыми бортами о пристань.

Здания на берегу, как и пристань, были построены из бревен или дикого камня, кое-как отесанного. Впрочем, немного дальше стояли длинные кирпичные не то бараки, не то склады.

Никаких сооружений из стекла и алюминия, глайдеров, флаеров, даже антенн спутниковой связи – всего того, чему, по всем канонам футурологии и художественной литературы,

полагалось быть у цивилизации, освоившей путешествия во времени, на берегу не наблюдалось.

Конечно, тут же подумал я, все это может быть лишь декорацией для непосвященных. Хотя откуда здесь непосвященные?

Потом мне в голову начали лезть мысли совершенно идиотские, явно заимствованные из прочитанных книг. Вроде того, что это, может быть, беглецы, ищущие спасения в прошлом от неведомых опасностей, или вообще какие-нибудь темпоральные бандиты.

Глядя вокруг, я замешкался, и мой провожатый ткнул меня в поясницу кулаком – беззлобно, но чувствительно. Мы спустились по сходням и совсем скоро подошли к низкому длинному сооружению, в котором я не без удивления узнал стандартный армейский ангар.

За дверью, грубо прорезанной в стене, оказался узкий коридор, в торце которого виднелись два небольших окошка. Под потолком тускло горела единственная лампа. Вдоль дощатых стен протянулись одинаковые двери.

Усадив меня на единственную рассохшуюся лавку, парень нырнул в одну из них.

Из-за дверей доносился шум голосов, причем говорили, насколько я мог понять, по-русски. Трещала пишущая машинка, а один раз до меня донеслось знакомое мяуканье загружающегося компьютера.

Минут через пять мой провожатый появился на пороге и жестом пригласил меня войти.

В кабинете обстановка представляла собой обычную для базы сборную солянку, но тогда она меня несказанно удивила.

Несгораемый шкаф с потертыми ручками и большими скважинами – точно такой же, как в любом учреждении, рядом с ним другой сейф – явно импортный, элегантной формы, вызывающий невольное уважение множеством хромированных кнопок.

На стенах висело с полдюжины картин, написанных в самой разнообразной манере, изображавших в основном разнотипные парусники.

Тут же были прибиты рога оленей и бизонов, а в углу стояло деревянное, изъеденное временем изображение скуластой женщины в панцире и замысловатой формы шлеме, по всему видать украшавшее когда-то корабельный бушприт.

На столе стоял выключенный персональный компьютер – «Самсунг», насколько я смог разобрать, старый телефон в черном эбонитовом корпусе и бронзовый письменный прибор с фигуркой простершего руку Ленина. Этот прибор меня буквально добил (теперь даже не понимаю, почему).

В совершенной прострации я, не дожидаясь разрешения, сел на стул, но тут же поднялся, заметив недовольную мину на лице хозяина кабинета, сидевшего в кресле за столом. Это был невысокий плотный темноволосый человек с большим кавказским носом и резкими чертами обветренного лица, одетый в цветастую шелковую рубашку и вытертые вельветовые джинсы. Он слегка напомнил мне Авессалома Карапетовича – хозяина мясного магазина, живущего в моем подъезде.

Повстречай я этого типа на улице еще вчера – даже взгляд не задержал бы.

Некоторое время он внимательно разглядывал меня, и только потом начался разговор.

– Ну, здравствуй, – пожал он мне руку. – Здравствуй, соотечественник, хоть и не скажу, что так уж рад тебя здесь увидеть, – продолжил он с легким акцентом. – Можешь сесть. Зовут меня Майсурадзе Георгий Мамедович, и я есть второй вице-командор этой базы.

После всего, что я увидел и пережил в последние часы, наличие тут настоящего грузина меня не удивило совершенно. Только что не к месту возникла в памяти фраза из виденного мною в детстве фильма: «За сколько сребреников проданся космическим пиратам?»

– Какой базы? – задал я вопрос как можно более равнодушным тоном.

– Торговой, – недовольно уточнил Майсурадзе. – Торговой базы. Ты пока помолчи, не перебивай, дорогой. Я тебя спрашиваю и все расскажу, что тебе надо знать. Потом будешь

спрашивать, чего непонятно будет... Можешь не тратить времени – я уже знаю, как ты сюда попал... Шел, шел и провалился в норку. Читал «Алису в Стране чудес»? – Он натянуто хохотнул. – Ну ладно, чего только не бывает. Для начала – из какого ты года?

– Из две тысячи четвертого.

– Так ты точно из Союза?

– Вообще-то из России.

– А-а... – Он враз поскущнел. – Я-то думал – земляк. А кто у вас там президент?

Этот вопрос почему-то разозлил меня, кроме того, подвернутая нога опять дала о себе знать.

– Владимир Владимирович – кто ж еще? – процедил я сквозь зубы.

Майсурадзе некоторое время молчал, явно что-то обдумывая.

– А Мухалов куда подевался? – наконец возобновил он разговор.

– А кто это такой? – в свою очередь пожал я плечами в ответ.

– Значит, вот ты откуда... – с непонятной интонацией сообщил он мне. – А ведь ветвь считалась малодоступной... Ну, да ладно. Как ты думаешь, где ты сейчас находишься? – сменив тон, спросил хозяин кабинета.

– Не знаю, – выговорил я. Его странные вопросы ставили меня в тупик. – Наверное, в будущем.

– Бу-удущее... – задумчиво протянул собеседник. – Так ты, дорогой, может, хочешь узнать, какой сейчас год?

– И какой же сейчас год?

– Какой? Да никакой! Здесь вообще людей нет, а значит, и летосчисления не выдумали.

– Как – нет людей? – пробормотал я совсем уже ошарашенно. – А вы кто?

– Да нет, я не о нас, – досадливо отмахнулся Майсурадзе. – Человечества здесь нету, одни макаки живут.

В моей голове словно сам собой возник ответ.

– Параллельный мир? – задал я вопрос, понимая глядя на собеседника.

– Нет, перпендикулярный, – сообщил он. – Дошло наконец до него, как до жирафа по спинному мозгу.

Эта фраза окончательно убедила меня в том, что Майсурадзе – мой современник. Но тогда как...

– Добро, пойдем дальше. Ты где работал? – продолжил хозяин кабинета, не давая мне опомниться.

– На заводе.

– Ну-ну, – заинтересовался Майсурадзе. – И кем же?

– Экономистом.

– Это хуже. Ну да ладно, научись чему-нибудь полезному. Я вот тоже работал капитаном КГБ, а теперь этой базой руковожу. Ты лучше скажи: во флоте, случайно, не служил?

Я помотал головой.

– А просто на кораблях не плавал или там яхтой не занимался?

Я вновь был вынужден огорчить его.

– Жаль. В армии вообще был?

– Нет. Но у нас военная кафедра была.

– С оружием обращаться, стало быть, умеешь?

– Само собой.

– С каким именно?

– АК, пистолет Макарова, ТТ, пулемет. Еще...

– Достаточно. С этим все ясно. Машину водишь?

– Немного.

– Добро. Значит, в движении разберешься. А с математикой у тебя как было, с астрономией? Э тот... параллакс светила можешь рассчитать?

– Могу, – не слишком уверенно ответил я, припоминая школьные задачки по астрономии.

– А вообще что умеешь?

– Еще в медицине разбираюсь... Не сильно, правда, – один курс медицинского...

– Ладно, – вздохнул он, – не буду тебя мучить, а скажу сразу все как есть. То, что это другой мир и другое время, ты уже сам догадался. Я вот тоже из другого времени – из девяносто пятого – и даже, вообще-то, из другой страны, как ты, может, понял... Э тих миров, скажу тебе, тысячи и тысячи, если не миллионы. И между мирами есть, ну как бы это сказать... одним словом – ворота. А раз есть ворота, то их можно открыть, правда?

Я кивнул, уже смутно догадываясь, о чем пойдет речь.

– Ну вот. И что интересно, никаких машинок для этого не требуется. Есть такие люди... да, люди... Особенности, скажу тебе, люди, которые могут эти ворота открыть. Ну так вот – мы, стало быть, в общем, возим товары туда-сюда, из кон-тин-нума, – он выговорил слово по слогам, – так сказать, в кон-тин-нум. Разные товары, скажу тебе. Вроде как междумировые торговцы.

– Торговцы? – переспросил почему-то я.

– Торговцы, торговцы, не сомневайся, – подтвердил Майсурадзе. – Ну что, вижу – не веришь?

– Если честно, Георгий Мамедович... не очень. Слишком уж все... – Я замолчал, не в силах подобрать слова.

– Невероятно, – подсказал он.

Я только кивнул в ответ.

– Невероятно, но факт, – сухо отрезал он. – Все так, как я говорю, не сомневайся.

– Меня никогда не вернут домой? – спросил я, уже заранее догадываясь, каким будет ответ, и одновременно ощущая некую слепую надежду, сродни той, что испытывает приговоренный к смерти даже в последние часы перед казнью. Голос у меня задрожал.

– Э-э, дорогой, ну сам подумай: как же тебя теперь можно вернуть домой? – с мягкой укоризной спросил Майсурадзе. – Ты ведь уже столько знаешь!

– Я ничего... – начал было я.

– Знаешь, знаешь, – фыркнул Майсурадзе. – Главное, знаешь, что мы есть. И не говори только, что ничего никому не скажешь. Конечно, не скажешь, потому что домой больше не попадешь. – Его глаза вдруг вонзились мне в лицо как стальные буравчики.

Я опустил взгляд, чувствуя предательскую тошноту, нахлынувшую вдруг снизу живота.

– И что же теперь? – с трудом нашел в себе силы спросить я.

Видимо, вид у меня был особенно жалкий (хотя в моем тогдашнем положении у всякого был бы жалкий вид), и Майсурадзе сочувственно похлопал меня по плечу:

– Да ты не бойся – убивать тебя не будут. Будешь служить Великой Хэолике, как я, например. Парень ты, вижу, умный, не хилак, так что быстро продвинешься. Из наших миров люди быстро продвигаются, не то что всякие дикие дубари, которые думают, что в моторе черти сидят, оттого он и крутится. Я вот, когда сам сюда попал... тоже сперва было очень плохо, а теперь большой начальник. Да, – вздохнул он, – было дело: сунулся куда не надо – любопытно мне стало очень, ну и погубило любопытство кошку. – Он саркастически улыбнулся и покачал головой.

Майсурадзе вытащил из несгораемого шкафа бутылку «Стрелецкой», пару вычурных хрустальных фужеров с золотыми вензелями в форме львов, плеснул в них на два пальца и пододвинул мне:

– На вот, выпей.

Я осушил стакан, почти не почувствовав вкуса водки.

– Только не вздумай отказываться или упираться, – вновь посуровел он. – А то лет пять назад один наш с тобой земляк уперся... Убить тебя, конечно, тоже не убьют: люди – они, знаешь, тоже чего-то стоят. Но как бы потом не пожалеть, что жив остался. Отправят тебя в такие места... – Не договорив, он махнул рукой. – Ну ладно. Если тебе все объяснять, то нужно час-два говорить – самое меньшее. А у меня ни времени нет, да и не нужно это. Лучше, когда человек все сам узнает да поймет, что к чему...

Он нажал кнопку звонка, и в дверях появился приведший меня сюда молодой моряк.

– Давай займись этим товарищем. Ну, ты знаешь, что и как. И чтоб было все как надо – это мой земляк почти, так что не обижать его там... Ну, давай иди, – бросил он мне. – Понимаю, неудача, конечно, с тобой получилась, но могло быть и хуже. Сперва тебе тут покажется кисло, потом привыкнешь. Человек и не к такому привыкает. И вот еще что, – бросил он напоследок. – Постарайся поменьше вспоминать о прошлом – легче будет. Все, ступай.

– Повезло тебе, дружище, – произнес моряк, когда мы шли полутемными коридорами пакгауза. – Тебя к себе сам капитан Ятэр берет!

– А откуда вы русский язык знаете? – задал я давно мучивший меня вопрос, решив отложить на потом выяснение того, кто такой Ятэр и почему мне повезло.

Он с недоумением уставился на меня, потом хлопнул себя по лбу:

– А, ну да, тебе ж еще лингвистр не вшили...

Я не понял, о чем речь, но переспрашивать на всякий случай тоже не стал.

Внутри ангара сновали по своим делам немало разнообразно одетых субъектов.

С двух сторон вверх на четыре этажа уходили огражденные хилым бордюрчиком с резными балясинами галереи, куда выходило множество дверей, а внизу тянулись ворота складов.

Нам пришлось посторониться – по проходу, дымя, прокатился дряхлый автопогрузчик, тащивший деревянный контейнер с латинскими надписями.

Мы поднялись по узкой крутой лестнице на второй этаж и вошли в длинный узкий кабинет, где за массивным, вычурной работы столом красного дерева, которому самое место было в каюте какого-нибудь фрегата или галеона, сидел седой как лунь морщинистый старик в синем камзоле с кружевами, обтягивающих штанах и остроносых туфлях с золотыми пряжками. Довершал его облик крест какого-то ордена на пышном воротнике.

Он высокомерно оглядел меня и углубился в бумаги на некоторое время.

– Я четвертый вице-командор Джозеф Мур, – соизволил он вновь обратить на меня внимание. – Между прочим, барон Мур. По милости Великой Хэолики вынужден заниматься такими, как ты. Вопрос первый: ты на компьютере работать умеешь?

– Умею, – ответил я. Неуместность слова «компьютер» в устах средневекового старикашки меня не зацепила – было не до того.

– Так, – заинтересовался хозяин кабинета, – и что же ты умеешь делать? Программируешь, ремонтируешь, собираешь?

– Нет, просто... по клавиатуре барабаню, – ответил я, мельком пожалев о том, что когда-то проигнорировал компьютерные курсы.

– А, – враз поскущел тот. – Так работать я тоже могу. Да, ума не приложу, где достать кого-нибудь, кто как следует разбирается в этих бесовских железяках!... Самолет ты, милейший, конечно, тоже водить не умеешь? – полуутвердительно-полувопросительно продолжил он. Я подтвердил его подозрения. – Вот дьявол! – выругался старикан. – Следующего пилота к пойлу на пушечный выстрел не подпущу. Ладно, что там у нас еще... Ты не содомит?

Я не сразу сообразил, что ответить.

– Я тебя спрашиваю: ты педик или нет? – рявкнул старик. – Если да – лучше сразу скажи. Имей в виду: такие у нас живут отдельно, а если лезут к нормальным – получают по рогам!

– Да ладно вам, почтенный, – вступился за меня парень. – Разве он похож на мужеложца?

– Кто похож, а кто нет – это не важно, – уничижительно отрезал Мур. – Стало быть, ты не педик? – Это уже опять ко мне.

Я помотал головой.

– Ну что – вслух сказать трудно? Да или нет?

– Нет, – тихо произнес я.

– Громче, – скомандовал Мур.

– Нет! – Мне захотелось запустить в расфуфыренного хама чем-нибудь тяжелым.

– Давно бы так! – Тот был, похоже, удовлетворен, что разозлил меня. – Стало быть, пойдешь к Ятэру, как он захотел. Какой ему толк от тебя – не пойму, да это и не моего ума дело.

– Хочу сказать, – встрял матрос, – мы ведь не ходим в его уровни, так что самое подходящее место для него!

– Не учил бы ты меня моему делу, матрос, я и без тебя знаю, что на его уровнях сидят только Кеатль, Горгий и Дагон...

– Жаль, что ты не умеешь летать, – сообщил мне сопровождающий, когда мы вышли. – У нас был один пилот, так нажрался до поросычьего визга и утонул. Где теперь нового взять – не знаем. Летчику жить хорошо – почти ничего не делаешь. Да, хотел бы я быть пилотом...

Из кабинета мы спустились в полуподвал, где расположился местный вещевой склад. Тут было великое множество одежды из всех, как я уже понял, миров. От разнообразия видов и фасонов прямо-таки рябило в глазах.

Но меня отвели в закуток, где одежда была более-менее знакомой.

Армейский камуфляж и бязевые кальсоны чередовались с рабочими спецовками, а те – с матросскими форменками и тельняшками. Тут же валялись распоротые тюки с бескозырками, фесками, огромными шляпами-зюйдвестками.

Связки грубых кожаных курток загромождали проход, а поверх них были небрежно брошены длинные китайские халаты из синей ткани.

Грудами лежала армейская униформа – с незнакомыми мне шевронами и нашивками, хотя на некоторых из них были русские буквы.

Были тут еще и совсем уж невиданные одежды, принадлежащие неизвестным, мне, во всяком случае, народам.

Тут, у маленькой печурки, на которой шипел чайник, сидели два немолодых, но крепких мужика.

Моряк что-то сказал им вполголоса, и один из них, пройдя куда-то в глубину склада и повозившись там минут пять, выложил передо мною полотняную рубаху без ворота, широкие свободные шаровары и суконную безрукавку, явно бывшую в употреблении.

Сверху он бросил клеенчатый плащ и бесформенную широкополую шляпу, рядом поставил крепкие, хотя и неказистые на вид кожаные башмаки, судя по фасону – солдатские.

– Пока вроде все. Давай переодевайся. А одежду свою собери и поаккуратней свяжи. А еще лучше: постирай сначала – тебе еще долго носить ее не придется.

Тут же переодевшись, я принялся торопливо сворачивать одежду, при этом вытаскивая из карманов те мелочи, которые обычно находятся в них, и перекладывая их в карманы шаровар...

Ключи от квартиры, часы-браслет, которые так и не успел сдать в ремонт, мобильник, кошелек. Последней в руках у меня оказалась записная книжка. Случайно я открыл ее на странице, где Нина записала свой телефон.

При взгляде на ее почерк я ощутил, как ледяная тоска вдруг хлынула в душу. Яркий электрический свет словно потускнел. Я замер с книжечкой в ладони, чувствуя, как слезы вот-вот хлынут из глаз.

Перемена, случившаяся со мной, не укрылась от внимания моих опекунов.

Перед ними прошел, надо думать, не один такой, как я, и они хорошо знали, как надо поступать в подобных случаях. Старший резким движением выдернул книжку у меня из рук и тут же швырнул в печку.

Теперь я даже благодарен этим грубым и суровым людям, их жестокой мудрости.

Но для того чтобы их понять, мне самому сначала потребовалось стать таким, как они. А тогда...

Я глядел, как исчезают в пламени странички, сворачивается коленкорový переплет, и чувство было подобно тому, как если бы этот огонь жег меня.

– Вот так, парень, – невесело усмехнулся бородатый, – что поделаешь, надо перетерпеть.

Видимо, взгляд мой, обращенный на него, был весьма красноречив.

– Только не вздумай драться со мной. – Он продемонстрировал мне кулак с пивную кружку величиной. – Имей в виду: драться меня учил офицер из вашего времени, из этих, как его... ну, которые с неба прыгают.

Его товарищ, став позади, положил руку мне на плечо – то ли чтобы приободрить, то ли на случай, если я не внемлю предупреждению.

Боль постепенно схлынула, хотя тяжесть в душе осталась. Мне вдруг стало почти все равно, что будет со мной дальше...

Так, в полупрострации, я потащился следом за парнем прочь из ангара.

Попетляв среди строений этого странного поселка, мы остановились возле узкого и длинного бревенчатого сооружения, напоминавшего не то лабаз, не то блокгауз из вестернов, если бы не квадратные окна.

Я миновал тамбур с полудюжиной курток на гвоздях и прикорнувшим в углу красноносый рыжим крепышом, из-за пазухи которого выглядывало бутылочное горлышко.

Мой провожатый подтолкнул меня вперед, и я оказался в длинном помещении, уставленном узкими топчанами. Никого кроме нас тут не было. В воздухе плавал аромат табачного дыма.

– Вот, стало быть, твоя койка. – Он остановился у одного из топчанов. – А вот, – он наклонился и вытащил из-под ложа длинный парусиновый мешок с кожаными лямками, – это теперь тоже вроде как твое. Барахло прежнего хозяина. – Он швырнул мне оказавшийся довольно увесистым баул. – Ему теперь уж точно не понадобится, а ты вроде как его наследник. Ну, вроде все. Сиди тут и жди.

– Кого? – не понял я.

– Боцмана Горна, – высокомерно сообщил он мне и удалился.

Я остался в одиночестве. Барак, кубрик или казарма (как лучше это назвать?) была пуста.

Мне ничего не оставалось, как сесть на спартанского вида койку – одеяло грубой шерсти поверх голого матраса – и дожидаться своей участи. Это было самое умное, что пришло мне в голову (два других решения были: попытаться вылезти в окно и бежать куда глаза глядят либо разбить себе голову о стенку, покончив со всем разом).

Наконец дверь распахнулась и появился вышеупомянутый боцман – высокий широкоплечий мужчина в тельняшке с широкими полосами и берете с потешным помпоном.

Он внимательно осмотрел меня с ног до головы, подергал сжатую в кулак пиратскую бородку. Потом между нами состоялся примерно такой диалог:

– Как зовут?

– Василий.

– Бэзил, значит. Не моряк?

– Нет.

– Готовить умеешь?

– Умею.

– И то дело. Укачиваешься?

Я помотал головой.

– Совсем хорошо. Ну, посмотрим, что из тебя выйдет. И не из таких нормальных людей делали! А теперь пошли работать.

Мне ничего не оставалось, как поплестись следом за ним.

Подойдя к покосившемуся забору, он толкнул калитку, и мы оказались на заднем дворе кухни или столовой, если судить по витавшим в воздухе запахам.

– Вот, – он показал на громадный штабель поленьев, рядом с ним стояла изрубленная колода, в которую был воткнут топор, – будешь колоть дрова. До обеда и от забора – так, что ли, у вас говорят? – Он коротко хохотнул. – Чем больше нарубишь, тем больше поешь.

Хлопнув калиткой, он оставил меня наедине с дровами.

Делать было нечего: благословив свои занятия йогой и дзюдо, я принялся за работу.

Прошел час, потом другой, и еще какое-то время. Топор вываливался у меня из рук, на ладонях появились кровавые мозоли, а проклятые дрова, казалось, все не убывали.

Я давно стащил с себя куртку и рубаху, но все равно обливался потом.

Каждая мышца буквально вопила об отдыхе, но я чувствовал, что если сейчас прекращу работу хоть на минуту, то больше уже не смогу сделать ни одного движения.

Наконец появился боцман. Критически оглядев сделанное, он, против ожидания, похвалил меня:

– Неплохо, черт возьми. Бывало, покрепче тебя на вид, а и половины этого наколоть не могли. Ладно, пошли, пожуюсь чего бог послал.

За дверью, сбитой из досок от корабельной обшивки, располагалась подсобка, где на шатком столе меня ждали стеклянная миска, доверху полная густым рыбным супом, заправленным мелко накрошенной зеленью, такая же миска помельче, куда горкой было навалено жареное мясо с картошкой, и стакан сильно разбавленного водой красного вина. Не без труда удерживая ложку в еле шевелящихся пальцах, я принялся за еду. На суп я потратил минут пять, на второе – немного больше.

Мясо оказалось похоже на жесткую говядину (именно тогда я впервые попробовал мамонтьятину).

Заканчивая трапезу, я случайно смахнул локтем со стола миску. Она весело запрыгала по кирпичному полу, звеня как гонг, но даже не треснула.

– Небьющееся закаленное стекло, – пояснил мне повар, выглянувший в дверь. – Из нашего с тобой двадцатого века.

Так я познакомился с Борисом Максимовичем Беспредельным, в далеком прошлом – лейтенантом конвойных войск НКВД, а ныне – нашим главным кухмистером.

Но побеседовать с ним и вообще слишком долго отдыхать после еды мне не дали. Снова появился Горн и опять потащил меня куда-то.

На этот раз мы направились к небольшому каменному домику с зеркальными стеклами, стоявшему возле ограды, за которой возвышалась удивившая меня башня.

Мы оказались в чистой комнатке, похожей на кабинет врача – точнее, врача зубного. Во всяком случае, здесь имелось высокое, обтянутое черной кожей кресло с высоким подголовником.

Нас встретил молодой парень в таком же одеянии, что и увиденный мною на корабле «черный человек».

– Вот, новенький. Надо его обработать, – с некоторой робостью, как мне показалось, сообщил Горн.

Тот молча кивнул и указал мне на кресло.

Я подчинился. И спустя несколько секунд погрузился в сон без сновидений.

Очнулся я почти сразу – как мне показалось. Под левой лопаткой ощущался какой-то непонятный зуд. Взглянув на свои руки, я с удивлением обнаружил, что кровавые мозоли

исчезли, сменившись загрубевшей кожей. Еще оказалось, что сижу я на лавочке перед домиком.

– Ну что уставился? – добродушно спросил боцман. – Магия, брат.

– Магия? – переспросил я. – Настоящая?

– Угу, самая натуральная!

Странно: на какое-то время мне показалось, что я говорю не на родном языке. Вернее, я как будто знал его, но в то же время как будто сознавал, что это не мой родной язык.

Машинально потирая все еще чешущиеся ладони, я побрел вслед за боцманом. Солнце за это время спустилось довольно низко к горизонту.

Вернувшись в барак, я вновь уселся на койку.

Спускались сумерки. Я неподвижно сидел на койке, уставясь в некрашенный скобленный пол. Временами хотелось плакать, но слез не было.

В одиночестве я пробыл недолго. По мере того как день клонился к вечеру, помещение наполнялось людьми.

Люди входили, собирались группами по трое-четверо, что-то обсуждали, смеясь, или вдумчиво беседовали, играли в кости, карты, еще какие-то игры... Кое-где из рук в руки переходила бутылка. Преобладали тут личности европейского типа, с обветренными лицами, хотя было несколько смуглых и скуластых и пара негров.

В одном месте, собравшись в кружок, слушали чтеца. В другом вполсилы пел что-то на английском CD-проигрыватель на коленях у темнокожего парня. Несколько человек пришли в компании с женщинами и, усевшись в обнимку, принялись что-то весело обсуждать полупотом.

Пара моряков направилась было в мою сторону, но немолодой сивоусый человек остановил их, что-то негромко сказав. Бросив на меня сочувственный взгляд, они присоединились к одной из компаний.

На соседнюю койку с маху опустился молодой смуглолицый моряк, чья голова была пиратски повязана ярким платком.

– Привет. – Он протянул мне руку. – Ты новенький?

Я кивнул.

– Ясно. Я буду Шайгар. Вообще-то это только мое первое имя, есть еще пять, но тут все зовут меня Шайгар. Ты не из Рарги будешь, случайно?

– Случайно нет, – ответил я.

– Жаль, – тяжело вздохнул он. – А зовут тебя как?

Я назвал.

– Глотнешь? – Он протянул мне фляжку.

– Глотну.

Вино было слабым и кислым, но я не поморщился.

Сосед одобрительно кивнул:

– Вот так. А теперь ложись да спи – утро вечера мудренее.

Он сам быстро лег, не раздеваясь и, кажется, сразу заснув.

Я тоже укрылся одеялом и попытался последовать его совету.

Постепенно барак отходил ко сну. Народ ложился и тут же засыпал; песни и музыка смолкали; гости и гости ушли, но не все: несколько девушек не стесняясь забрались в койки к приятелям и затеяли веселую возню под одеялами.

Судя по тому, как отнеслись к этому окружающие, такое было здесь в порядке вещей.

Свет не зажигали, и вскоре помещение погрузилось в угрюмые сумерки и тишину, нарушаемую храпом, тихой возней и вздохами.

Я чувствовал себя усталым и разбитым, но заснуть не удавалось.

Лежа на койке, я с глухой тоской размышлял над положением, в которое попал. Ничего путного, да и вообще ничего хорошего мне в голову не приходило. Думал я и о своих родных, ясно представляя себе их горе. Сестра, мать, любимый дядя... Я представлял, как будут ждать они, вздрагивая от каждого звонка, от каждого звука шагов за дверью, надеясь, что вот сейчас (или завтра, или через неделю)... Как мой портрет будет висеть на милицейских досках под рубрикой «Найти человека», постепенно выцветая...

«Сегодня я должен был уже покупать билет на сухумский экспресс», – промелькнула у меня мысль, перед тем как я наконец провалился в сон.

Среди ночи я проснулся. Некоторое время я старался понять, что произошло и где я, потом все вспомнил, и вновь мне хотелось заплакать, чувствуя, как сжимается сердце от жестокой тоски.

Наконец мне удалось задремать. Проснулся я от того, что кто-то тронул меня за плечо. Я выбрался из-под одеяла.

На моей койке сидела молодая женщина в длинном плаще, на котором блестели капли дождя. В полумраке я не мог как следует разглядеть ее лицо, было только видно, что она откуда-то из Азии. Она склонилась ко мне, и тут на ее скуластом лице проступило выражение недоумения,

– А где Тюркир? – прошептала она.

– Деру дал твой Тюркир, – прозвучало с соседней койки. – Даром что уже в боцмана выходил.

Гостья словно обратилась в статую, затем медленно поднялась и, пошатываясь, пошла прочь. До меня донеслись сдавленные рыдания.

– Эй, Риат, не уходи. Приласкала бы парня и сама бы утешилась. Он только первый день, так что... – Мой сосед запнулся, провожая взглядом идущую к двери невысокую фигурку. – Не повезло девке! – констатировал он. – Любовь у них с Тюркиром была крепкая, Ятэр уже обещал: как боцманом станет, так костями расшибется, а разрешение на брак добудет! И какая муха его укусила? Чего мужику было надо?

Я вновь погрузился в сон.

Под утро весь барак был разбужен истошным воплем какого-то молодого матросика, которому привиделся кошмар, и все принялись наперебой высказывать, что они о нем думают.

Я кое-как промаялся до утра, но только задремал, как боцман Горн поднял меня:

– Давай одевайся, и пошли к капитану.

Тут же выяснилось, что мой сосед состоит в том же экипаже, что отныне и я (вернее, я в том же, что и он). И что я поручен именно его, Шайгара, опеке.

Половина барака еще дрыхла: как я совсем скоро выяснил, тут не было ни общих подъемов, ни распорядка дня. Каждый капитан сам определял, что и когда делать, а в свободное время можно было спать хоть круглые сутки.

В душе была пустота, а в голове – муть, но я принялся одеваться, подчинившись судьбе.

Тут-то и пригодилось барахло бывшего хозяина койки.

Мешок был затянут хитроумной шнуровкой, причем концы веревки скреплял медный замочек. Видя мое замешательство, Шайгар просто полоснул по шнуру своим ножом.

Порывшись в вещах, я выбрал залатанный свитер, пахнущие дегтем сапоги, кожаные брюки. Свою одежду я, кое-как свернув, сунул в мешок. Туда же отправилась выданная мне на складе роба – почему-то чужое барахло показалось мне предпочтительней казенного.

Кроме всего прочего, в мешке обнаружился складной матросский нож с медным кольцом на потемневшей деревянной рукояти.

Подумав, я повесил его на пояс, отчего сразу почувствовал себя увереннее.

Шайгар одобрительно оглядел меня.

– Вот теперь хоть на человека похож, не то что вчера, – сообщил он свое мнение. – Вообще-то, надо бы тебя по-другому встретить. Обычно как бывает – новый человек появляется, так его в кабак и ставят перед ним кувшин вина. И не отпускают, пока весь не выпьет. А как протрезвеет малость – к девкам, да чтоб не с одной, а пока сил хватит. А потом опять в кабак. Глядишь, и было бы тебе не так кисло, да этот наш вице-командор мудрит чего-то: говорит, к тебе особый подход нужен. А по-моему, так лучше вина и девочек ничего не поможет... Тебе здорово повезло, что к нам попал: из наших капитанов и офицеров, почитай, половина у Ятэра начинала... Да и вообще, скажу тебе, наш экипаж – лучший на базе, да и не на ней одной наверняка...

Так, покровительственно болтая, он привел меня к двухэтажному бревенчатому домику, обвитому виноградной лозой, и завел внутрь – ну точно лошадь под уздцы.

В передней нас встретили многоцветный мохнатый ковер на полу, основательная мебель. На стенах и полках было множество предметов самого разнообразного вида – от больших раковин до остатков каких-то сложных приборов. Как я догадался, это были сувениры, вывезенные хозяином из плаваний. Тут же на ружейной пирамиде стояло несколько ружей и карабинов незнакомого мне вида.

Потом дверь на лестницу, ведущую вверх, распахнулась, и появился хозяин этих апартаментов.

Это был тот самый старик, стоявший на мостике того самого корабля, на палубе которого я финишировал вчера, вывалившись из своего мира. Видимо, это и был Ятэр, о котором я столько слышал.

Спустившись, он уселся на лавку у стены, похлопал по сиденью рядом с собой – мол, садись. Я повиновался.

– Ну что, очухался помаленьку, пришел в себя? – с грубоватой заботливостью спросил хозяин. – Вижу, что пришел. Ну и славно. Я видел, как ты держал себя, когда попал на мой корабль. Хорошо держался. – Он хлопнул меня по плечу. – И потом, кстати, тоже. Вижу, тебя так просто не сломать. Других, бывало, когда они все узнавали, водой отливать приходилось или вообще вязать. Вopiли, на людей кидались, руки даже, бывало, на себя накладывали... Ладно! Повторять, где и как ты оказался, и объяснять, что назад тебе пути нет, я думаю, не надо. Так же и объяснять тебе, что тут за жизнь: слишком много придется времени потратить. Но кое-что ты должен усвоить сразу и намертво, для своего же блага...

Итак: мы все здесь живем по законам, которые установили для нас наши хозяева. Это раз. Но еще и по тем, которые устанавливаем сами для себя. Это два. Хозяева могут наказывать за неисполнение всей своей силой. У нас нет такой силы и нет тех, кто карает. Но тот, кто вздумает нарушать наши законы, тоже будет наказан. Может быть, не так заметно, но не менее жестоко. – Его глаза сурово блеснули из-под седых бровей. – Ты их узнаешь совсем скоро. Но пока расскажу тебе о главных, которые нужно будет усвоить для начала.

Вот первый закон. Тут нет ни врагов, ни иноверцев, ни низших, ни высших, запомни это накрепко. Здесь нету никого, кроме товарищей. Если кто-то тебе не нравится – не подавай виду, может, ты ему тоже не очень приятен. Если даже ты с кем-то воевал раньше – забудь, все это осталось там. И ты должен относиться к товарищам так, как хочешь, чтобы относились к тебе, и к тебе самому будут относиться так же.

Вот второй закон.

Если ты что-то можешь сделать для своего товарища, ты должен это сделать. И тогда товарищ сделает для тебя все, что сможет.

Теперь дальше. Тебе, возможно, захочется бежать. Я бы не советовал тебе этого делать, но...

И вот тебе третий закон – если ты решишься на побег, то не пытайся никого за собой тянуть. И если тебе не удастся бежать – прими свою судьбу как должное и умри как мужчина.

Ну вот, этого пока достаточно. Со временем, говорю, ты узнаешь больше.

Теперь вот что. Зовут меня, как ты, наверное, уже слышал, Ятэр-Ятэр. И я отныне твой капитан. А ты знаешь, кто такой капитан для тебя?

– Знаю, – пробормотал я. – Капитан – второй после бога на судне, он хозяин жизни и смерти моряка...

– Не совсем так. Наказывать смертью могут одни только хозяева. Я же имею право просто убить тебя. Если ты затеешь бунт или во время шторма или боя твоя трусость будет угрожать кораблю и команде. Но думаю, до этого не дойдет, ты трусом не выглядишь, а я редко ошибаюсь. До сих пор с моими людьми такого не случалось, и надеюсь, ты меня не подведешь... А капитан для матроса – у нас, во всяком случае, – это человек, который отвечает за всех своих подчиненных. Перед Хэоликой, перед другими людьми, ну и перед всеми богами, сколько их там ни есть – если они есть. И я теперь отвечаю за тебя. Не подведи, – повторил он. – Ну вот, – повернулся он к Шайгару, подталкивая меня вперед. – Отныне он – наш новый матрос. Будешь делать из него человека. Дури из него придется выбить, конечно, порядочно. Только особо не усердствуй, говорю. Из него будет толк...

Дмитрий

Ятэр-Ятэр умер на следующую ночь после нашего возвращения. Сердце старого моряка остановилось во сне.

Утром протяжное печальное пение сигнальной трубы оповестило поселок о смерти одного из нас.

Уже через час за дело взялись люди из береговой службы базы, вошедшие в число постоянной похоронной команды, – только они по установленной хэоликийцами традиции занимались погребением усопших слуг острова.

За несколько часов они сложили на плацу высокий костер из толстых сосновых бревен, пересыпанных лучиной и хворостом. По приказу Тхотончи было выделено несколько фунтов благовонной смолы.

Затем на сколоченный из старых корабельных досок помост похоронщики водрузили тело Ятэра, завернутое в его личный штандарт. Ладонь старика покоилась на рукояти лежащего рядом старинного кинжала. В изголовье ему положили краюху хлеба и поставили кувшин с крепким вином.

На закате у погребального костра собрались почти все обитатели базы.

Тхотончи произнес не слишком длинную речь, в которой в витиеватых и высокопарных выражениях, показавшихся мне нелепыми и неуместными, прославил «уходящего от нас в последнее плавание, в область, откуда не вернулся ни один», призвав нас служить Острову так же честно и всеми силами, как служил покойный.

Вот из толпы вышла Мидара, приблизилась к костру. На ее ладони блеснула золотом крошечная дамская зажигалка с россыпью изумрудов и бриллиантов на корпусе...

Занялись быстрым пламенем щепки в основании костра. Потом запылали бревна...

Вот уже огонь поднялся в два человеческих роста, а Мидара все стояла рядом, словно не замечая жара. Затем, резко взмахнув рукой, метнула зажигалку в костер и отошла, вновь смешавшись с толпой.

Пламя еще некоторое время рвалось вверх, а потом на глазах стало опадать, из раскаленного бесцветного становясь рыжим. И вот уже над грудой углей пляшут синие язычки.

Когда огонь окончательно угаснет, кострище будет засыпано, и на этом месте появится невысокий курган, на вершине которого установят камень с выбитым на нем родовым тотемом Ятэра – изготовившимся к прыжку леопардом. Такова была его воля, высказанная им в последнем разговоре со мною.

Когда после поминальной трапезы я отправился домой, меня взялась сопровождать Мидара.

И вот, когда я вошел в дверь, Мидара вовсе не повернула обратно, а вошла следом за мной и по-хозяйски расположилась на диване, указав на место рядом с собой.

Признаюсь, я был удивлен. Не говоря уже о неподходящем моменте, общеизвестный факт, что благосклонность к мужчинам четвертый вице-командор проявляла немногим чаще, чем наш кухонный мерин Цезарь – к кобылам.

Мидара чуть улыбнулась, наверное догадавшись, что у меня может быть на уме.

– Садись, Дмитрий, я пришла сюда вовсе не за тем, о чем ты, кажется, сейчас подумал. Есть серьезный разговор...

Ингольф Сигурдсон

Я, Ингольф, сын ярла Сигурда, прозванный Вороном, чья дружина не знала поражений почти десять лет, берсерк, чье имя наводило ужас на франков, данов, итальянцев и сарацинов, служивший в охране великого императора ромеев в Константинополе, которого норвежский конунг объявил вне закона и который теперь просто кормчий на торговом корабле.

Я не сожалею – глупо сетовать на волю норн, повелевающих судьбой.

Только в норны я сохранил веру, да еще в великий Игдрасиль – Древо Миров, на котором, как теперь оказалось, каждый лист – это свой особый мир.

Только Древо Миров и Судьба, управляющая их жизнью, – и больше нет ничего. Боги – выдумка глупых людей, которые не в силах понять, что с ними происходит. Нет ни Валгаллы, ни Нифльгейма, ни рая и ада крестолюбцев, а куда деваются после смерти людские души – неведомо. Впрочем, в свой срок мы это узнаем.

Сознание того, что небо – всего только бескрайняя пустыня, далось мне нелегко.

Когда я, изрубленный датскими мечами, коченеющий в холодной воде, из последних сил держался на обломке своего «морского коня», то был готов умереть, ибо знал, что попаду прямиком в чертоги Одина.

Когда даны выволокли меня на палубу, хохоча и издеваясь надо мною, а мой давний враг Фьярни Беззубый (беззубым когда-то сделал его я) плевал мне в лицо и грозил, что по возвращении домой взрежет мне ребра, а перед этим оскопит, чтобы закрыть мне дорогу в Валгаллу, я тоже не боялся, ибо знал, что Отец Дружин не оставит своего верного слугу.

Даже когда, по воле все того же Торстейна, я был выставлен на невольничий рынок как скот, – и тогда, несмотря на все унижение, жившая во мне вера, что впереди у меня славное бессмертие, поддерживала меня.

А ныне (об этом наверняка никто не подозревает), когда мне случается задуматься о смерти, я начинаю чувствовать страх. Страх не ухода из этого мира и даже не вечных мучений. Страх того, что я исчезну, перестану существовать, обращусь в ничто.

Впрочем, мысли эти посещают меня редко.

Гораздо неприятнее в моем нынешнем положении то, что я должен служить колдунам, воображающим, что они подобны несуществующим богам, и торговцам, у которых даже нет мужества самим отправиться в путешествие за богатством. Именно это тяготит меня больше всего.

Но, возможно, скоро перестанет.

Василий

Мы втроем сидели в кунге грузовика и молча пили чай.

Весь вчерашний и позавчерашний день мы, вместе с двумя десятками подчиненных, потратили на заготовку мяса.

На старом «мицубиси», выпуска 2002 года, Дмитрий, Ингольф, Хитти и я гонялись за бизонами, потом с помощью грузовой стрелы затаскивали туши в кузов и отвозили в лагерь, где остальные под началом Мидары свеживали их, укладывая мясо в два огромных рефрижератора.

Охота была удачной – около полусотни разделанных бизоньих туш лежало сейчас в холодильниках. Этого должно было хватить на пару месяцев как минимум.

Завтра утром мы возвращались на базу.

Несмотря на заметную усталость, спать почти не хотелось.

Мы заканчивали ужин, состоявший из сельдей в винном соусе, тушеных грибов и фазаньего филе в маринаде. На десерт были персики в сиропе. Не то чтобы мы так уж любили консервы, но от бизоньего жаркого нас уже мутило.

На импровизированном столике стояли две непечатых бутылки вина, но никто пока не выражал желания взяться за них.

Было слышно, как за стенкой трейлера негромко тянула свою бесконечную заунывную песню без слов Хитти, а Ингольф пытался ей подпевать.

«Оттащить, что ли, вино Ингольфу?» – лениво мелькнуло в голове.

Взяв одну бутылку, я вышел из трейлера, направившись к костру.

Оба певца сидели обнявшись, причем голова охотницы, не отличавшейся низким ростом, только немного возвышалась над плечом скандинава.

Их было только двое – вся остальная экспедиция уже благополучно спала.

Хитти выглядела довольно странно даже по меркам базы. Высокие мужские сапоги красного сафьяна на высоких, красных же каблуках – по моде восемнадцатого века. Синие джинсы, усаженные начищенными медными заклепками. И безрукавка из рысьей шкуры на голое тело. Короткую для ее метра восьмидесяти, крепкую накачанную шею обвивало ожерелье из искусственных гранатов и аметистов, а из-за голенища сапога торчала рукоять тесака.

Мышцы под загорелой кожей рук не так уж сильно уступали моим, но все равно рядом с Ингольфом она смотрелась тоненькой девочкой. Выглядела она лет на двадцать пять, если не на тридцать, хотя было ей двадцать с небольшим – тяжелое детство и трудная молодость успели наложить свой отпечаток.

Поблагодарив меня за выпивку, Ингольф вновь принялся подпевать замолкшей было Хитти, и я быстро ушел, подумав, что мое присутствие им мешает.

История появления Хитти на базе была весьма своеобразной и в какой-то мере поучительной.

Одна из наших флотилий сделала промежуточную остановку в мире, обозначенном на картах как безлюдный.

В действительности это оказалось не так – какие-то дикари там обитали.

И вот один из матросов – бывший сержант Иностранного легиона, – отправившись на прогулку, совсем недалеко от стоянки случайно наткнулся на купающуюся в ручье юную дикарку. Тупоумный легионер не удивился, обнаружив человеческое существо в якобы безлюдном мире, да и вообще, наверное, не стал терзать себя мыслями, откуда она тут. (А заодно – что рядом могут быть ее куда менее симпатичные соплеменники с каменными топорами.)

Он просто вознамерился сделать то, что привык делать с женщинами на тех войнах, в которых участвовал.

Он не учел того, что перед ним – первобытная девушка верхнего палеолита, способная пройти с тяжелым грузом десятки километров и голыми руками справиться с волком.

Прибежавшие на истошные крики бедолаги обнаружили его бессильно распростертым на песке без сознания, в то время как Хитти уже направлялась к нему со свежевыломанной суковатой дубиной, явно собираясь раскроить череп поверженной жертве.

Увидев новых врагов, она поступила весьма разумно, а именно – не пытаясь принимать неравный бой, кинулась бежать со скоростью, способной привести в восторг любого тренера по легкой атлетике. Никогда бы ей не попасть в плен, если бы случайно не подвернулась нога, запнувшаяся о корень. Воспользовавшись моментом, ее запутали в весьма кстати находившуюся неподалеку рыболовную сеть и в таком виде оттащили на корабль.

Насильник-неудачник, кроме сотрясения мозга, отделался тремя сломанными ребрами и открытым переломом запястья на левой руке. А также повреждением, называвшимся на языке медицины «гематома тестикул». Кроме того, он получил взыскание за самовольство и был понижен в должности за действия, которые могли навлечь на экспедицию нападение местных жителей.

С пленницей было сложнее.

Что с ней делать, не знал никто.

Ни один капитан не соглашался взять к себе в команду столь необычного матроса, да и учить ее пришлось бы слишком многому.

Определить в веселый дом – отпадало по многим причинам.

Взять ее в жены тоже никто особенно не рвался – по этому поводу ходила шутка, что как бы прекрасная дикарка в один прекрасный день не слопала супруга.

(Тем не менее мужским вниманием она не была обойдена, доказательством чему были двое детей.)

В конце концов, когда она малость пообвыклась на базе, ее определили во вспомогательную службу, где Хитти довольно быстро стала кем-то вроде старшего охотника.

Огнестрельное оружие после периода некоторого страха она освоила весьма неплохо, а по выносливости и знанию повадок разной живности ей и без того не было равных.

Когда я вернулся в фургон, Мидара и Дмитрий о чем-то тихо беседовали, но мое появление заставило их замолчать и вновь приняться за трапезу.

Я последовал их примеру.

Мидара подлила себе кипятку, мелкими глотками отпила из чашки. В отличие от нас, довольствовавшихся алюминиевыми кружками, она пила чай из чашки настоящего китайского фарфора ручной росписи, это был своего рода ритуал – в любых условиях, в самых тяжелых походах пить из дорогой и хрупкой посуды.

– Слыхали? – обратилась она к нам. – Скоро закроют Фальдор.

– Что так? – пожал я плечами. – Вроде там все спокойно, тихий такой континуум...

– Да говорят, слишком давно уже мы там пасемся. Опять же, после того как Тромп погиб, мы многих оттуда завербовали. Уже слухи пошли всякие: насчет кораблей с командами из утопленников с Проклятых островов да капитанов, которые нечистой силой душу продали и честных моряков к себе заманивают, чтобы и их души загубить.

– Ну так это же обычное дело, такие истории во всех мирах рассказывают, обычная моряцкая болтовня, – все еще недоуменно бросил я.

– Тхотончи вместе с магами решил портал законсервировать, а наше дело – исполнять, – подытожила Мидара.

Мы опять помолчали. И в этом молчании моих друзей мне почудилось нечто многозначительное. Я уловил странный взгляд Дмитрия, брошенный на Мидару, и мимолетное выражение лица вице-командора при этом.

Я было подумал, не хотят ли они мне что-то сказать, но оба по-прежнему молчали, уткнувшись в кружки.

Становилось прохладно. Мидара поглубже запахла свою замшевую, индейского фасона, куртку с бахромой.

– Говорят, Ингольфа заберут от нас, – произнес в задумчивости Голицын.

– Куда?

– На «Грифон». Он же у нас викинг.

Я усмехнулся про себя. Помнится, Ингольф жутко обиделся, когда я случайно назвал его викингом.

– Всю жизнь был честным хевдингом, а ты меня как обозвал?! – возмутился он. Как выяснилось, в его время слово «викинг» было грубым ругательством, означавшим что-то очень нехорошее. Что-то вроде беспредельщика или отморозка, если пользоваться лексиконом Сашка.

– Жаль будет, – пожал я плечами. – Уже привыкли к нему, да и рулевой он – дай боже...

Мы еще немного поговорили о прошедшей охоте и о предстоящем переделе маршрутов из-за закрытия Фальдора, обсудили последние поселковые сплетни – капитан Сун Линь, он же Китаец, вознамерился будто бы взять в жены младшую дочь Беспредельного, на что требуется особое разрешение, ибо детей персонала не очень охотно оставляют на базах.

Между тем в душе у меня разрасталось некоторое беспокойство.

В беседе нашей проскальзывало нечто напряженное, натянутое. В воздухе как будто что-то висело. Я уже отчетливо догадывался, что затевается серьезный и необыкновенно важный разговор, но мои товарищи не знают, как лучше приступить к нему.

– Скажи, Василий, – вдруг вполголоса обратилась ко мне Мидара. – Скажи-ка мне: неужели ты никогда не задумывался о том, чтобы покинуть наших хозяев?

Я непроизвольно вздрогнул.

И, видимо, чтобы у меня не осталось сомнений, она совсем тихо произнесла:

– Ты никогда не хотел бежать отсюда?

Интерлюдия 3

Задумывался ли я когда-нибудь о побеге? Конечно, задумывался. Тем более бежать отсюда не слишком сложно. Достаточно лишь сойти на берег в любом из портов и не вернуться.

Тебя не будут особенно разыскивать, разве что, если особенно не повезет, твои приметы будут сообщены портовым бандитам и властям. Но уйти от тех и от других вполне возможно. Даже маг будет бессилён тебя отыскать – пусть израсходует хоть всю запасенную на обратную дорогу энергию.

Ну и что дальше? Что ждет человека, решившегося на такое? Непрерывная борьба за существование в чужом и чуждом для него мире? Ведь в свой мир и даже в близкий к своему человека, как бы ему ни доверяли, не пошлют – это правило наши хозяева не нарушат даже под страхом смерти. В большинстве из континуумов, куда мы ходим, вероятность отойти в мир иной в своей постели, окруженному чадами и домочадцами гораздо меньше, чем шанс сдохнуть от болезни, умереть от голода, получить пулю в лоб или стрелу под ребро на очередной войне. Если ты обладаешь какими-то знаниями и умениями, которых еще нет (или уже нет) в этом мире, – тем хуже для тебя. В девяти случаях из десяти ты станешь жертвой местных суеверий или местного правосудия, потому что в тебе увидят опасного колдуна, или попадешь в золотую клетку к какому-нибудь правителю, который заставит тебя делать порох или летательные машины.

А значит, о тебе почти наверняка услышат твои бывшие хозяева и примут меры...

Кроме того, надо считаться с опасностью, что на тебя решат устроить охоту по всем правилам, – такое хоть и очень редко, но бывает.

А после поимки последует показательная экзекуция, дабы поубавить у всех прочих слуг Хэолики охоту к бегству. Дважды за все время службы я был свидетелем подобного – зрелище достаточно впечатляющее.

Единственный выход – скрыться подальше, забиться в щель и тихо и незаметно влачить свое существование до того часа, пока смерть навсегда освободит тебя от всяких забот.

Есть еще одно. Пять шестых моих соратников происходят из миров и времен, скажем так, весьма неблагоприятных (не берусь утверждать с точностью, но похоже, такова универсальная закономерность распределения континуумов).

Что они видели у себя дома? Однообразный, тяжелый, отнимающий все силы труд, плодами которого пользуются другие? Несытое (и это в лучшем случае), бесцветное и беспросветное существование? Плети и зуботычины хозяев? Произвол властей, смотрящих на подданных как на быдло, которому самой судьбой уготована участь безропотно трудиться и проливать кровь ради них? Войны и болезни?

В то же время хотя участь хэолийского торговца нелегка и несет немало опасностей, но она же гарантирует сытость и кров над головой, излечение от почти всякой хвори, некоторый достаток и развлечения, а в перспективе – при удаче, разумеется, – спокойную мирную старость в Городе.

Наши хозяева хотя и суровы, а к отступникам даже беспощадны, но по-своему справедливы и без вины не накажут.

Наконец, почти каждый из нас со временем начинает находить известный вкус в этих странствиях по все новым и новым мирам.

Нужно иметь весьма веские причины, чтобы, рискуя головой, бросить все это ради весьма туманной перспективы обретения свободы, которой большинство в прежней жизни по-настоящему и не имело.

Я сам не раз и не два мог бы бежать, даже прихватив с собой немалое количество золота. Но к чему? Перспектива умереть от укуса бешеной собаки или чумной блохи меня не вдохновляла.

И было еще кое-что. То, что, может быть, держит очень многих крепче любого страха. Надежда, что когда-нибудь судьба или слепой случай вернет тебя в свой мир...

Василий (продолжение)

– Вот, взгляни, что у нас есть, – сообщила мне Мидара.

Из мешка, неприметно валявшегося под сиденьем, на свет божий был извлечен объемистый пакет из побелевшей от времени парусины.

Дмитрий вытащил оттуда потертый бамбуковый пенал, в котором прятался перевязанный лентой свиток.

Когда он ее развязал, свиток распрямился и моему взору предстал гибкий блестящий лист примерно тридцать на тридцать сантиметров и толщиной в мизинец. На его лицевой стороне по краям шла ломаная красная линия, а внизу полоса, разделенная на семь разноцветных прямоугольников.

Этот предмет был мне знаком, хотя я видел его считанное число раз, а в руках держал только однажды. У нас эта штука называлась планшеткой.

Это своего рода магический навигационный компьютер.

Первоначально предназначался он для того, чтобы показывать место мага в сплетении межпространственных путей.

С его помощью можно проложить курс до необходимого тебе мира и одновременно выяснить, в каком из миров ты находишься сейчас.

Он даже сообщит тебе сведения о нем – и вовсе не обязательно для этого, чтобы континуум был известен эораттанцам. Он, как вскользь упоминал мой приятель Рагун, черпает информацию из того, что одни зовут астралом, другие – Всеобщим информационным полем. Конечно, в таком случае многого ты не узнаешь, а лишь самый необходимый минимум – но все лучше, чем ничего.

В его памяти (или что у него там есть) точно приведены координаты каждой точки с описаниями местности, где она находится; с указаниями дистанции возможного временного провала, со всеми местами возможного выхода в несимметричных порталах, с кратким описанием соединяемых порталами миров и со всем прочим, от чего зависит, без преувеличения, жизнь хэоликийского торговца.

Под моим взглядом он ожил. На его поверхности возникла многоцветная миниатюрная карта мира.

Затем – карта Северной Атлантики. Всю ее испещряли крошечные красные точки, возле которых стояли мельчайшие буквы и цифры. Карта была весьма подробной. Синими и голубыми линиями были обозначены границы оледенений. Серыми заштрихованными контурами – затапливаемые океанами земли. Ярко-зелеными треугольниками – места стабильных сквозных проходов. Розовыми – периодических. Еще миг, и карта пропала – ведь никто не интересовался ею. Магия, одним словом!

Хорошая вещь. Хотя и бесполезная. Если только... Нет – вот уж это невозможно никак.

– Это все, что у вас есть?

– Что ты имеешь в виду?

– Тогда можешь отнести это туда, откуда взял, – отрезал я.

– Не понял тебя, дружище, – уставился на меня Дмитрий.

– А где ты возьмешь колдуна? Или вы отыскиали Дорогу Богов?

Интерлюдия 3 (продолжение)

Проходы – это не дыры, ведущие из одного мира в другой. Это скорее слабые места в ткани пространства-времени или ворота, которые, используя колдовскую энергию, могут открывать наши маги. Нет, сквозные проходы существуют, но они крайне редки и, как правило, хорошо известны. Возле них стоят таможни, дабы собирать пошлину с торгующих, а также отираются всякие незаметные личности, в служебные обязанности которых входит тщательно следить за теми, кто шляется туда-сюда. Проскользнуть через них незамеченным практически невозможно, разве что в сопровождении нескольких дюжин магов.

И это – в лучшем случае. Бывает, что такие проходы заблокированы неприступными крепостями, гарнизонам которых предписано беспощадно уничтожать все движущееся, что появляется из дьявольской дыры.

Вооружены они, кстати, далеко не всегда одними луками и копьями.

Но невозможность обычному человеку открыть портал – еще далеко не все.

Каждый проход – это маленькая часть гигантской струны, что соединяет неведомое число параллельных вселенных, и у соединения этого есть множество правил.

Есть проходы, которые имеют выходы во всех континуумах, через которые проходит струна. Есть такие, которые выходят только в каждом пятом или десятом.

Иногда выйти можно в любой точке, иногда выходы квантуются: один выход отстоит от другого на годы и десятилетия. Есть порталы, которые действуют в течение года каждые десять или сто лет, и те, что открываются на час в сутки. Случается, в портал можно войти, но выйти через него невозможно. А бывает и наоборот. Иногда тоннели, или как их еще называют – струны, проходимы в одну сторону на протяжении десятков миров, а дальше, тоже на протяжении десятков миров, меняют знак.

И это не говоря уже о том, что порталы одной и той же струны могут выходить в разных точках земной поверхности, что называется «зигзаг» (и это свойство хэоликийцы частенько используют). Иногда хорошо известный и уже не первый век используемый портал может выкинуть тебя неизвестно куда – на нашем профессиональном жаргоне это называется «утащило в отнорок».

Располагаются эти миры безо всякой логики или, что вернее, – по своей логике, непонятной ни людям, ни даже, как я случайно узнал, эораттанцам. Рядом, на расстоянии одного перехода, могут находиться миры и почти одинаковые, и абсолютно не похожие.

Случается, чтобы проникнуть в нужный мир, нужно пройти через десяток, если не больше, порталов и струн, зачастую весьма далеко отстоящих друг от друга.

Подобный способ передвижения именуется у нас – «пройти по кольцу».

Бывает, порталы ведут одновременно в два мира, а то и в три (говорят, иногда это число доходит до пяти), и невозможно предсказать, в каком из них ты окажешься.

Но и это еще не все. Проходы могут вести не только в иные пространства, но и времени – это безотносительно к тому, что говорилось выше о течении времени в разных вселенных. Причем они в этом отношении отличаются особенным коварством. В большинстве они соединяют симметричные области времени, иногда плюс-минус несколько дней или недель. Но даже от самого стабильного прохода можно ожидать весьма неприятных сюрпризов. Дело в том, что проходы, в принципе, имеют вид проходящего сквозь четвертое измерение колодца, длина которого совпадает с длиной отрезка времени его существования. Вас может вышвырнуть обратно, при этом переправив в прошлое или будущее, вы можете провалиться в каменный век или даже мезозой, где вам придется ждать целый месяц, пока ваш маг настроит свои

браслеты, чтобы вновь предпринять попытку пройти врата между мирами. А если, не дай бог, вышеупомянутого мага вдруг слопают плезиозавр или саблезубый тигр?

Опытный колдун может воспользоваться вышеописанным свойством для перемещения во времени, но они довольно затруднительны, более того – опасны: далеко не все, кто решался на такое, возвращались даже из первого броска.

Кроме того, в разных мирах время может течь по-разному – вернее, движется-то оно с одной и той же скоростью, но соседние континуумы иногда расположены под некоторым, что ли, углом друг к другу и поэтому между ними может быть разница в несколько дней или лет (или несколько тысячелетий). И во многих случаях одни и те же проходы ведут в разные времена сходных миров.

Что интересно, иногда, возвратившись в такой мир спустя какое-то время, мы обнаруживаем, что никто не помнит нашего предыдущего посещения, да и мир как будто немножко другой.

Почему и как это происходит, даже не спрашивайте – все равно никто не знает.

Вообще же очень многое здесь зависит от момента входа и выхода, от времени суток, от солнечной активности, магнитных бурь и аномалий, синусоиды напряжений в канале струны и множества других факторов. Сбить ориентировку может бушующая в сотне километров гроза и нехстати случившееся землетрясение... Да черт еще знает что! Учесть все это под силу только весьма искусному магу, да и то не всегда.

Есть только один проход, который свободен от всех опасностей, который может легко привести в тот мир, что необходим тебе, и который доступен любому человеку. Называется он Дорогой Богов и существует, увы, лишь в легендах. Впрочем, как знать...

Василий (продолжение)

Мидара обернулась к Дмитрию, вопросительно глядя ему в глаза.

– Ладно, все равно придется сказать ему все.

– В общем, так, дружище... У нас в руках оказалась одна вещь, которая открывает порталы.

Все во мне замерло. Неужели она говорит о...

В руках у Мидары появилась маленькая коробочка черного серебра; вот она открыла крышку...

В это невозможно было поверить. На ее ладони лежал небольшой золотисто-коричневый драгоценный камень. Мидара прикрыла глаза, и на его заискрившихся в полумраке гранях вдруг начали возникать и пропадать мерцающие символы, странные и замысловатые, от которых явственно веяло незапамятной древностью.

Они словно бы возникали откуда-то изнутри камня, наполнившегося в мгновение необыкновенно красивым янтарно-золотым светом. Светом, как по волшебству не выходящим за его пределы, не разгонявшим окружающий сумрак. Казалось, сейчас Мидара держит в руке выточенный из затвердевшего сияния кристалл.

Она опустила ладонь, и камень вновь стал похож на кусок стекла.

Я повидал столько удивительных вещей, что должен был бы разучиться удивляться чему бы то ни было. Но сейчас ощутил нарастающее сердцебиение и легкую дрожь в руках... Передо мной была обретшая плоть легенда.

Посмотрев в глаза Мидаре – можно? – я осторожно коснулся кристалла указательным пальцем и прикрыл глаза. Сначала ничего не происходило, но потом перед моим взором вспыхнула многоцветная ярчайшая радуга...

Интерлюдия 4

«Владели Древнейшие великим искусством – творить предметы, способные открывать без усилий и трудов дороги между мирами. Было три вида сих предметов, и лишь один из них пережил своих создателей.

Первые именовались „Застывшее Пламя“, и могли они только на краткое время открывать путь. Имели они вид маленьких камешков, цвета прозрачного меда, и признаком, отличавшим их от иных подобных самоцветов, были вдруг сами собой являющиеся на них знаки, суть которых нам неведома. Камень сей не разрушим ни огнем, ни ударом, и даже, быть может, огонь чудовищного оружия, что измыслили в иных безумных мирах, не причинит ему вреда.

И еще – великое чудо: Застывшее Пламя властно и над временем и при должном искусстве вернет владеющего им в тот мир, откуда он пришел, вскоре после того, как он его покинул, даже если странствовал немало лет. Может даже вернуть спустя считанные мгновения после ухода, не может лишь вернуть во время, когда он обретался в том мире, чтобы тот не встретил самого себя, ибо было бы это противно рассудку и природе.

Вторые именовались „Властелин Перекрестков“, и в воле обладающего ими было открыть сквозной путь между мирами на время, которое он определит сам.

Имели они вид длинных кристаллов, словно бы созданных из холодного пурпурного огня.

Третьи же именовались „Творец Путьей“, и могли они проложить дорогу между мирами в любом месте, где пожелает владеющий ими.

Однако же великая беда грозила...»

Отрывок из «Шахнаурако», иначе – «Книги Неведомых», рукописного сборника легенд торговцев Хэолики, посвященных цивилизации Древнейших и восходящей к временам начала межпространственной торговли.

Интерлюдия 4 (Продолжение)

Как все, что существует достаточно долго, затея хэолийцев успела обрасти легендами, мифами, апокрифами и суевериями.

А поскольку дело это достаточно продолжительное – некоторые базы существуют уже больше тысячи лет, – то и преданий накопилось великое множество.

Легенды, повествующие о долгой истории межпространственных торговцев и множества посещавшихся ими миров. Легенды, взявшиеся бог весть откуда, переходящие из уст в уста уже, быть может, десять веков, рассказываемые в матросских кубриках между вахтами и в доверительных беседах в кают-компаниях. Передаваемые изустно. Записываемые в книги, которые потом передаются из поколения в поколение, а потом читаются вслух долгими зимними вечерами при свете масляных ламп.

Внушающие тревогу и откровенный страх, безобидные и невероятные, содержащие туманные намеки и вовсе кажущиеся бессмысленными.

С течением времени что-то неизбежно терялось, что-то забывалось, что-то невольно искажалось при переводе с одного языка на другой. Кроме того – разные вещи не только по-разному называются у разных народов, но и понимаются зачастую тоже по-разному... И уже невозможно угадать – была ли какая-то реальная основа у того или другого сказания или мифа или его породила просто чья-то неумная фантазия.

Среди них есть одна история, рассказываемая едва ли не чаще всего.

Та единственная, о которой достоверно известно, что она правдива.

Это предание о Великих Древнейших.

Сотни тысяч, а быть может, и миллионы лет назад в одной из бесконечного множества вселенных зародился разум.

Предания не говорят, был ли он подобен человеческому и какой облик был у его носителей, так же как не говорят, что за цивилизацию он создал. Неизвестно даже, были ли то существа, рожденные Землей, или те, кто прибыли с других звезд.

Но как бы то ни было, они обладали величайшим могуществом и в числе прочего владели тайной путешествий между разными вселенными.

Перемещаться из мира в мир им было куда проще, чем людям переехать из одного города в другой. Больше того, именно они якобы расселили род человеческий по многим мирам, для чего создали Дорогу Богов – струну, проходящую через все миры и открытую для любого, а не только для владеющих магией. И все предания о добрых божествах, принесших людям знания и ремесла, – всего лишь отголоски воспоминаний об этой могущественной расе.

А иные легенды идут даже дальше, утверждая, что именно Великие Древнейшие и создали когда-то людей.

От них до наших дней не дошло почти ничего – и не только время тому причиной.

Но кое-что известно достоверно. Например, то, что ими были изготовлены некие магические предметы, истинное предназначение которых осталось неизвестным, но с помощью которых обычный человек может открыть двери между континуумами. И предания, в других случаях смутные и неопределенные, тут довольно точно их описывают, как и те признаки, которые позволяют отличить их от подобию или подделок.

К тому времени, когда эораттанские маги и хэолийские торговцы, движимые алчностью, вышли на межмировые дороги, эта цивилизация уже тысячи лет как исчезла, то ли тихо угаснув, прожив отведенный ей срок, то ли, быть может, уйдя в отдаленные измерения.

Велико же было удивление, когда новоявленные хозяева этих дорог обнаружили, что не они были первыми на них.

Должно быть, маги не смогли сразу оценить все значение обнаруженных находок, в противном случае они бы не позволили, чтобы с ними ознакомились другие, и не только сами хэоликийцы, но и их слуги, набранные в других мирах.

В книгах, из-под полы передаваемых из поколения в поколение, говорится о руинах циклопических городов, о странных предметах, назначение которых невозможно понять, о еще действующей магии и заклятиях, порождающих удивительные эффекты. Говорилось, например, что в некоторые сооружения невозможно было войти, ибо невидимые стены преграждали путь, а попадавшие внутрь других больше не возвращались.

Но продолжалось это очень недолго. Эораттанцы, видимо сообразив, чем дело пахнет, жестко и бескомпромиссно оттеснили своих партнеров от обнаруженных ценностей.

Что именно произошло дальше – нам неизвестно, но именно наследие Древнейших привело к расколу среди повелителей магических стихий, завершившееся войной. В чем опять-таки была суть этого раскола и чего конкретно добивались противоборствующие, осталось неведомым.

Легенды же гласят, что «пробудилось древнее зло, погубившее некогда своих творцов». И более ничего не поясняют, ограничиваясь несколькими туманными и зловещими намеками. (Мне с самого начала казалось, что в этой части за ними стоят сами маги.)

Война была короткой, но жестокой, и проигравшие в ней были частично уничтожены, часть же разбежалась по множеству миров. Краем эта война как-то задела и Хэолику, отчего, понятно, любви к колдунам *у* островитян не прибавилось.

Сразу же после ее завершения все известные следы Великих Древнейших были уничтожены; такая же судьба неизбежно постигала и вновь обнаруженные артефакты.

Но, как я теперь выяснил, было уничтожено далеко не все.

Мидара

Тот день я запомнила очень хорошо.

С утра я явилась с очередным докладом к Тхотончи.

Основной темой доклада была обычная нехватка личного состава и меры борьбы с нею. И тема, и сами еженедельные доклады давно стали пустой формальностью.

В завершение я предложила: не разрешит ли почтенный командор базы включить в состав экипажа несколько человек из числа детей торговцев?

– Это противоречит законам Хэолики, и вы это знаете не хуже меня, – с самодовольным недоумением ответил он.

– Вы неправильно поняли меня, почтенный Тхотончи. Я вовсе не предлагаю включить их в состав экипажа навсегда. Я только предлагаю, чтобы они совершили по два-три плавания, пока мы не найдем людей для пополнения.

– Это противоречит законам Хэолики, – напыщенно повторил командор. – Я больше не задерживаю вас. Идите и исполняйте свой долг. – Фраза эта означала, что разговор закончен.

С мыслями, что опять придется посылать корабли с некомплектной командой и матросы на них будут стоять полуторную вахту, я вышла из резиденции командора.

По дороге я узнала о возвращении задержавшейся уже на три недели флотилии Ятэра и о случившейся с ним беде.

Но за всеми заботами я смогла навестить его только вечером.

Потом я жестоко корила себя за то, что не уделила Ятэру достаточно внимания в последние дни его земного существования, закрутившись в повседневных делах. Он был одним из моих лучших друзей, и более того, я была обязана ему слишком многим, ибо, когда я только попала сюда, тогдашний второй вице-командор подумывал отправить меня работать по моей последней «специальности». Но Ятэр-Ятэр был категорически против, и именно он сделал меня своим помощником, ничего не потребовав взамен.

Когда я увидела его, то ахнула, не сдержавшись: он, прежде крепкий и здоровый, несмотря на прожитые годы, теперь казался ожившей мумией.

Я чуть не расплакалась – такого не случалось со мной уже давно, – а он что-то успокаивающе говорил. Потом...

– Послушай меня, девочка, – забормотал вдруг старик. – Я должен тебе рассказать кое-что очень важное. Я хотел сделать это чуть позже, все присматривался к тебе, но теперь времени у меня, видать, совсем нет.

С напряженным вниманием я слушала рассказ Ятэра.

Он рассказывал долго, с детальными подробностями и длинными многословными отступлениями. Я не перебивала его, понимая, что ему очень нужно выговориться перед уже недалеким концом.

Все это случилось тридцать пять или тридцать шесть лет назад. Среди всех миров, до которых добрались разведчики хэоликийцев, был один, переживший атомную войну. Мир, в котором на выжженной смертоносным огнем планете копошились лишь жалкие остатки прежнего человечества, сражающиеся с жуткими тварями-мутантами и выкашиваемые болезнями и бедствиями.

Хотя война закончилась двести с лишним лет назад, мир этот был обозначен на картах как запрещенный для посещения, ибо это грозило многими бедами всякому, кто сунет туда нос.

Но вот запрет этот решили нарушить. Хэолийцев на этот раз интересовала не торговля – да и что можно было купить в подобном месте? В это на редкость опасное путешествие их заставило пуститься стремление найти уцелевшее ядерное оружие.

Ятэру осталось неизвестным, собирались ли торговцы продать его кому-нибудь, или им просто захотелось иметь это чудовищное порождение людского разума в своих арсеналах.

В том рейсе несчастья начали сыпаться на флотилию буквально с первых дней... С самого начала все пошло хуже некуда – в порту, который они избрали промежуточной базой для проникновения в нужный мир, вспыхнула чума, и они спешно покинули его, толком не подготовившись к походу.

На третий день после того, как они появились в этом проклятом всеми светлыми и темными силами мире, погиб корабль разведчиков из Дормая, разнесенный буквально в пыль мощнейшим взрывом. То ли столкнулся с древней плавучей миной, то ли, быть может, получил торпеду с какой-нибудь подлодки. Не спасся никто из команды.

Ятэр сбивчиво и коротко поведал о том, что увидел в странствиях по лику полумертвой планеты. О руинах гигантских городов, где среди оплавленных камней до сих пор лежали десятки тысяч человеческих скелетов, непонятно как сохранившихся, о морских чудовищах, иное из которых без труда могло бы проглотить их корабль.

На проклятой планете взбесилось и пошло вразнос все, включая погоду. Яростные шторма, налетевшие внезапно, едва не пустили их ко дну. После испепеляющей жары вдруг резко холодало, и снег сыпался на тропические цветы. Днем солнце раскаляло камни, так что они трескались, а ночью на них оседал иней. Почти каждый день путешественникам приходилось спасаться от смерчей, магнитные бури и полярные сияния делали почти невозможной радиосвязь между кораблями. Айсберги встречались даже в тропических широтах, а иссушающие самумы сменяли ледяные шквалы.

Берега, мимо которых они плыли, покрывали мутировавшие джунгли, превратившиеся в смертельно опасный радиоактивный ад, откуда не возвращался никто из сунувшихся туда смельчаков. И лишь изредка доносившийся из чащоб рев, от которого бегали мурашки по коже даже у самых бывалых, давал понять, какие твари обитают в их глубине.

Они плыли все дальше, и окружающее начинало отдавать откровенной чертовщиной.

Бывало, стрелка компаса начинала без причины сходить с ума, вращаясь во все стороны, а потом так же внезапно прекращала.

Иногда над горизонтом вставали смутные миражи каких-то фантастических городов, и моряки, случалось, узнавали свои родные места.

А однажды они наткнулись на огромный ледник, спускавшийся в бухту с невысоких гор, хотя вокруг было довольно тепло.

У них была карта, неизвестно как и кем добытая, на которой были обозначены нужные им объекты. Но она очень мало помогала.

В поисках атомных бомб они с большим трудом раскопали больше десятка бункеров, расположенных среди руин мертвых городов и зловонных радиоактивных болот, но внутри взору их представляла только ржавая труха – все, что осталось от оборудования, – да следы давних каннибальских трапез их обитателей. Иногда мумифицированные останки их представляли сплетшимися в последних смертельных объятиях, вгрызшимися зубами в иссохшую плоть друг друга.

И почти ежедневно они недосчитывались кого-то.

Многие подхватили лучевую болезнь, несмотря на розданные людям дозиметры, кто-то погиб, подорвавшись, когда пытался копаться в старой технике. Кто-то умер от укусов ядовитых насекомых – их обитало здесь несколько видов, – а трое были досуха высосаны во сне какими-то огромными мерзкими червями лилового цвета. Без малого два десятка отравилось насмерть при вскрытии очередных подземелий, когда из-под разрезанного автогенном броне-

колпака вырвалось облако ядовитого газа. Еще столько же погибло в другом многоэтажном бункере: под ними провалились сгнившие перекрытия нижних ярусов. Некоторые начинали слышать зовущие их куда-то голоса, и их пришлось удерживать силой от попыток немедленно бежать на зов неведомо куда (скорее всего – в последний путь). А несколько человек бесследно исчезли почти на глазах товарищей, среди бела дня буквально растворившись в воздухе.

Двое решили искупаться в небольшой речушке, воды которой были прозрачны как хрусталь и не несли никакой радиоактивной грязи. Через несколько дней они умерли в мучениях – все тело покрывали незаживающие гнойные язвы, кожа отслаивалась и свисала клочьями.

Наконец, сам Ятэр жестоко пострадал в схватке с каким-то шестипалым хищником, напоминавшим одновременно волка и ящера.

Тварь, неожиданно набросившаяся на него из зарослей, выпустила ему наружу внутренности, и только эликсир спас тогда ему жизнь.

Его спутнику повезло меньше – тому просто откусили голову.

Люди роптали, но открыто возражать никто не смел, ибо хэоликийцы в подобных случаях неповиновения не прощали, а бежать было некуда.

Со временем становилось только хуже. Пыльные бури несли радиоактивный пепел, забивавший легкие. В течение полутора месяцев едва ли не каждый четвертый из уцелевших к тому времени, включая даже одного мага, погиб от непонятной болезни, превращавшей мозги в буквальном смысле в жижу, вытекавшую из носа и ушей, и даже чудодейственный эликсир не всем помог – да и запасы его почти мгновенно истощились. На них не раз нападали многочисленные группы дикарей, не пугавшихся их огнестрельного оружия, а иногда имеющих свое собственное. Во время одной из таких схваток погиб еще один маг – был убит шальной пулей в голову. На следующий день упал за борт и утонул капитан одного из судов, причем один из матросов потом клялся головой, что видел, как его утащило возникшее из-под воды щупальце в мачту толщиной. Из-за нехватки людей пришлось бросить корабль, потом другой...

Наконец, после того как в пасти крокодила-мутанта нашел свой конец командовавший походом островитянин, они приняли решение возвращаться. К тому времени из восьми судов осталось три.

При переходе их постигла катастрофа – корабли расшвыряло по разным мирам.

С попытавшимся стабилизировать проход магом случился жуткий припадок, в результате головной корабль выбросило в какой-то совершенно незнакомый мир, находящийся далеко в стороне от известных трасс. Куда девались остальные два корабля – так и осталось неизвестным навсегда.

Они пристали к пустынному берегу и разбили временный лагерь в надежде, что колдун выздоровеет и им не придется коротать в этом, возможно, безлюдном мире остаток жизни.

За месяц, пока маг приходил в себя, умерли еще несколько человек, получивших смертельную дозу радиации.

А потом в один из дней Ятэр сделал невероятную находку.

Сделал он ее совершенно случайно, в одиночку решив прогуляться по лесу.

Вообще-то, в глубину леса они избегали соваться – слишком свежи были воспоминания о жутких лесах погубленного своими обитателями мира. Но в тот день он изменил привычкам, вернее, вернулся к привычкам своего отрочества, когда лес был для него родным домом. И в зарослях он случайно наткнулся на эти руины. Теперь это была просто груда поросших густым мхом и лишайниками камней. Правда, каждый камень был величиной в человеческий рост и до сих пор, несмотря на пролетевшие тысячелетия, сохранял правильную кубическую форму.

Приглядевшись, он понял, что и сам камень не совсем обычный – во всяком случае, не похожий на гранит или базальт.

Взобравшись наверх, он обнаружил нечто вроде колодца, в глубине которого виднелись выщербленные временем ступени.

Спустившись вниз, он через десяток шагов наткнулся на двустворчатые ворота из матово-блестящего, не тронутого временем белого металла.

Он давно уже не был новичком, не раз слышал старинные легенды и мгновенно понял, что это такое. И принял решение, что будет делать дальше.

Ему не составило труда незамеченным вернуться на корабль и взять из судовой кладовой все, что нужно, благо уцелевшие были озабочены совсем другим, нежели слежка за собственным капитаном.

Металл, из которого были сделаны двери, устоял против инструментов, но уступил термитной шашке.

За ними взору его предстал широкий и одновременно низкий коридор, который вел под уклон, в темноту.

Пройдя метров сто, освещая себе путь масляным фонарем, Ятэр оказался перед такими же воротами, через которые попал сюда.

Чтобы отворить их, оказалось достаточно нажатия плечом. Как он вспоминал, ему даже показалось, что перед тем, как он собрался их толкнуть, что-то чуть слышно щелкнуло, словно открылся запор.

Он оказался в небольшом, идеально круглом зале, стены, пол, потолок которого были облицованы идеально отполированными плитами полупрозрачного камня цвета морской волны. Несколько небольших шестигранных светильников на стенах излучали ровный мягкий свет.

Именно тогда у Ятэра исчезли последние сомнения относительно создателей этого удивительного подземелья. Такие вечные лампы были одной из немногих вещей Древнейших, которые весьма редко, но встречались в мирах людей. И всем хэоликийским торговцам было вменено в обязанность скупать их за любые деньги и немедленно передавать магам.

На каменных столах и в нишах стен было аккуратно расставлено множество вещей – он помнил их очень смутно. Там были какие-то прозрачные шары разных размеров, выточенные из горного хрусталя фигурки, странные, ни на что не похожие предметы, приборы или что-то похожее на них, замысловатой формы сосуды в рост человека из материала, похожего на черное стекло. Было много сложенных в стопки дисков, покрытых спиральными узорами, и еще много чего.

Ятэр сел прямо на один из столов и глубоко задумался.

Он знал, что если расскажет о находке магу, то может попросить какую угодно награду (кроме возвращения домой). Его могли, например, сделать разведчиком – заветная мечта любого из наших. Могли досрочно отпустить со службы или сделать вице-командором, да мало ли еще что.

Столько вещей Великих Древнейших сразу!

Он припомнил, что каменная кладка, внутри которой он сейчас находился, лишь краем выступала из склона высокого холма. Что там внутри и какие еще сокровища таятся – можно было только гадать. Не исключено, что в этих местах был погребен целый город...

В то же время он знал – по тем же легендам, – что пытавшиеся утаить хоть малость из созданного этими загадочными существами и уличенные в этом исчезали навсегда. Но что-то словно протестовало против того, чтобы бежать к эораттанцу.

Он еще раз внимательно осмотрелся вокруг.

У дальней стены, вокруг грубо отесанного и покрытого грубыми, стертыми временем узорами обсидианового валуна – может быть, алтаря – стояли чаши, по форме отдаленно напоминавшие раковины огромных моллюсков. Они были пусты. Все, кроме одной.

В тот миг, когда Ятэр взял это в руки, он восславил всех богов, какие есть в мире этом и всех других мирах.

То, что лежало на дне чаши, могло показаться обычным драгоценным камнем, если бы не странный отблеск, похожий на блики от текущей воды. Камень не был похож ни на один из виденных им раньше самоцветов, но зато точь-в-точь соответствовал описанию из старых полужапретных сказаний.

Четырехугольный, почти кубической формы, величиной с грецкий орех, со скошенными гранями, в руках Ятэра он медленно налился теплым медовым светом. Потом в его глубине что-то шевельнулось, и на гранях возникли замысловатые изменчивые знаки. По всему телу прошла колючая волна, и окружающее вдруг исчезло.

Когда Ятэр вновь увидел себя стоящим в этом древнем зале, он уже был другим человеком.

Многое из сообщенного ему талисманом Древнейших, или, как называли его сами творцы, Застывшим Пламенем, он просто не понял – в человеческом языке, как сказал он сам, не было таких слов.

Но главное, информация о том, что это такое и как им пользоваться, была усвоена им четко и основательно. Он даже предположил, что эта вещь была сделана именно из расчета, что ею сможет пользоваться и обычный человек. Главное же: он узнал, что легенды эти не лгали – талисман Древнейших способен не только открыть проход, но и зафиксировать его на очень долгое время, хотя это и не будет обычный сквозной портал. Эта информация не была передана словами или, к примеру, какими-нибудь схемами. Он просто обнаружил, что знает это и знает, как это можно сделать.

Но вначале следовало позаботиться о том, чтобы сохранить тайну находки, и прежде всего – от магов. Немного подумав, он спрятал его в серебряную табакерку – эораттанцы не очень уважали этот благородный металл – и покинул подземелье, не взяв больше ничего.

Матросам он запретил соваться в лес, сказав, что заметил там подозрительные следы. А через несколько дней маг пришел в себя, и они сразу же вернулись на базу.

Ятэр уже совсем было начал готовиться к бегству в свой мир: тогда он еще не знал, что координаты утеряны, но тут выяснилась нечто очень печальное.

Артефакт не подчинялся ему.

Он исправно порождает видения, о которых говорилось в преданиях, продолжал выдавать информацию о себе, даже позволял обнаруживать проходы, но упорно не желал открывать их.

После короткого приступа отчаяния Ятэр решил попробовать отыскать кого-нибудь, кто хотел бы бежать от хэоликийцев и кто окажется способным овладеть скрытыми в артефакте силами.

Он искал тех, кто оставил на родине что-то дорогое, или хотя бы тех, кто тяготится вынужденным повиновением островным торговцам. Перебирал известных ему людей, прикидывал, терзался сомнениями, вновь выбирал и никак не решался начать разговор.

А потом узнал, что даже приблизительные координаты его мира не известны никому.

С тех пор он оставил мысль о бегстве, ибо единственный мир, куда он стремился, был недоступен. Лишь несколько раз за все это время он вынимал талисман Древнейших из тайника и вглядывался в его глубину. И тогда на краткие минуты в его душе оживали смутные надежды...

– Оставляю его тебе, девочка. Поступай с ним, как сочтешь нужным... Там, в шкатулке черного дерева, еще пара штучек, которые тебе пригодятся... если решишься... Но его я спрятаю не здесь. Помнишь то место неподалеку от Чертовых скал, большой трехголовый утес? Там на восточной стороне есть трещина...

Часть вторая. НАЧАЛО ПУТИ

Василий

За те недели, которые мы вынужденно пробыли здесь, я неплохо изучил этот город.

Город, похожий на восточную столицу из арабских сказок.

Город, чем-то напоминавший мне Стамбул, в котором я не бывал. Или Баку, в котором я прожил в бытность студентом целый месяц. Или Александрию, только не арабскую, а древнюю, греческую, которую я посетил дважды.

На улицах иноземцев было почти столько же, сколько местных жителей.

Старинные особняки-дворцы – обиталища древних родов – и многоэтажные бетонные улы. Ветхие храмы и новые гостиницы, сверкающие стеклом больших окон. Лачуги и ночлежки. Маленькие бары – точь-в-точь копия знакомых мне европейских. Увеселительные заведения самого различного пошиба и приличия, какие-то подозрительные притоны, крохотные мастерские, лавчонки, торгующие всякой всячиной. В кофейнях и трактирах мужчины играли в шахматы, карты (мало похожие на известные в моем мире), слушали патефоны, музыкантов, певцов. Неторопливо вкушали напитки и сласти – время основательной еды наступит вечером. В специальных семейных трактирах люди с женами и детьми пили чай. В толпе шныряли девицы, на левом рукаве которых был нашит квадратный лоскут белого, синего или оранжевого цвета с вышитыми на нем цифрами, обозначающими сумму, за которую означенную девицу можно было получить в пользование. Цвета означали, что проститутка обслуживает клиента либо в своем жилище, либо в номере дешевой гостиницы, либо же у него дома. Перечеркнутая лиловой полосой нашивка сообщала, что обслуживает эта девица представителей обоих полов. Здесь же отирались мелкие мошенники и контрабандисты, фальшивомонетчики и торговцы «травкой» – одинаковым во всех мирах гашишем. Дома в шесть или даже в восемь этажей, узкие улицы, заполненные народом, проносящиеся туда-сюда все еще редкие автомобили.

Изредка мелькали паланкины эбенового дерева, которые несли на своих плечах прикованные к ним черные рабы.

Значит, их обладатель и впрямь был необычайно богат.

Рабы стоят очень больших денег, и за ту же сумму, которую он истратил на покупку одного из своих негров, восемь свободных слуг согласились бы таскать его на себе круглый год по двенадцать часов в день. Именно из-за дороговизны рабов уже давно используют только на самых тяжелых, опасных и грязных работах, куда не идут даже голодающие бедняки.

Впрочем, это могут быть и обычные слуги, согласившиеся за дополнительную плату изображать невольников.

Вот мимо нас прошагали два горца, появившиеся тут по каким-то своим делам. На поясах болтались кривые сабли. У одного короткий карабин с подствольным барабаном как у револьвера, у другого допотопное шомпольное ружье. Ствол и барабан карабина были отлиты из бронзы. Оружие было довольно старым – ведь бронзовое оружие перестали делать уже больше ста лет назад.

Группа нарядно одетых девушек и молодых женщин, возвращавшихся с гуляния по случаю какого-то квартального или общинного праздника, обступила с беззлобным смехом юного послушника, бесстыдно его лапая – по-другому и не скажешь. Дело в том, что до посвящения в жрецы слуги здешних богов, включая местного бога блуда, должны были строго хранить целомудрие.

Вся наша компания в данный момент спускалась вниз по улочке. Здесь, в старом городе, они часто так узки, что даже повозка, не то что грузовик, не может пройти по ним, и товар приходится развозить на верблюдах.

На площади перед таможней с десятков извозчиков, управлявших неуклюжими фаэтонами под парусиновыми тентами, зазывали желающих покататься и посмотреть город.

Особенно мне запомнился один, обещавший показать «благородным гостям» воздвигнутый тысячу сто лет назад храм бога Солнца, с его «удивительным, ни на что не похожим и нигде больше не существующим алтарем»... Храм и в самом деле был весьма примечательным сооружением.

Он представлял собой круглое строение с колоннадами, без крыши, в центре которого был установлен алтарь, а вокруг него располагалось полторы сотни идеально отполированных гранитных плит на шарнирах.

Во дни торжеств на алтарный камень возлагали связанную жертву – обычно красавицу-рабыню, после чего служители по команде поворачивали плиты, и в один миг на алтаре концентрировались три сотни солнечных зайчиков размером два на два метра. Температура доходила до пяти тысяч градусов, и несчастная в минуту бесследно испарялась, к вящему восторгу верующих.

Мы спустились по узкой улочке, вымощенной обломками кораллов, которая вела к башне утаоранской цитадели. Сооружение это заслуживает того, чтобы о нем рассказать.

Когда я увидел ее башни в первый раз, то не смог сдержать удивленного возгласа. Подобной высоты сооружения мне приходилось видеть лишь у себя дома, да еще в Атлантиде. Из двух десятков башен не было ни одной ниже шестидесяти метров. А главная башня насчитывала почти сто метров от основания до верхнего этажа, не считая того, что сама стояла на довольно высоком уступе горы.

Я тогда не удержался, чтобы не выразить Ингольффу своего восхищения ею. Хлопнув меня по плечу (болезненно екнула селезенка), он сообщил, что может показать с полдюжины мест, где он во время осады без особого труда мог бы перебраться через стену и провести за собой отряд лихих рубак. У каждого свой взгляд на вещи, как говорится.

В древности две главные башни были выше еще на четверть, и на каждой стояло гигантское зеркало из полированного гранита, будто бы способное фокусировать солнечные лучи так, что могло поджечь вражеский корабль, – изделие того же хитроумного жреца, который создал упомянутый выше алтарь. Это, впрочем, не спасло Утаоран от предательства, из-за которого он и был захвачен в ходе Второй Ральской войны, после чего победители сбросили зеркала вниз и разрушили наверхия башен.

И все это, хотя было воздвигнуто больше тысячи лет назад, в развалины не превратилось.

Слева от меня над крышами вздымалось овальной формы здание высотой с десятиэтажный дом из каменных глыб, изъеденных временем. Главные торговые ряды Утаорана.

Зданию этому было уже больше тысячи двухсот лет. Когда-то – лет семьсот-восемьсот тому – именно здесь был крупнейший на тысячи километров вокруг рабский рынок, куда рабов привозили даже из недавно открытой Америки.

Это место было знаменито тем, что именно тут в свое время была с аукциона продана дочь последнего ральского императора и наследница престола вместе со своими сестрами, родственницами и придворными дамами. Это произошло после того, как варвары добились империи, и множество народу – она в том числе – переправились сюда через пролив, ища спасения.

Этот рынок многократно перестраивали, и ныне он представлял собой что-то вроде огромного зала под стеклянным куполом, где вдоль многоэтажных, ступенчато уходящих вверх галерей выстроились лавки, маленькие магазинчики, кафе, меняльные конторы. Рынок по сути был небольшим кварталом, если не сказать – городком внутри города. Сюда приходили не

только по надобности – скажем, купить что-то, – но и просто погулять, встретиться с друзьями, посидеть за стаканчиком вина.

Рынок этот работал круглые сутки, по вечерам и ночами его освещали висевшие под самым куполом зеркальные шары, на которые направлялись лучи мощных прожекторов.

Кстати, хотя электричество открыто здесь довольно давно и применяется широко, но качественных светильников аборигены так и не изобрели. Существуют два их вида – громоздкие тысячеваттные прожектора с дуговыми фонарями, страшно гудящие и распространяющие вокруг зловоние горящих электродов, и небольшие лампы с высоковольтными катушками, испускающими тусклый свет, вроде огней святого Эльма. Технический прогресс иногда преподносит любопытные сюрпризы. Вот, кстати, еще один такой сюрприз пролетел невысоко над островерхими кровлями, треща прямоточным реактивным двигателем – наиболее примитивным из возможных. Больше всего местный летательный аппарат напоминал пузатую летучую мышь с короткими широкими крыльями и длинным гибким хвостом. Сходства добавлял темно-бурый цвет, в который его непонятно зачем выкрасили.

Мидара говорила, что похожие машины есть и у нее дома, и двигатели на них точно такие же. В моем мире они стояли еще на Фау-1. Вопросы технического прогресса меня всегда занимали, поэтому о здешних самолетах я узнал достаточно. Эти низколетающие аппараты, не способные преодолеть большое расстояние, использовались главным образом в военных целях да еще для передачи известий особой важности. Самостоятельно взлетать они не могли – не хватало мощности движков. Иногда для их запуска использовались паровые машины, изредка – из-за дороговизны – ракетные ускорители. В Утаоране эта проблема была успешно решена. Посадочная площадка была оборудована на плоской вершине одной из подходящих к городу с юга известняковых гор, окруженной со всех сторон отвесными обрывами. Слегка разогнав, самолет просто сталкивали с обрыва, и он набирал скорость, скользя вниз.

– Ты не вверх смотри, ты по сторонам смотри, – бросил Ингольф. – Вот туда смотри! – Его ладонь указала на тех самых местных жителей, которые оставили юного жреца в покое и принялись стрелять в нашу сторону глазками. – Ты посмотри, какие девахи! Грудь торчком стоит: кружку с пивом поставь – не упадет!

– Ох, Ингольф, – бросила вышагивавшая за нашими спинами Мидара, – тебе мало девах, с которыми ты дрался?

Тот враз посмурнел. Несколько дней назад Ингольф решил навестить веселый дом и угодил в какой-то притон, где его попытались ограбить. Дело кончилось тяжелыми сотрясениями мозга у вышибалы и хозяйки, а Мидаре пришлось объясняться с местными полицейскими. Впрочем, они быстро исчезли, удовлетвоваввшись нашими скромными подношениями. Благо, как раз незадолго до сего дня я обменял на местные деньги очередную порцию нашего золота. Монеты пришлось предварительно расплавить, а потом надеть слиточки на цепочку, чтобы получилось что-то вроде ожерелья. В менее цивилизованном месте можно расплачиваться хоть царскими червонцами, хоть английскими гинеями, хоть солидами короля иерусалимского и египетского Фридриха – Барбароссы IV. Здесь – совсем другое дело. Самое меньшее, неизвестные деньги примут за содержимое клада. Кладоискательством занимаются серьезные люди, которые очень не любят конкурентов в поисках древнего золота.

Надеюсь, впрочем, совсем скоро местные заморочки перестанут нас волновать.

У причалов мы встретили продавцов. Четверо человек – хозяин, его телохранители и секретарь. Даже до того, как Мидара нас представила, я уже знал – кто есть кто.

Уважаемый Красо – невысокий крепыш лет за сорок, с заметной лысиной. Секретарь, представившийся как Кас, – тип неопределенного возраста, равно лебезящий перед своим хозяином и перед нами. А телохранители... Ну, быки и быки – что я, мало портовых бандитов повидал в своей жизни?

– Так где же корабль, уважаемый? – бросила Мидара, после короткого обмена приветствиями перейдя сразу к делу. – Что-то я его не вижу.

– Да вот он, ближайший к нам. Мы удивленно переглянулись.

Ближе всего к нам стоял длинный пятимачтовый кайти – местная разновидность барка, тысячи в две тонн водоизмещением.

И только потом мы разглядели стоявший в его тени маленький изящный парусник.

Вслед за сопровождающими нас Касом и Красо мы поднялись на палубу.

Пожалуй, корабль этот можно было назвать, пусть и с натяжкой, бригом. Длиной метров тринадцать, он нес две мачты с косыми парусами, как на земных яхтах.

Судно всем нам понравилось уже хотя бы тем, что в большинстве известных нам миров оно по крайней мере не выглядело бы слишком чужеродным.

На корме стоял большой подвесной мотор с уже знакомым мне газовым генератором, только более примитивным, чем наш, который мог работать на дровах и каменном угле.

Во время хода под парусами мотор, чтобы не снижалась скорость, поднимался вверх небольшой лебедкой и укладывался на палубе.

Со вздохом я представил, как будет трудно прятать его в трюме, если случится попасть туда, где ни о чем подобном еще не имеют представления.

Красо вместе с сопровождающими поводит нас по кораблику, особо упирая на то, что на нем все готово для немедленного отплытия, и пытался на этом основании выторговать немного больше, чем заранее оговоренная сумма.

В наши руки перекочевали судовые документы, а заодно и разрешение на свободный выход из порта.

Мы расплатились и довольно холодно распрощались с продавцами.

– Послушай, почтенная, – вдруг напоследок обратился к Мидаре старший из телохранителей. – Что это за странное оружие у тебя? Я в этом деле, уж поверь, соображаю, а никогда не видел такого. – Он ткнул в пистолет-пулемет на плече нашего капитана.

– И не увидишь, – не моргнув глазом, бросила Мидара. – Это ручная работа, особый заказ. Кстати, как этот корабль называется?

Вопрос, кажется, их удивил.

– Назовите его как хотите, – бросил Кас, и улыбка на его губах не показалась мне симпатичной.

– Ладно, – буркнула Мидара, проводив взглядом продавцов. Вытащив кинжал, она слегка уколола палец и стряхнула на палубу капельку крови, затем налила из глиняной фляжки в латунную пробку-стаканчик (я даже удивился – когда успела купить) несколько глотков вина и тоже выплеснула на палубу.

– Отныне и пока его держат волны, нарекаю это судно «Чайкой», – произнесла она обычную хэолийскую формулу нарицания корабля.

Никто не возразил – «Чайкой» звали корабль Ятэра.

– Давайте, готовьтесь к плаванию.

Торопиться у нас были немалые основания. Обстановка в городе день ото дня не улучшалась.

Вчерашней ночью нас разбудила стрельба. Сперва слышались одиночные выстрелы, за ними – железный грохот тяжелых пулеметов. Следом рассыпанным горохом принялись отбивать медленную дробь «колотушки» – местная разновидность пулеметов. Обитатели гостиницы отнеслись к ночным звукам довольно спокойно, но потом в коридоре хлопнуло несколько дверей.

В окно я заметил, как по двору прошмыгнули несколько фигур. На ходу они что-то поправляли под длинными одеяниями. Видимо, они знали о происходящем несколько больше

нас, и оно их каким-то боком непосредственно касалось. Я ощутил некоторое беспокойство – если так, сюда вполне могли заявиться их противники. За несколько дней до нашего прибытия одна из подобных стычек завершилась тем, что в окно постоянного двора была брошена пара гранат...

Что удивительно, на следующий день местные жители о происшедшем почти не говорили – не иначе, здесь это в порядке вещей.

Но такое положение категорически не устраивало нас. Тем более что в ходе похожих беспорядков, как мы узнали из разговоров, лет тридцать назад сгорела треть Утаорана.

Шесть дней назад, ближе к вечеру, я остановился у торца трехэтажного старого дома, сложенного из плит грубозернистого камня, на Короткой улице Торгового квартала вольного города Утаоран. Мне была назначена встреча именно здесь, в маленьком кабачке, что разместился в полуподвале, – о его присутствии явственно говорила вывеска, кованная из бронзы и изображавшая аляповатый кубок, в который текла струя вина. Перед тем как спуститься по истертым ступенькам вниз, я одернул полукафтан, при этом невзначай проверив лишний раз оружие.

Подолой был спрятан кремниевый револьвер в самодельной кобуре. Этой выдумке местных оружейников было лет сто, но подобные ему до сих пор здесь в ходу. На нем стоял заводимый особым ключом колесцовый замок, пружина которого одновременно вращала барабан с шестью зарядами. Кроме того, за обшлаг был засунут маленький, отточенный до бритвенной остроты дамский кинжальчик: подобной хитрости научила меня в свое время Мидара.

В зале, где стоял чадный полумрак, было около двух десятков крошечных столиков, из которых заняты были примерно две трети.

Элегантно одетые люди неопределенного возраста, выражение лица и оттенок носа которых выдавал профессиональных гуляк, торговцы или приказчики средней руки, остальные – обычный городской люд: глазу не за что зацепиться.

За столиками по углам сидели несколько девиц, о профессии которых недвусмысленно говорили розовые и синие нашивки на рукавах.

Имелся и специальный чтец, одновременно писец. Всякий желающий мог попросить его за скромную плату почитать одну из лежащих на столе перед ним разноязыких газет или черкнуть записку или письмо.

Народ подходил к стойке, сам выбирал выпивку из стоявших на полках кувшинов и бутылок и тут же принимал ее. В ряд на стойке выстроились диски с закусками – тонко нарезанным вяленным мясом, квашеными овощами и мелкими омарами.

Делалось это в память о тех беспокойных временах, когда одним из самых распространенных преступлений была кража людей в подобных заведениях, когда в поило незаметно подсыпали снотворное зелье. Заснувшие просыпались уже в цепях в трюмах работорговцев.

Усевшись за свободный столик, я заказал баранье жаркое с ароматной зеленью и тарелку огромных вареных креветок с острым соусом. К ним подали стопку еще теплых просяных лепешек и сладкий картофель. Кроме того, я взял маринованные щупальца осьминога, которых тут именовали змееногами, и небольшой терракотовый графин легкого розового вина. Кстати, это местное вино особенно любил Мустафа. Вообще хмельные напитки он весьма уважал. Однажды кто-то из моих знакомых спросил его, как винопитие согласуется с Кораном. И услышал в ответ, что, оказывается, перед последним походом Главный муфтий Балтийского флота особой фетвой разрешил матросам утолять жажду «соком виноградной лозы» на все время плавания. Поскольку формально Мустафа все еще находился в походе, то мог без зазрения совести и боязни Аллаха вкушать запретный для прочих мусульман напиток. Сотворив принятый здесь жест благодарения богов за еду – приложив руки к груди и подняв вверх ладони, – я принялся за аппетитнейшую, отлично прожаренную баранину.

Именно такой ужин и именно в таком порядке блюд я должен был заказать по условиям, которые передал нам человек, пообещавший свести нас с нужными людьми.

Немного утолив голод и занявшись креветками, я бросил чтецу мелкую монету из низкопробного серебра и принялся выслушивать произносимые скороговоркой вполголоса новости планеты Хемс. На себе я ловил презрительно насмешливые взгляды: мол, надо же, деревенщина тупая, читать не научился, а туда же – в пристойное заведение пожаловал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.